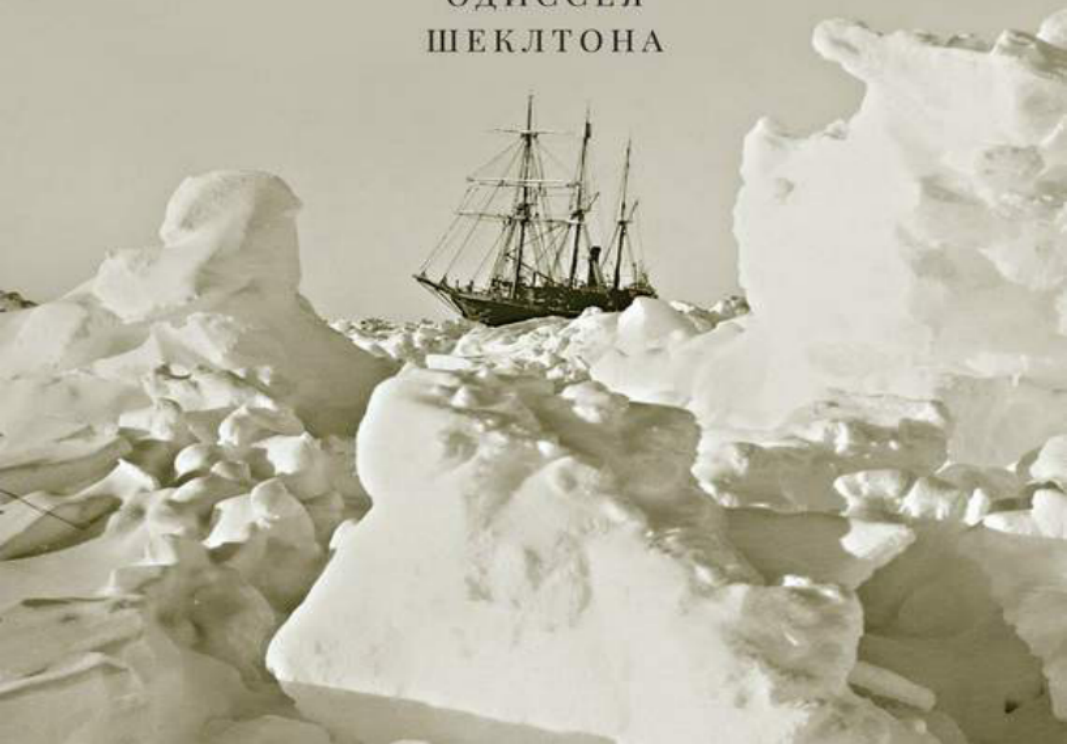
Эта яркая, увлекательная, подробная и достоверная история освобождения из антарктического плена показывает пример истинного лидерства.
АЛЕКСЕЙ МИРОНОВ, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР «КЛУБА ПУТЕШЕСТВИЙ SPECIAL»

АЛЬФРЕД ЛАНСИНГ

ЛИДЕРСТВО ВО ЛЬДАХ

АНТАРКТИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ ШЕКЛТОНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В основе сюжета величественной, жизненной и достоверной приключенческой повести лежит история об Антарктической экспедиции сэра Эрнеста Шеклтона, отправившегося к берегам Южной Атлантики на борту корабля «Эндьюранс», чтобы пересечь Южный полюс. Его команде пришлось вести борьбу за выживание в одном из самых суровых мест планеты. Эта книга, давно признанная самым точным произведением, описывающим судьбоносную одиссею, станет источником вдохновения для великих дел и будет интересна тем, кто любит истории о первооткрывателях и путешественниках и хочет больше узнать о лидерстве.

На русском языке публикуется впервые.

- Альфред Лансинг
  - От партнера издания
  - Пролог
  - Члены Имперской трансантарктической экспедиции
  - Часть I
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - Часть II
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
  - Часть III
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
  - Часть IV

        - Глава 21
        - Глава 22
        - Глава 23
        - Глава 24
        - Глава 25
    - Часть V
        - Глава 26
        - Глава 27
        - Глава 28
        - Глава 29
        - Глава 30
        - Глава 31
    - Часть VI
        - Глава 32
        - Глава 33
        - Глава 34
        - Глава 35
        - Глава 36
        - Глава 37
    - Часть VII
        - Глава 38
        - Глава 39
        - Глава 40
        - Эпилог
    - От автора
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40

Альфред Лансинг
Лидерство во льдах. Антарктическая одиссея Шеклтона

От партнера издания

Хотя Имперская трансантарктическая экспедиция, о которой рассказывается в этой книге, не достигла поставленной цели (о том, насколько недостижимой и самонадеянной она была, можно судить по тому, что пересечь антарктический материк людям удалось лишь в 1958 году), невозможно не восхищаться мужеством и силой духа всех ее участников. А особенно руководителя экспедиции — сэра Эрнеста Шеклтона. Именно благодаря его силе воли и духа ни один человек не погиб в суровом походе по пересечению континента.

Люди нуждаются в лидерах всегда, особенно, когда на их долю выпадают самые трудные испытания, которые даже невозможно себе представить. Таким лидером стал для двадцати восьми членов экипажа их руководитель. Ему почти каждый день приходилось принимать сложные решения, ведь он нес на своих плечах тяжелое бремя ответственности за своих людей и во что бы то ни стало должен был довести их до цивилизации живыми. Пусть их корабль погиб, пусть они потеряли всякую надежду прославиться и разбогатеть, потому что было ясно, что до цели им не дойти, единственное, что у них оставалось, их жизнь — и за нее они сражались каждую секунду. Бросившие вызов беспощадной Природе, затерянные среди невыразимо прекрасного царства льда, люди испытали сполна ее оправданный гнев, но не были сломлены. Ведь теперь перед ними стояла другая, простая, но главная цель — остаться в живых. И, преклоняясь перед силой духа, отвагой и мужеством покорителей Антарктики, Природа сотворила чудо, сохранив им жизнь.

Современному человеку не обязательно подвергать себя опасностям, пережитым этими бесстрашными людьми, ведь сегодня мы можем проделать тот же самый путь и своими глазами увидеть то, что много лет назад увидели они, — невыразимо прекрасную, сверкающую ледяную Антарктику.

«Клуб путешествий Special», вдохновленный подвигами покорителей шестого континента, организовал туристический тур к Южному полюсу. Отправившись в путешествие со Special, вы вдохнете дух странствий и приключений и заново откроете Антарктику.

Алексей Миронов,

генеральный директор «Клуба путешествий Special»

Пролог

Это правдивая история.

Я сделал все возможное, чтобы максимально реалистично описать произошедшие события и как можно точнее выразить эмоции людей, принимавших в них участие. Для осуществления этой цели я получил доступ к огромному количеству информации. Мне очень помогли подробнейшие личные дневники каждого из тех членов экспедиции, кто вел их. Они описывают все события с удивительной доскональностью, учитывая условия, в которых приходилось делать записи. На самом деле в них содержится намного больше информации, чем поместилось бы на страницах данной книги.

Все эти невероятные дневники, пропитанные жиром ворвани, были безнадежно сморщены оттого, что когда-то полностью намокли, а затем высохли. Одни большие, похожие на бухгалтерские книги, исписанные размашистым подчерком; другие маленькие, по сути, записные книжечки, заполненные крошечными буквами. Тем не менее содержание, язык, стиль и пунктуация всех этих записей сохранены мною в точности.

Помимо предоставления своих дневников, почти все дожившие до наших дней члены экспедиции любезно согласились дать мне полные, многочасовые интервью, которые иногда затягивались на несколько дней. Я безмерно благодарен этим людям за содействие. С такой же терпеливой готовностью они отправляли письмо за письмом с ответами на многочисленные вопросы, возникавшие у меня при написании книги.

Таким образом, большинство людей, переживших это поразительное приключение, великодушно помогли мне воссоздать на страницах этой книги наиболее объективную картину произошедших событий. Я чрезвычайно горжусь нашим сотрудничеством и совместно проделанной работой.

Несмотря на вышесказанное, хочу подчеркнуть: все участники экспедиции, помогавшие мне в работе, не несут никакой ответственности за то, что вы прочитаете в книге. Если я истолковал что-либо неверно или допустил какие-то неточности — это исключительно моя вина.

Имена всех, кто помогал мне в работе, указаны в конце книги.

Члены Имперской трансантарктической экспедиции

Сэр Эрнест Шеклтон — *руководитель экспедиции*
Фрэнк Уайлд — *помощник командира*
Фрэнк Уорсли — *капитан*
Лайонел Гринстрит — *первый помощник капитана*
Хьюберт Хадсон — *штурман*
Томас Крин — *второй помощник капитана*
Альфред Читэм — *третий помощник капитана*
Льюис Рикинсон — *первый машинист*
Альфред Керр — *второй машинист*
Александр Маклин — *врач*
Джеймс Макелрой — *врач*
Джеймс Уорди — *геолог*
Реджинальд Джеймс — *физик*
Леонард Хасси — *метеоролог*
Роберт Кларк — *биолог*
Джеймс Фрэнсис (Фрэнк) Херли — *фотограф*
Джордж Мэрстон — *художник*
Томас Орд-Лис — *машинист (позже баталер[1])*
Гарри Макниш — *плотник*
Чарльз Грин — *повар*
Уолтер Хоу — *матрос*
Уильям Бэйквелл — *матрос*
Тимоти Маккарти — *матрос*
Томас Маклеод — *матрос*
Джон Винсент — *матрос*
Эрнест Холнесс — *кочегар*
Уильям Стивенсон — *кочегар*
Пирс Блэкборо — *безбилетник (позже стюард)*

Часть I

Глава 1

Приказ покинуть корабль прозвучал в пять часов вечера, хотя большинству участников экспедиции к этому времени и так уже было понятно, что судно не спасти. Никто не испытывал ни страха, ни тревоги. Они неустанно боролись в течение трех дней — и проиграли. Свое поражение люди приняли почти равнодушно. Слишком были измотаны, чтобы переживать.

Помощник командира Фрэнк Уайлд прошел по гнущейся палубе к кубрикам. На нижних койках лежали два моряка: Уолтер Хоу и Уильям Бэйквелл. Они порядком обессилели за три дня практически непрерывного откачивания воды, но все же не могли уснуть из-за звуков, которые продолжал издавать корабль.

Его сдавливало. Не резко, но постепенно и неумолимо. С каждой минутой масса десяти миллионов тонн льда все сильнее давила на его бока. Корабль умирал медленной и мучительной смертью. Он задыхался в агонии. Его рамы и обшивка, его огромные балки, многие почти по тридцать сантиметров толщиной, пронзительно трещали, когда убийственное давление усиливалось. Не выдерживая нагрузки, балки ломались со звуком артиллерийского огня. Большинство поперечных балок в передней части корабля сломались в течение этого дня. Палуба ритмично вздымалась и опускалась, каждый раз, когда давление нарастало и спадало.

Уайлд просунул голову в кубрик и тихо произнес: «Он тонет, ребята. Пора спасаться». Хоу и Бэйквелл поднялись с коек, взяли две наволочки, где хранили личные вещи, и вышли вслед за Уайлдом на палубу.

Затем Уайлд вошел в крошечное машинное отделение. Второй машинист Керр стоял у подножия лестницы и ждал. Рядом с ним был и Рикинсон, главный машинист. Почти семьдесят два часа подряд они поддерживали пар в котлах, обеспечивая работу помп в машинном отделении. Все это время они не видели, как движется лед, но знали и чувствовали, что он делает с кораблем. Хотя в некоторых местах стены судна были около метра толщиной, под давлением льда они прогибались внутрь на пятнадцать сантиметров. Вместе с ними со скрежетом сжимались и стальные плиты пола: они вздымались, а затем резко наезжали одна на другую с пронзительным металлическим визгом.

Уайлд сказал: «Бросьте это дело. Он тонет». На лице Керра промелькнуло облегчение.

Затем Уайлд свернул в сторону кормовых двигателей. Там старый плотник Макниш и матрос Маклеод занимались починкой

разорванных кусков покрытия водонепроницаемой крепи, построенной Макнишем вчера, когда лед пробил ахтерштевень[2] и судовой руль. Конструкция должна была остановить поток воды, заливающий корабль. Но сейчас вода поднялась почти до пола, и водонепроницаемая крепь уже не успевала сдерживать ее поток быстрее, чем откачивали помпы. Даже когда давление прекращалось, слышалось журчание воды, неумолимо заполняющей трюмы.

Уайлд подал Макнишу и Маклеоду сигнал оставить работу. Затем он поднялся на главную палубу.

Кларк, Хасси, Джеймс и Уорди уже сами бросили откачивать воду, осознав тщетность этого занятия. Теперь они молча сидели — кто на коробках, кто на самой палубе, облокотившись на фальшборт. На их лицах читалась бесконечная усталость: сказывались три дня непрерывного труда на помпах.

Неподалеку от них каюры[3] привязали большой кусок паруса к левому борту таким образом, что получился прямой спуск на лед рядом с кораблем. Они вывели из клетей сорок девять хаски и теперь по очереди спускали их вниз по этому склону. Там собак ждали другие участники экспедиции. Обычно при подобном приключении собаки сходили бы с ума от возбуждения, но сейчас они как будто чувствовали, что вокруг происходит что-то странное. Ни одна собака не сцепилась с другой, ни одна не попыталась убежать.

Возможно, хаски чувствовали отношение людей к происходящему: те работали быстро и четко, практически не разговаривая друг с другом, но при этом не выглядели встревоженными. И если не обращать внимания на движение льда и звуки, издаваемые кораблем, эту сцену можно было бы назвать относительно спокойной. Температура воздуха составляла минус восемь градусов[4], дул легкий южный ветерок, на сумеречном небе не было видно ни облачка.

Где-то вдалеке, намного южнее места вынужденной стоянки корабля, начиналась буря, которая медленно двигалась в его сторону. Даже спустя два дня она будет еще далеко от корабля. Но ее появление уже сейчас угадывалось по верному признаку: весь лед вокруг судна и на сотни километров к югу пришел в движение. Безграничная, невообразимо плотная масса льда. Поэтому, несмотря на то что буря была еще далеко, сила ее ветров уже сейчас сталкивала ледяные плиты друг с другом.

Лед двигался настолько хаотично, что все вокруг корабля выглядело, словно огромный пазл с бесконечным количеством элементов, которые постоянно сдвигали и переставляли какие-то непреодолимые невидимые силы. Неспешная последовательность

этого движения лишь подчеркивала их колоссальную власть. Каждый раз происходило одно и то же. Встречаясь друг с другом, две толстые льдины какое-то время неторопливо ударялись друг о друга. Затем, если ни одна из них не начинала разрушаться, медленно вздымались, угрожающе сотрясаясь, движимые какой-то безжалостной рукой. Иногда они внезапно застывали на месте, как будто кто-то невидимый, управлявший льдом, вдруг терял интерес к происходящему. Но чаще всего льдины толщиной более трех метров продолжали неумолимо вздыматься, принимая форму крыш гигантских домов. Так продолжалось до тех пор, пока одна из них или обе сразу не ломались и не опрокидывались, оказывая мощное давление на соседние льдины.

Движение глыб сопровождалось особыми звуками: помимо постоянного воя и хрипа каждый раз, когда разваливалась очередная глыба льда, слышались тяжелые глухие удары. В довершение всего из-за колоссального давления льдины издавали просто-таки невероятные звуки, многие из которых казались немыслимыми в подобной ситуации. Иногда это был свист гигантского поезда со скрипучими стержнями, который с оглушительным грохотом переходил на другой путь. Одновременно с этим раздавались гудки огромного корабля, смешивающиеся с криками петухов, рокотом далекого прибоя, плавной пульсацией моторов и отчаянными стонами старухи. В редкие минуты спокойствия, когда движение льда ненадолго прекращалось, слышался приглушенный бой барабанов.

Во всей этой ледяной вселенной самое мощное движение и самое сильное давление возникали там, где глыбы льда обрушивались на корабль. Хуже было просто некуда. Одна огромная льдина плотно защемила правый борт судна, вторая сплющивала его с той же стороны, но у кормы. Третья — с другой стороны давила на левый траверз. Таким образом, лед словно пытался сломать корабль пополам, ровно посредине. Временами корабль, словно в судорогах, выгибался вправо по всей длине.

В носовой части судна ощущался самый сильный натиск — лед фактически затапливал ее, наваливаясь все сильнее и сильнее, постепенно поднимаясь выше фальшборта. Затем с сокрушительным ударом он обрушился на палубу и еще ниже опустил переднюю часть корабля. В таком положении обреченное судно окончательно оказалось во власти льда, сжимавшего его со всех сторон.

На каждую новую волну давления корабль отзывался по-разному. Иногда он просто слегка содрогался, как человек, которого укололи. Иногда словно начинал биться в конвульсиях, издавая при этом звуки, похожие на неистовые страдальческие

крики. При этом все три мачты отчаянно раскачивались, натягиваясь до предела, словно струны арфы. Но самыми мучительными для экипажа были моменты, когда задыхавшийся в агонии корабль напоминал огромное живое существо, которое отчаянно пыталось вдохнуть воздух, упорно сопротивляясь гибельному давлению.

Корабль стонал, словно гигантский зверь в предсмертной агонии, и его крики поражали и пугали всех, кто находился на нем.

К семи часам вечера все необходимое оборудование уже спустили на лед, и на ровной ледяной плите, недалеко от правого борта судна, разбили небольшой лагерь. Шлюпки спустили еще прошлой ночью. Высаживаясь на лед, каждый из членов экипажа чувствовал большое облегчение. Они уходили с обреченного на смерть корабля, и вряд ли кому-то хотелось добровольно на него вернуться.

К сожалению, нескольким невезучим все-таки пришлось это сделать, чтобы отыскать и принести кое-что. Одним из них был Александр Маклин, молодой коренастый физик, помимо прочего выполнявший обязанности каюра. Только что закончив привязывать своих собак у лагеря, он тут же получил приказ вернуться с Уайлдом на корабль, чтобы принести немного бревен с носовой части. Не успели они подойти к судну, как услышали громкий крик из лагеря. Льдина, на которой стояли палатки, начала ломаться. Уайлд и Маклин ринулись обратно. Экипаж не терял ни минуты. Мгновенно запрягли собак, а все палатки, сани, припасы и необходимое оборудование перенесли на другую льдину, на сто метров дальше от корабля.

К тому времени, когда завершились все работы, корабль уже находился на грани гибели и мог в любую минуту затонуть, поэтому Уайлд и Маклин как можно быстрее побежали к нему. Они пробрались по ледяным глыбам, завалившим переднюю часть судна, и сумели поднять крышку люка, который вел к носовому отсеку. Лестницу вырвало из основания, и она завалилась на бок. Поэтому им пришлось спускаться в темноту, крепко держась за руки.

Шум, царивший внутри, сложно описать словами. Полупустое помещение, будто резонаторный ящик[5], отражало и усиливало все звуки, будь то упавший болт или треск щепок, откалывающихся от бревен. Оттуда, где стояли эти двое, до борта было рукой подать, и они явственно слышали, как лед старается пробить себе дорогу внутрь.

Уайлд и Маклин терпеливо ждали, пока их глаза привыкнут к темноте. Но то, что они увидели, ужаснуло. Вертикальные

подпорки были вогнуты внутрь, а перекрестные, прямо над их головами, с минуты на минуту могли треснуть. Казалось, будто корабль сжимают гигантскими тисками, медленно затягивая их до того предела, когда он больше не сможет сопротивляться давлению.

Бревна, за которыми они пришли, лежали в темных нишах под самым сводом корабля. Чтобы добраться до них, требовалось проползти через поперечную переборку. Но она прогнулась наружу настолько, что могла лопнуть в любой момент, и тогда весь носовой кубрик обрушился бы на их головы.

Маклин замер в нерешительности. Уайлд почувствовал страх, охвативший товарища, и, перекрикивая грохот, велел ему оставаться на месте. Затем он запрыгнул в отверстие за переборкой и через пару минут начал передавать оттуда бревна Маклину.

Они работали с лихорадочной скоростью, но это время обоим казалось вечностью. Маклин был уверен: они ни за что не успеют вытащить последнее бревно прежде, чем корабль разрушится. Но вот голова Уайлда снова показалась в отверстии. Они подняли все бревна на палубу, выбрались сами и постояли там какое-то время, упиваясь сладким чувством долгожданной безопасности. Позже Маклин сделал в своем личном дневнике такую запись: «Не думаю, что когда-либо я испытывал настолько ужасное, отвратительное чувство страха, как тогда, в трюме тонущего корабля».

Через час после того, как последний человек покинул корабль, лед проломил его стены. Острые ледяные копья втыкались в гибнущее судно, нанося ему страшные раны, через которые внутрь вваливались большие куски льда. Все от середины корабля до носа было затоплено. Весь правый борт сдавило с невероятной силой. Ледовый таран протолкнул часть пустых баков из-под бензина, сложенных на палубе, сквозь стену рубки. Двигаясь дальше, по пути к левому борту, эти баки сорвали со стены и понесли перед собой большую картину в раме, которая висела на стене рубки. Каким-то чудесным образом стекло, закрывавшее картину, не треснуло.

Позже, когда в лагере все успокоилось, несколько человек вернулись, чтобы посмотреть на брошенное судно. Но их было не много. Большинство остались в своих палатках, продрогшие и уставшие. На какое-то время их перестала волновать дальнейшая судьба. Лишь один человек не разделял всеобщего чувства облегчения, по крайней мере, не в полном смысле слова. Это был коренастый мужчина с широкими лицом и носом, говоривший с легким провинциальным ирландским акцентом. Почти все время,

пока экипаж спускал с корабля оборудование, вещи и собак, он стоял в стороне.

Его звали сэр Эрнест Шеклтон, а двадцать семь человек, за которыми он наблюдал, бесславно покидавшие побежденный стихией корабль, были членами его Имперской трансантарктической экспедиции.

Это случилось 27 октября 1915 года. Корабль назывался «Эндьюранс»[6]. 69°5′ южной широты, 51°30′ западной долготы… Сердце ледяной пустыни антарктического моря Уэдделла, где-то посередине между Южным полюсом и ближайшим поселением, до которого — почти тысяча двести миль[7].

Мало кому выпадало нести такую ответственность, которую сейчас вынужден был взвалить на свои плечи Шеклтон. Конечно, он осознавал безнадежность ситуации, но тогда не мог даже представить, какие тяжелые физические и моральные испытания им придется вынести, насколько суровые морозы вытерпеть, каким страданиям подвергнуться.

Они — во всех смыслах этого слова — остались одни посреди бескрайнего ледяного антарктического моря. Прошло уже около года с тех пор, как экипаж последний раз выходил на связь с цивилизованным миром. Никто, кроме них, не знал, что они потерпели крушение. Более того, никто даже не подозревал, где они сейчас находятся. У них не было радиопередатчика, с помощью которого они могли бы уведомить потенциальных спасателей о своей беде. Но даже отправь они сигнал SOS — вряд ли кто-нибудь пришел бы им на помощь. Шел 1915 год — еще не было ни вертолетов, ни вездеходов, ни снегоходов, ни подходящих для таких условий самолетов.

Положение экспедиции ужасало своей простотой: если спасаться, то только самим.

Шеклтон просчитал, что шельфовые льды Антарктического полуострова, ближайшей земли, находились в ста восьмидесяти двух милях на западо-юго-запад от них. Но до самой земли оставалось двести десять миль, и она была пустынна — ни людей, ни животных. Это лишало надежды на облегчение участи и спасение.

Ближайшим известным местом, в котором они могли хотя бы найти еду и приют, был крошечный островок Паулет, не больше двух километров в диаметре, до которого надо было добираться триста сорок шесть миль по вздымающемуся льду. Там двенадцать лет назад, в 1903 году, команда шведского корабля «Антарктика» провела зиму, после того как их судно застряло во льдах моря Уэдделла. Его удалось спасти, и тогда же экипаж корабля, пришедшего на помощь «Антарктике», оставил припасы

на острове Паулет на тот случай, если кто-нибудь когда-нибудь еще раз потерпит здесь кораблекрушение. По иронии судьбы, именно Шеклтону было поручено закупить эти припасы. И вот сейчас, двенадцать лет спустя, они оказались жизненно необходимы ему самому.

Глава 2

Приказ Шеклтона покинуть корабль означал не только начало величайшего антарктического приключения, но и старт самой претенциозной антарктической экспедиции. Целью Имперской трансантарктической экспедиции было, как можно догадаться по названию, пересечь по суше Антарктический континент с запада на восток.

Масштабность и амбициозность этого проекта подтверждается и тем, что после неудачи Шеклтона в течение полных сорока трех лет никто не предпринимал ни одной попытки пересечь Антарктику, вплоть до 1957–1958 годов, когда Вивиан Фукс возглавил Трансантарктическую экспедицию Британского содружества, организованную в рамках программы Международного геофизического года[8]. Команда Фукса имела в своем распоряжении отапливаемые гусеничные машины и мощные радиоприемники. Ее сопровождали самолеты-разведчики и собачьи упряжки. И несмотря на все это, руководитель экспедиции был близок к тому, чтобы сдаться. И только после четырех месяцев блужданий ему наконец удалось достичь той цели, которую Шеклтон поставил перед собой в далеком 1915 году.

Для Шеклтона это была третья антарктическая экспедиция. Первая — Национальная антарктическая экспедиция под руководством Роберта Скотта, прославленного британского исследователя. Они дошли до 82°15′ южной широты, остановившись в семистах сорока пяти милях от полюса, — по тем временам рекордное приближение.

Затем, в 1907 году, Шеклтон возглавил первую экспедицию, целью которой был сам Южный полюс. В итоге он и трое его спутников оказались всего в девяноста семи милях от цели, но вынуждены были повернуть назад из-за нехватки еды. Их возвращение превратилось в отчаянную гонку и борьбу со смертью. Команде удалось выжить, и Шеклтон вернулся в Англию героем Британской империи. Все обращались с ним как со знаменитостью, король посвятил его в рыцари, и каждое более-менее значимое государство мира считало своим долгом вручить ему собственную награду.

Шеклтон написал книгу и отправился в мировое турне с лекциями, с которыми объехал все Британские острова, Соединенные Штаты Америки, Канаду и бо́льшую часть Европы. Но даже после всего этого его мысли были заняты только Антарктикой.

Шеклтону оставалось пройти до полюса каких-то девяносто семь миль, поэтому он лучше, чем кто-либо знал, что его покорение — лишь вопрос времени; любая другая экспедиция могла бы достичь поставленной им самим цели. В марте 1911 года он написал из Берлина, где в то время находился в турне, своей жене Эмили: «Мне кажется, что любой другой экспедиции, кроме той, которая пересечет весь континент, будет недостаточно».

Тем временем в 1909 году американская экспедиция под руководством Роберта Пири достигла Северного полюса. В конце 1911 — начале 1912 года вторая экспедиция Скотта попыталась достичь Южного полюса раньше норвежской экспедиции Руаля Амундсена и проиграла, опоздав чуть больше чем на месяц. Обидное поражение, но на этом несчастья экспедиции Скотта не закончились. На обратном пути к своей базе Скотт с тремя товарищами погиб из-за переутомления, истощения и цинги.

Когда новости о достижении Скотта и трагических обстоятельствах его смерти достигли английских берегов, вся страна скорбела по нему. Чувство потери усугублялось и тем, что Великобритания, до тех пор не имевшая себе равных в области географических открытий, теперь занимала унизительное второе место, уступив звание чемпиона Норвегии.

В то время, когда происходили эти события, Шеклтон значительно продвинулся в разработке плана трансантарктической экспедиции. В одном из своих ранних проспектов, ходатайствуя о выделении средств на нее, Шеклтон сделал основной акцент на престиже, который она должна была принести всей стране.

Он писал: «С сентиментальной точки зрения это последнее великое полярное путешествие, которое только можно совершить. Оно будет намного значительнее, чем путешествие до полюса и обратно. И я считаю, что именно Британия должна совершить его, так как нас обогнали и в покорении Северного, и в первом покорении Южного полюса. Теперь осталось только одно путешествие, самое большое и выдающееся, — пересечение континента».

Шеклтон планировал доплыть на корабле до моря Уэдделла и сойти на землю в сопровождении шести человек и семнадцати собак около залива Вахсела, приблизительно 78° южной широты 36° западной долготы. Примерно в то же время второй корабль должен был войти в пролив Мак-Мёрдо из моря Росса, то есть почти на противоположной оконечности континента относительно моря Уэдделла. Перед экипажем стояла четкая задача: выгрузить со своей базы и оставить запас провианта в

надежном, скрытом месте практически у самого полюса. В это время группа, высадившаяся у моря Уэдделла, должна была достичь полюса, питаясь своими припасами. От полюса они подошли бы к леднику Бирдмора, где пополнили бы запасы на южном складе, оставленном командой, высадившейся у моря Росса. Остальные точки с провизией помогли бы им добраться до станции Мак-Мёрдо.

Таким был план на бумаге, и, что характерно для Шеклтона, он выглядел очень цельным, смелым и ясным. Исследователь ни капли не сомневался в том, что экспедиции удастся достичь своей цели.

В некоторых кругах это предприятие критиковали, называя «опрометчивым». И отчасти так оно и было. Но по-другому Шеклтон бы не поступил. Ведь он был настоящим исследователем в традиционном смысле слова: уверенный в своих силах, романтичный и немного склонный к хулиганским выходкам.

Тогда ему было сорок лет. Среднего роста, с крупной шеей, широкими, слегка сутулыми плечами, темно-каштановыми волосами с ровным пробором по центру. Его крупный, чувственный и выразительный рот с равной легкостью мог изогнуться от смеха или сжаться в тонкую напряженную линию. Нижняя челюсть словно отлита из железа. Серо-голубые глаза, как и рот, ясно выражали любую эмоцию — то зажигались весельем, то угрожающе темнели. Взгляд становился застывшим, суровым, пугающим. Лицо его можно было назвать красивым, несмотря на часто появлявшуюся на нем глубокую задумчивость. Казалось, мысли Шеклтона витали где-то далеко, что иногда придавало ему мрачноватый вид. У него были небольшие руки, но с сильной и уверенной хваткой. Говорил Шеклтон спокойно и мягко, легким баритоном с почти неуловимым провинциальным акцентом родного ирландского графства Килдэр. В каком бы он ни пребывал настроении — веселом и беззаботном или, наоборот, в приступе ярости, — ему была присуща одна отличительная черта: целеустремленность.

Циники могут вполне оправданно утверждать, что Шеклтоном при организации экспедиции двигало желание преумножить известность и славу собственно Эрнеста Шеклтона, а также получить большое финансовое вознаграждение, положенное руководителю удачного проекта такого масштаба. Без сомнения, все эти мотивы постоянно будоражили ум Шеклтона. Он не понаслышке знал о том, что такое социальный статус и какую роль играют деньги. Неизменной (и неосуществимой) мечтой всей его жизни — во всяком случае так казалось окружающим — оставалось стабильное материальное

благополучие, желательно на всю жизнь. Ему нравилось представлять себя владельцем крупного участка земли, отстранившимся от суеты повседневного мира, всегда пребывающим в достатке, имеющим деньги и свободное время для того, чтобы заниматься тем, чем ему хочется.

Шеклтон происходил из семьи среднего класса, будучи сыном в меру успешного врача. В шестнадцать лет он поступил на Британский военный флот. Несмотря на то что его регулярно повышали в звании, постепенное продвижение по службе не соответствовало его яркой, взрывной натуре.

Затем в его жизни произошли два важных события: экспедиция со Скоттом в 1901 году и женитьба на дочери богатого адвоката. Первое познакомило его с Антарктикой, которая сразу же навсегда очаровала его. А второе лишь усилило страсть к деньгам. Он испытывал потребность хорошо обеспечивать свою жену, чтобы она жила в привычном для нее достатке. Антарктика и финансовая стабильность стали для Шеклтона почти синонимами. Он понимал, что успех подобной экспедиции, такое невероятно отважное путешествие поразит весь мир, откроет ему дорогу к славе и… богатству.

Между экспедициями он творил настоящие чудеса в погоне за деньгами, постоянно продумывая различные схемы, которые, по его мнению, помогли бы ему заработать целое состояние. Невозможно перечислить все его проекты; среди них были, например, такие идеи, как производство сигарет, создание таксопарка, горные работы в Болгарии, охота на китов и даже поиски зарытых кладов. Большинство его идей так и не были воплощены в жизнь, а реализованные, как правило, оказывались не очень успешными.

Нежелание Шеклтона уступать ежедневным потребностям и его ненасытная тяга участвовать в рискованных, зачастую нереальных предприятиях привело к тому, что его стали обвинять в безответственности и инфантилизме. Возможно, по общепринятым стандартам, он таким и был. Но разве можно подходить с общей меркой к оценке таких великих предводителей своего времени, как Наполеон, адмирал Нельсон или Александр Македонский? Было бы несправедливо оценивать их действия по общему образцу. А Шеклтона тоже вполне можно назвать выдающимся лидером.

Однако Антарктика не была для него очередным способом заработать деньги. Он действительно нуждался в ней как в масштабном и требующем настоящего внимания деле. Эта земля бросала вызов его гигантскому эго и безграничной энергии. В обычной жизни стремление Шеклтона продемонстрировать свою

храбрость и отвагу не находило достойного применения. Масштаб был неподходящий. Порой он напоминал першерона[9], запряженного в игрушечную повозку. Но Антарктика стала для него достойным испытанием: она бросила Шеклтону вызов, заставивший его выложиться до конца, жить и работать на пределе сил.

Надо сказать, что с повседневными трудностями Шеклтон справлялся очень неумело. При этом он обладал одним особым талантом, который можно назвать даже приметой гения, — истинными лидерскими способностями. Хотя за всю свою жизнь он поделился этим даром с немногими людьми. Как говорил один из членов его экспедиции, он был «лучшим из лидеров, которых Бог когда-либо посылал на Землю».

О Шеклтоне говорили так: «За научным руководством обращайтесь к Скотту, за быстрой и результативной поездкой — к Амундсену. Но, если вы в безнадежном положении и кажется, что выхода уже нет, — встаньте на колени и помолитесь о Шеклтоне»[10]. Этот человек первым захотел пересечь Антарктический континент пешком.

Самым существенным пунктом в подготовке его экспедиции стали корабли, которые должны были довезти две группы до Антарктики. У знаменитого австралийского исследователя сэра Дугласа Моусона Шеклтон приобрел «Аврору» — крепкий, прочный корабль, похожий на те, что использовали для охоты на тюленей. «Аврора» к тому времени уже участвовала в двух антарктических экспедициях. Сейчас она была предоставлена отряду моря Росса под предводительством лейтенанта Энеаса Макинтоша, который во время экспедиции Шеклтона в 1907–1909 годах служил на судне «Нимрод».

Сам Шеклтон возглавил трансконтинентальный отряд, который должен был подойти к континенту с моря Уэдделла. Для своей команды Шеклтон купил у норвежского китобойного магната Ларса Кристенсена корабль, который ему заказали для охоты на полярных медведей. В то время такие походы были очень популярны среди богачей.

В этом многообещающем предприятии у Кристенсена был партнер — бельгиец Адриен де Жерлаш. В 1897 году он уже возглавлял антарктическую экспедицию[11], поэтому мог дать очень дельные советы при постройке судна. Но во время строительства де Жерлаш столкнулся с финансовыми трудностями и был вынужден выйти из бизнеса. Лишившийся партнера Кристенсен очень обрадовался предложению Шеклтона купить корабль. И хотя продавец получил за него шестьдесят семь тысяч долларов, то есть меньше, чем потратил на его

строительство, он был готов нести убытки ради реализации планов исследователя такого масштаба, как Шеклтон.

Корабль назывался «Полярис». Но после покупки Шеклтон переименовал его в «Эндьюранс»[12] в соответствии со своим фамильным девизом: Fortitudine vincimus — «Выносливостью победим».

Как нередко случается с частными проектами, основной проблемой Имперской трансантарктической экспедиции стало финансирование. Шеклтон потратил около двух лет на его поиски. Чтобы получить различные гранты от государства и всевозможных научных сообществ, следовало доказать, что проект имеет большое научное значение. И Шеклтону, чей интерес к науке вряд ли можно было сравнить с его любовью к исследованиям, пришлось акцентировать внимание именно на научной составляющей путешествия. В некоторой степени со стороны Шеклтона это было притворством, но нескольких весьма одаренных ученых все-таки включили в состав команды.

Однако, несмотря на личное обаяние и убедительное красноречие, Шеклтон то и дело сталкивался с обещаниями финансовой поддержки, которые так и не были выполнены. В итоге ему удалось получить сто двадцать тысяч долларов от богатого шотландского промышленника сэра Джеймса Кэйрда. Правительство выделило Шеклтону пятьдесят тысяч долларов, а Королевское географическое общество внесло символический вклад в размере пяти тысяч долларов, выражая тем самым общее, но не полное, одобрение. Еще меньшие суммы были получены от Дадли Докера и мисс Джанет Стенкомб-Уиллс. Кроме того, Шеклтон получил сотни небольших вкладов от людей со всего мира.

Согласно традиции, Шеклтон «заложил» экспедицию, заранее продав права собственности на использование данных о ней по ее завершении. Он пообещал написать книгу о путешествии, продал права на видеопленки и фотографии, которые будут сделаны в его ходе, и согласился прочесть цикл лекций после возвращения. Все эти договоренности, конечно же, основывались на предположении, что Шеклтон выживет.

По сравнению с трудностями, которые поджидали его при поиске финансирования, найти волонтеров, желающих принять участие в экспедиции, было легко. Когда Шеклтон объявил о своих планах, на него обрушился шквал писем — более пяти тысяч заявок на участие, причем трое желающих оказались женщинами.

Практически все без исключения были движимы духом приключений, потому что платили за предстоящие испытания

чисто символически — от двухсот сорока долларов в год рядовому матросу до семисот пятидесяти долларов в год самому опытному ученому. И даже эта сумма в большинстве случаев не выплачивалась до конца путешествия. Шеклтон считал, что честь поучаствовать в такой грандиозной экспедиции сама по себе была наградой, особенно для ученых, которым предоставлялась уникальная возможность проводить исследования.

Стержнем отряда Шеклтона стали проверенные ветераны. Ведущее место помощника командира получил Фрэнк Уайлд, невысокий, крепко сбитый человек со стремительно редеющими волосами мышиного цвета. Уайлд казался весьма добродушным и учтивым, но обладал завидной внутренней стойкостью. Он был одним из троих, сопровождавших Шеклтона в гонке к Полюсу в 1908 и 1909 годах, и за это время сумел добиться большого уважения и личной симпатии Шеклтона. Вместе они составляли замечательную команду. Преданность Уайлда не подвергалась сомнению, а спокойный нрав этого в какой-то мере лишенного воображения человека отлично сочетался с эксцентричной и временами взрывной натурой Шеклтона.

Должность второго помощника капитана получил Томас Крин, высокий ирландец с крутым нравом, привыкший за долгую службу на Королевском флоте к безусловной дисциплине. Крин вместе с Шеклтоном участвовал в экспедиции Скотта 1901 года, а также был членом экипажа корабля «Терра Нова», на котором Скотт отправился в свою злополучную экспедицию 1910–1913 годов в Антарктику. Учитывая силу и опыт Крина, Шеклтон планировал назначить его рулевым собачьей упряжки в составе трансконтинентального отряда из шести человек.

Альфред Читэм, занимавший должность третьего помощника капитана, внешне был полной противоположностью Крину. Человек весьма небольшого роста, даже меньше Уайлда, со скромным, мягким характером. Шеклтон называл Читэма ветераном Антарктики, потому что тот побывал уже в трех экспедициях; одна из которых была пройдена с Шеклтоном, а другая — со Скоттом.

В составе команды числился тридцатидвухлетний художник Джордж Мэрстон. Он тоже уже работал с Шеклтоном в экспедиции 1907–1909 годов. Чуть полноватый, с мальчишеским лицом, Мэрстон, в отличие от большинства остальных членов экспедиции, был женат и имел детей.

Последним в состав ветеранов вошел Томас Маклеод, участник экспедиции 1907–1909 годов. Его зачислили матросом в команду «Эндьюранс».

Когда пришло время набирать новичков, Шеклтон стал вести

себя очень своенравно. Если внешне человек ему нравился, он брал его в команду, если нет — вопрос был закрыт. И все решения он принимал с молниеносной скоростью. Нет записей ни об одном собеседовании с предполагаемым членом экспедиции, которое длилось бы дольше пяти минут.

Леонард Хасси — невысокий, вспыльчивый и неугомонный — был принят на должность метеоролога, несмотря на то что на то время практически не имел необходимой профессиональной подготовки. Просто Шеклтон решил, что Хасси «выглядит забавно». Да и тот факт, что он недавно вернулся из экспедиции в знойный Судан (где работал антропологом), импонировал Шеклтону с его склонностью к причудам. После принятия в команду Хасси тут же прошел интенсивный курс по метеорологии и в конце концов показал себя как мастер своего дела.

Александр Маклин, один из двух врачей, расположил к себе Шеклтона, когда тот спросил, почему Маклин носит очки: «Многие мудрые лица выглядят глупыми без очков». А Реджинальд Джеймс был принят в команду после того, как Шеклтон поинтересовался, каково состояние его зубов, страдает ли он от варикозного расширения вен, веселый ли у него характер и умеет ли он петь. Последнему вопросу Джеймс удивился.

«Не волнуйтесь, я не имею в виду голос, как у Карузо, — успокоил его Шеклтон. — Но, думаю, вы могли бы немного покричать с ребятами?»

Несмотря на молниеносность решений, интуиция, с помощью которой Шеклтон подбирал подходящих кандидатов, практически никогда не подводила его.

Первые месяцы 1914 года прошли в закупках и сборах бесчисленного количества оборудования, припасов и аппаратуры, необходимых для снаряжения экспедиции. Сани разрабатывали и тестировали в снежных горах Норвегии. Был составлен особый рацион питания для предотвращения цинги и спроектированы специальные палатки.

К концу июля 1914 года все было собрано, протестировано и погружено на борт «Эндьюранс»; 1 августа судно должно была выйти из Ост-Индских доков неподалеку от Лондона. Однако трагические политические события тех дней не только задержали отплытие корабля, но и угрожали всей экспедиции: 28 июня на эрцгерцога австрийского Фердинанда было совершено покушение, и ровно месяц спустя Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Фитиль бомбы уже был зажжен. Пока «Эндьюранс» стоял на якоре в устье Темзы, Германия объявила войну Франции.

А в тот самый день, когда король Георг V торжественно

вручил экспедиции Шеклтона флаг Соединенного Королевства, Британия объявила войну Германии. Положение Шеклтона оказалось хуже некуда. Он даже собирался покинуть экспедицию, о которой мечтал и над подготовкой которой работал в течение четырех лет, несмотря на то что потрачены огромные суммы денег, причем немалая их часть получена в обмен на определенные дальнейшие обязательства, а на планирование и подготовку путешествия ушли бесчисленные часы. В то время Шеклтон всерьез задумался о своем участии в войне.

Он провел долгие часы в размышлениях о том, что ему делать дальше, обсуждал этот вопрос со многими людьми, особенно со своими основными спонсорами, и в итоге принял решение.

Собрав экипаж, Шеклтон сообщил, что намерен телеграфировать в Адмиралтейство, чтобы отдать экспедицию в распоряжение властей, и ждет одобрения своего решения со стороны команды. Одобрение было единогласным. В ответ пришла телеграмма с одним лишь словом: «Продолжайте». Два часа спустя поступило более длинное сообщение от Уинстона Черчилля, в то время Первого лорда Адмиралтейства. В нем говорилось, что правительство желает, чтобы экспедиция состоялась.

Пять дней спустя «Эндьюранс» отчалил от берега у Плимута, взяв курс на Буэнос-Айрес, оставив на суше Шеклтона и Уайлда, которым предстояло решить последние финансовые вопросы. Они собирались сесть на быстроходный коммерческий лайнер и догнать корабль в Аргентине.

Путешествие через Атлантический океан стало своего рода пробным рейсом. Это было первое крупное плавание судна с тех пор, как год назад в Норвегии закончились его последние доработки. А для многих членов экипажа оно стало первым опытом путешествия под парусом.

По всем стандартам внешне «Эндьюранс» была настоящей красавицей. Трехмачтовая баркентина[13] — с четырехугольным парусом на носовой мачте, и косыми на остальных, как на шхуне, — приводилась в действие с помощью парового двигателя мощностью в триста пятьдесят лошадиных сил, который работал на угле и мог разогнать ее до десяти целых двух десятых узла. Достаточно большая — длиной сто сорок четыре фута и шириной двадцать пять футов. И хотя «Эндьюранс» с ее гладким черным корпусом со стороны выглядела как любое другое соразмерное ей судно, таковой она не была.

Киль корабля состоял из четырех кусков цельного дуба. Причем один слой дерева накладывался на другой, благодаря чему общая толщина доходила до семи футов одного дюйма[14].

Толщина бортов, сделанных из дуба и горной норвежской пихты, варьировалась от восемнадцати дюймов до двух с половиной футов. Чтобы древесина не подвергалась истиранию льдом, по всей длине корабль был покрыт гвианским гринхартом — породой дерева тяжелее железа, с чрезвычайно плотной структурой, благодаря чему она не поддается воздействию обычных инструментов. Таким образом, каркас судна не просто имел двойную толщину (от девяти до одиннадцати дюймов), но и действительно двойную обшивку, в отличие от обычных кораблей.

Особое внимание уделили изготовлению носовой части, которой предстояло непосредственно сталкиваться со льдом. Каждая балка была сделана из цельного дуба, специально отобранного с тем расчетом, чтобы ее естественная длина повторяла нужный изгиб. Толщина этой части судна в готовом виде составляла четыре фута четыре дюйма.

Но мало сказать, что «Эндьюранс» была хорошо подготовлена к неблагоприятным условиям окружающей среды. Ее строили в Саннефьорде, в Норвегии, на верфи знаменитой полярной кораблестроительной компании Framnaes, которая уже много лет строила китобойные суда для плавания в Арктике и Антарктике. Все создававшие «Эндьюранс» понимали, что она может стать последней в своем роде. Именно так и оказалось, а судно стало любимым проектом компании.[15]

Его проектировщик Андеруд Ларсен сделал так, что каждый стык и каждое соединение скрепляло собой одновременно и что-то другое для максимальной прочности. Постройка корабля тщательно контролировалась мастером-кораблестроителем Кристианом Якобсеном, который настаивал на найме не просто профессиональных судомонтажников, а тех, кто сам ходил в плавание, охотясь на китов и тюленей. Такие люди были заинтересованы в идеальном результате при создании мельчайших деталей судна. Добиваясь совершенства, они тщательнейшим образом отбирали каждую балку и доску. Когда пришло время устанавливать мачты, суеверные строители положили под каждую из них медную монетку на счастье, чтобы защитить их от поломки.

На тот момент, когда 17 декабря 1912 года «Эндьюранс» отправлялась в плавание, она была самым мощным деревянным судном, когда-либо построенным в Норвегии и, скорее всего, во всем мире. Исключение мог составить разве что «Фрам» — корабль Фритьофа Нансена, а позже Амундсена.

Но между этими судами существовало одно заметное различие. У «Фрама» было чашеобразное дно, и при сдавливании

льдами он просто выскальзывал на поверхность. А «Эндьюранс» строили для плавания в более свободных льдах, поэтому она не могла подниматься над давящими льдами так же легко, как «Фрам». Она имела сравнительно прямые бока, как и большинство стандартных кораблей.

На пути из Лондона в Буэнос-Айрес выяснилось, что корпус корабля слишком скруглен, что пагубно сказалось на самочувствии большинства членов экипажа. Около половины ученых страдали морской болезнью, а молодой и сильный первый помощник капитана Лайонел Гринстрит, у которого уже был солидный опыт в мореплавании, отметил, что корабль вел себя «наиболее гадким образом».

Дорога через Атлантику заняла больше двух месяцев. Все это время «Эндьюранс» командовал новозеландец Фрэнк Уорсли, который впервые вышел в море в шестнадцать лет.

Во время экспедиции Уорсли было сорок два, но выглядел он значительно моложе. Это был широкоплечий человек чуть ниже среднего роста с грубыми, но красивыми чертами лица, на котором всегда читалось легкое озорное выражение. Уорсли никак не удавалось выглядеть суровым, даже если он этого хотел. Он был чувствителен и капризен, и случай, благодаря которому он попал в экипаж — правда это или нет, — идеально его характеризовал. По его словам, он жил в одном из лондонских отелей и однажды ночью увидел необычный сон — покрытую льдом улицу Берлингтон в модном районе Уэст-Энд, по которой он вел корабль.

На следующее утро он помчался на улицу Берлингтон. Идя по ней, он увидел табличку, на которой было написано: «Имперская трансантарктическая экспедиция» (лондонский офис экспедиции находился по адресу: улица Нью-Берлингтон, дом 4).

Войдя, он встретил самого Шеклтона. Они сразу понравились друг другу, и Уорсли даже не пришлось упоминать, что он хотел бы участвовать в экспедиции.

«Вы наняты, — сказал Шеклтон после непродолжительной беседы. — Ждите. Я телеграфирую вам и сообщу, когда нужно будет присоединиться ко мне на корабле. Я постараюсь ввести вас в курс дела, как только смогу. Хорошего утра». С этими словами он пожал руку Уорсли, и собеседование, если его можно назвать таковым, было окончено. Так Уорсли стал капитаном «Эндьюранс». Он отвечал за функционирование корабля, и выше него по званию был только Шеклтон, руководивший всей экспедицией.

Шеклтон и Уорсли были похожи по темпераменту. Оба энергичные, романтичные люди с богатым воображением, вечно

находившиеся в поисках приключений. Но если Шеклтон предпочитал во всем быть лидером, то Уорсли в этом не нуждался. Он был веселым и беззаботным, быстро увлекался чем-то новым. И мантия лидерства, накинутая на его плечи на время пересечения Атлантики, не совсем ему подходила. Он понимал, что должен играть роль командира корабля, но эта роль, к сожалению, была ему совсем не близка. Между тем склонность Уорсли удовлетворять свои желания во что бы то ни стало проявилась одним прекрасным воскресным утром во время церковной службы. После нескольких подобающих моменту почтительных молитв ему в голову пришла идея спеть несколько гимнов, и, не удержавшись, он прервал службу, громко хлопнув руками и воскликнув: «Где же чертов оркестр?»

К тому времени, когда 9 октября 1914 года «Эндьюранс» прибыла в Буэнос-Айрес, не отличающийся дисциплинированностью Уорсли довольно сильно распустил команду. Но Шеклтон и Уайлд, вернувшиеся из Лондона, сумели наладить дисциплину, взяв все в свои руки.

Повар, и без того весьма посредственно выполнявший свои обязанности, однажды появился на корабле пьяным, за что немедленно был снят с должности. Удивительно, что целых двенадцать человек тут же подали заявления, претендуя на это место. В результате работу получил человек с писклявым голосом по имени Чарльз Грин, который сильно отличался от остальных членов экипажа: он был очень сознательным и даже целеустремленным.

Позже произошел еще один инцидент: двое матросов, вернувшись на судно после бурной ночи на берегу, повздорили с Гринстритом и тоже были уволены. Было решено заменить их обоих одним человеком. Койку занял Уильям Бэйквелл — двадцатишестилетний канадец, потерявший свой корабль недалеко от Монтевидео, в Уругвае. Он прибыл на судно вместе со своим товарищем по плаванию Пирсом Блэкборо, восемнадцатилетним коренастым парнем, которого временно взяли помощником повара, пока «Эндьюранс» стояла в Буэнос-Айресе.

Тем временем фотограф Фрэнк Херли вернулся из Австралии. Он участвовал в последней экспедиции Дугласа Моусона в Антарктику, где зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Благодаря этому Шеклтон сразу же взял его в команду.

Наконец на борт поднялись и последние члены экипажа — шестьдесят девять ездовых собак, купленных в Канаде и доставленных в Буэнос-Айрес. Их разместили в специально построенных помещениях ближе к центру корабля.

«Эндьюранс» отправилась из Буэнос-Айреса 26 октября в десять тридцать утра, направляясь к своему последнему порту в Южной Георгии. Выйдя из расширяющегося устья реки Плат, следующим утром она миновала плавучий маяк Реклада. К закату дня земля окончательно пропала из виду.

Глава 3

Наконец они были в пути, и Шеклтон ощутил долгожданное облегчение. Мучительные годы подготовки закончились… Вымаливание денег, лицемерие, обман — все осталось в прошлом. И тот простой факт, что они плыли, уносил его прочь от мира, полного проблем, разочарований и пустоты. За эти короткие несколько часов жизнь перестала быть сложным испытанием с тысячей мелких, незначительных проблем. Она превратилась в чистейшую простоту, где осталась единственная задача — достичь цели.

Той ночью Шеклтон так описывал в дневнике свои чувства: «…теперь начинается настоящая работа… это будет хороший бой».

Но некоторые из тех, кто находился в носовом кубрике, наоборот, чувствовали не облегчение, а возрастающее напряжение. В составе экипажа было двадцать семь человек, включая Шеклтона. На самом деле на борту находилось двадцать восемь. Матрос Бэйквелл, присоединившийся к экипажу «Эндьюранс» в Буэнос-Айресе, договорился с Уолтером Хоу и Томасом Маклеодом — и те тайно пустили на борт его друга Пирса Блэкборо. И теперь, пока «Эндьюранс» неспешно вздымалась и опускалась на волнах открытого моря, Блэкборо, согнувшись в три погибели, прятался за штормовками в шкафчике Бэйквелла. К счастью, на палубе хватало работы, и большинство матросов из носового кубрика были заняты, поэтому Бэйквелл мог иногда заглядывать к Блэкборо, принося ему еду и воду.

Следующим утром трое заговорщиков решили, что настало время признаться, поскольку корабль уже слишком далеко отошел от земли, чтобы возвращаться. Поэтому Блэкборо, уже начинавший страдать от судорог, переместился в шкафчик кочегара Эрнеста Холнесса, который вскоре должен был вернуться с дежурства. Холнесс пришел и, открыв свой шкафчик и увидев две ноги, торчащие из-под его штормовок, в ужасе помчался обратно на квартердек[16]. Там он нашел дежурившего в тот момент Уайлда и рассказал ему о своей находке. Уайлд тут отправился в кубрик и вытащил Блэкборо из шкафчика. Все это случилось до прихода Шеклтона.

Мало кого на свете можно назвать более зловещим, чем Эрнест Шеклтон, когда тот впадал в ярость. И вот теперь, огромный и широкоплечий, нависая над побелевшим от страха беднягой Блэкборо, он безжалостно бранил молодого

валлийского безбилетника. Блэкборо пришел в ужас. Бэйквелл, Хоу и Маклеод только беспомощно наблюдали — они не ожидали такого приступа гнева от Шеклтона. Но вдруг, на пике своей тирады, Шеклтон резко остановился, склонился над Блэкборо и рявкнул: «И наконец, если у нас закончится еда и нужно будет кого-то съесть, то ты будешь первым. Все понял?»

Круглое мальчишеское лицо Блэкборо медленно расплылось в улыбке, и он кивнул. Шеклтон повернулся к Уорсли и велел ему отправить Блэкборо в помощь Грину на кухне.

«Эндьюранс» прибыла на китобойную базу Грютвикен в Южной Георгии 5 ноября 1914 года. Там экипаж ждали печальные новости. Ледовая обстановка в море Уэдделла никогда не была спокойной, но сейчас ни один норвежский шкипер, работающий в этом районе, не мог вспомнить ничего более ужасного. Некоторые говорили, что преодолеть эти льды невозможно, а кто-то даже пытался отговорить Шеклтона от попыток до конца сезона. Шеклтон принял решение остаться в Южной Георгии на какое-то время в надежде, что ситуация улучшится.

Китобои особенно интересовались этой экспедицией. Опираясь на свой личный опыт и знание здешних морей, они прекрасно понимали, с какими проблемами столкнется Шеклтон. Кроме того, прибытие «Эндьюранс» стало настоящим событием в Южной Георгии; обычно в этом самом южном уголке цивилизации ничего особенного не происходило. На борту корабля устроили несколько вечеринок. Китобои ответили тем же, но уже на суше.

Большая часть команды любила проводить время в гостях у Фритьофа Якобсена — управляющего китобойной станцией Грютвикен. А Шеклтон даже преодолел пятнадцать миль до Стромнесса, чтобы погостить у Антона Андерсена, руководившего местным заводом в период межсезонья.

Пока Шеклтон находился в Стромнессе, директор завода Торальф Сорль вернулся из отпуска, проведенного в Норвегии. Это был человек тридцати восьми лет, мощного телосложения, с темными волосами и красивыми усами с франтовато закрученными кончиками. За долгие годы морских путешествий Сорль стал, наверное, лучшим гарпунщиком норвежского флота. К тому же он обладал глубокими знаниями в полярной навигации. В течение следующего месяца, опираясь на опыт Сорля и других местных капитанов, Шеклтону удалось воспроизвести общую картину перемещения льдов моря Уэдделла. Вот что он смог выяснить: море Уэдделла, своими очертаниями напоминающее круг, с трех сторон окружено землей: Арктическим континентом, Антарктическим

полуостровом и Южными Сандвичевыми островами. Из-за такого расположения защищенная с трех сторон землей бо́льшая часть льда, формировавшегося в море Уэдделла, оставалась там же и не выходила в океан, где он должен был растаять. Из-за того что ветры в этом месте по антарктическим стандартам были довольно слабыми и не могли вынести лед в океан, новый лед формировался здесь на протяжении всего года, даже летом. Наконец, преобладающие потоки ветра сбивали льдины в огромный полукруг, сильно прижимая их к заливу Антарктического полуострова с западной части моря.

Однако пунктом назначения команды «Эндьюранс» был залив Вахсела, то есть почти противоположный берег. Поэтому оставалась надежда, что преобладающими ветрами и течением лед унесет именно от этой части побережья, и, если повезет, они успеют проскочить позади самых ужасных льдов этого подветренного берега.

Шеклтон решил пойти в обход зловещих ледяных масс — по северо-восточному периметру моря Уэдделла. Он рассчитывал, что судно подплывет к заливу Вахсела в то время, когда возле него уже не будет льда.

Момент отплытия всё оттягивали и в результате прождали до 4 декабря, надеясь, что корабль с припасами для китобойной станции привезет им последнюю почту из дома. Но он так и не появился к назначенному сроку. Поэтому ровно в восемь сорок пять утра 5 декабря 1914 года «Эндьюранс» подняла якорь и медленно продолжила свой путь, уходя из Камберлендского залива. Когда она прошла точку Барффа, прозвучала команда «Поднять паруса!». Косой, главный и передние паруса были подняты, затем прямо под освежающим северо-западным ветром закрепили верхние паруса. Сырая, невероятная смесь дождя и снега затянула весь горизонт над свинцовым морем. Шеклтон приказал Уорсли держать курс восточнее, к Сандвичевым островам. Между тем через два часа после того, как судно отчалило, прибыл корабль с припасами и почтой на борту.

«Эндьюранс» обошла вокруг побережья Южной Георгии. Со стороны корабль представлял собой ужасающее зрелище. Шестьдесят девять задиристых хаски расположились в передней части судна, на середине палубы было набросано несколько тонн угля, а наверху, у такелажа, лежала тонна китового мяса для собак, из которого постоянно сочилась кровь, забрызгивавшая палубу и сводившая собак с ума от постоянного предчувствия, что вот-вот рядом упадет кусочек мяса.

Первой землей на пути экспедиции был остров Сондерс, входящий в группу Южных Сандвичевых островов; 8 декабря в

шесть часов вечера «Эндьюранс» прошла между ним и вулканом Кандлмас. Здесь она впервые столкнулась с врагом.

Это оказался небольшой кусок льда, занесенный сюда слабым течением, и корабль без трудностей обогнул его. Но два часа спустя он столкнулся с огромной глыбой пакового льда, толщина которого составляла несколько футов, а длина — добрых полмили. За ним была чистая вода, но все понимали: идти вперед на эту огромную льдину очень опасно.

Больше двенадцати часов они обходили ее, пока наконец к девяти часам следующего утра не нашли безопасный проход и не двинулись вперед на очень маленькой скорости. Несколько раз «Эндьюранс» ударялась носом о плавучие льды, но эти столкновения не нанесли ей никакого ущерба.

Как и большинство членов экипажа, Уорсли никогда раньше не видел полярных льдов и был поражен их великолепием. Особенно его восхитило, как поднимаются и опускаются эти гигантские глыбы.

Они миновали несколько очень больших айсбергов. Некоторые из них были размером с квадратную милю. Перед экипажем открывался восхитительный вид: неспешно приближаясь к айсбергам, льдины ударялись и вздымались высоко в небо. Это напоминало волны прибоя, с грохотом ударяющиеся и разбивающиеся о скалы. От этих ударов во многих айсбергах образовались ледяные пещеры. Каждая новая волна, разбивавшая лед, издавала глубокий грохочущий звук, заполняя собой эти голубоватые пещеры. Море омывало величаво колыхавшиеся глыбы, издавая ритмичные рокочущие хриплые звуки, накрывая волнами отвесные возвышения айсберга.

Два дня они плыли на восток, обходя границы паковых льдов, пока наконец в полночь 11 декабря не повернули на юг к заливу Вахсела.

«Эндьюранс» продолжала путь сквозь льды на протяжении почти двух следующих недель, но ее движение не было равномерным. Часто она едва продвигалась вперед, а иногда и вовсе останавливалась, чтобы переждать, пока льды не станут менее плотными.

В открытом море корабль развивал скорость десять-одиннадцать узлов без помощи парусов и спокойно проплывал двести миль в день. Но к полуночи 24 декабря его среднесуточная скорость составляла менее тридцати миль.

Перед отъездом из Южной Георгии Шеклтон рассчитал, что они смогут достичь берега уже к концу декабря. Но все складывалось иначе: корабль еще даже не пересек Южный полярный круг, хотя календарное лето там уже началось. Теперь

на протяжении двадцати четырех часов в сутки светило солнце. Лишь ненадолго около полуночи оно исчезало, оставляя все вокруг погруженным в продолжительный великолепный сумрак. Часто в это время члены экипажа наблюдали такое феноменальное явление, как «ледяной дождь», вызванный тем, что капли дождя, замерзая прямо в воздухе, опускались на землю уже в виде льдинок. Все это делало пейзаж сказочным: миллионы изящных тонких кристалликов, похожих на маленькие иголочки, с волшебным блеском опускались на землю, пронизывая сумеречный воздух.

И хотя лед вокруг казался бескрайним, он был наполнен жизнью. Сайдяные, горбатые и огромные белые киты, порой достигавшие нескольких сотен футов в длину, выныривали на поверхность моря и резвились в открытой воде между льдинами. Встречались и косатки, которые высовывали свои страшные заостренные носы на обледеневшую поверхность, высматривая в воде добычу. Над ними летали гигантские альбатросы, несколько видов буревестников, глупышей и крачек. На самом льду вальяжно возлежали крабоядные тюлени и тюлени Уэдделла.

Кроме того, здесь часто встречались пингвины. Строгие, заносчивые императорские пингвины высокомерно наблюдали за проплывающим мимо кораблем. А вот в маленьких пингвинах Адели не было ничего высокомерного. Они были настолько дружелюбными, что, завидев корабль, плюхались на животики и катились, как на санях, быстро перебирая лапками. При этом они издавали хриплые звуки, похожие на «кларк! кларк!» — особенно четко различимые, когда у штурвала стоял худой и молчаливый шотландский биолог по имени Роберт Кларк.

Несмотря на медленный прогресс, Рождество отмечали с большой радостью. Офицерскую кают-компанию украсили флагами, к праздничному ужину подали суп, сельдь, тушеную зайчатину, сливовый пудинг и конфеты со стаутом[17] и ромом. После этого все дружно пели хором, а Хасси играл на одноструннoй скрипке, которую смастерил сам. Тем же вечером, незадолго перед сном, Гринстрит записал свои впечатления о прошедшем дне. Вступление заканчивалось словами: «Вот и миновало очередное Рождество. Интересно, как и в каких условиях мы проведем следующее. Температура — тридцать градусов».

Он наверняка ужаснулся бы, получив ответ на свой вопрос.

Новый 1915 год принес изменения в характере льдов. Иногда корабль со всех сторон оказывался зажат старыми плотными бугристыми льдинами. Но все чаще и чаще на его пути встречались лишь тонкие молодые льдинки, которые он легко

преодолевал, практически не останавливаясь.

Девятого января в половине двенадцатого утра они проходили мимо настолько красивого айсберга, что даже решили дать ему имя — айсберг Защиты. Он возвышался над морской гладью на сто пятьдесят футов, что было в два раза выше главной мачты «Эндьюранс». Решившись вплотную подплыть к айсбергу, участники экспедиции сквозь толщу воды цвета индиго смогли разглядеть, что он уходит вниз еще как минимум на сорок футов ниже киля судна, становясь все более синим и исчезая в глубине. Уорсли даже предположил, что под водой он может достигать целой тысячи футов. А сразу за айсбергом почти до горизонта простирался темный, рокочущий, свободный ото льда океан.

Уорсли произнес: «Наверное, мы чувствуем такую же радость, как Бальбоа, когда пробрался сквозь леса возле Дарьенского [Панамского] перешейка и увидел Тихий океан».

Слегка изменив курс к юго-востоку, корабль на полной скорости на всех парусах беззаботно проплыл 100 миль по открытой воде, сопровождаемый игривыми китами. В пять часов вечера 10 января люди увидели землю, которую Шеклтон назвал берегом Кэйрда в честь главного спонсора экспедиции. К полуночи они уже плыли на запад всего в пятистах футах от тысячефутовых ледяных утесов, единогласно названных «барьером».

«Эндьюранс» находилась примерно в четырехстах милях к северо-востоку от залива Вахсела, и Шеклтон продолжал держать курс в этом направлении. Пять дней они двигались вдоль барьера с завидной легкостью, и к 15 января уже были в двухстах милях от залива Вахсела.

Шестнадцатого января около восьми часов утра со смотровой площадки на мачте матросы заметили большую глыбу льда, лежавшую на пути корабля. Приблизившись к ней примерно в половине девятого, все увидели, что ей мешали двигаться огромные айсберги, застрявшие на мелководье. Убрав паруса, корабль пошел вдоль глыбы на одном пару в поисках подходящего прохода, но не смог найти его. Ближе к полудню подул резкий холодный ветер с востоко-юго-востока, а к середине дня стало понятно, что надвигается буря. В восемь вечера, когда уже было ясно, что все попытки двигаться дальше ни к чему не приведут, судно укрылось от ветра у подножия большого айсберга.

Наступило 17 января, но буря только усилилась. Несмотря на то что небо было чистым и синим, ветер поднимал снизу в воздух плотные клубы снега, застилавшие все вокруг. «Эндьюранс» маневрировала вперед и назад, прячась от стихии за айсбергом.

Буря начала успокаиваться 18 января около шести утра. Экипажу наконец удалось поднять главный парус, и люди продолжили медленно двигаться на юг. Основную часть пакового льда унесло на юго-запад, а оставшийся угодил в ловушку у айсбергов. Они проплыли около десяти миль, пока в три часа дня снова не столкнулись с огромным массивом паковых льдов, тянувшимся на северо-запад от барьера так далеко, насколько было видно, уходя за горизонт. Но прямо по курсу виднелась темная полоска так называемого водяного неба, свидетельствовавшая о том, что где-то поблизости есть чистая вода. Было решено плыть сквозь лед, и в пять часов вечера «Эндьюранс» продолжила путь.

Практически сразу все поняли, что перед ними совершенно другой лед, не такой, какой встречался раньше. Толстые, но очень мягкие плавучие льдины состояли в основном из снега. Они плавали среди мягкой шуги[18], состоявшей из мелких льдин и крупных комьев снега. Вся эта масса, словно пудинг, колыхалась со всех сторон вокруг корабля.

В семь часов вечера Гринстрит повел «Эндьюранс» между двумя огромными льдинами к открытой воде. На половине пути судно увязло в плотном скоплении ледяных обломков, а большая плавучая льдина оказалась позади него, перекрыв проход. Даже притом, что моторы работали в полную силу, потребовалось два часа, чтобы выбраться из ловушки и продвинуться вперед. То, что сначала показалось обычным делом, позже было сформулировано в дневнике Уорсли так: «Из-за этого нам пришлось какое-то время дрейфовать с мыслями о том, откроется ли вообще проход и когда усилится северо-восточный ветер».

Двадцать четвертого января, спустя шесть холодных пасмурных дней, буря утихла. К этому времени «Эндьюранс» со всех сторон плотно окружили большие льдины. Они находились повсюду, куда простирался взгляд.

Уорсли написал в своем дневнике: «Нам нужно набраться терпения, пока не придет буря с южной стороны или пока льды не расступятся перед нами по собственному желанию.

Но буря с юга так и не пришла, а лед не захотел расходиться. В полночь 24 января примерно в пятидесяти ярдах перед судном во льдах появилась трещина шириной около пятнадцати футов. К утру она расширилась почти до четверти мили. На полном ходу, на всех парусах “Эндьюранс” попыталась пройти к ней. Три часа она налегала всей своей мощью на лед, но не продвинулась ни на йоту.

Корабль был окружен. Как выразился баталер Орд-Лис, “застыли, как миндаль в плитке шоколада”».

Глава 4

То, что произошло, вполне объяснимо. Северная буря пригнала весь лед моря Уэдделла к земле, и ни одна сила на свете не смогла бы сдвинуть его, кроме бури с противоположной стороны. Но вместо южной бури дули лишь небольшие ветра. В своем дневнике Уорсли описывает, как они ждали бурю, которая так и не пришла: «Легкий юго-западный бриз… Восточный бриз… Тихий юго-западный бриз… Легкий и спокойный ветер… Легкий западный бриз…»

Это был их шанс, безумная надежда. Сильная северная буря, а затем тихий холод.

Люди, находившиеся на борту «Эндьюранс», не сразу осознали, что окружены. Это напоминало медленно нараставшее смирение, плохой сон, от которого нельзя пробудиться. Каждый день они с тревогой наблюдали за льдом, но ничего не менялось.

Все это, конечно же, нашло отражение в их дневниках.

Старый суровый плотник Макниш 24 января, после того как закончилась буря, написал: «Все еще стоим, и никаких намеков на возможность прохода. Давление становится сильнее, и, если мы не выберемся в ближайшее время, я сильно сомневаюсь, что мы вообще отсюда уплывем…»

Двадцать пятого: «Все еще стоим. Попробовали разрезать лед, чтобы освободить корабль, но это не помогло».

Двадцать шестого: «Все еще стоим. Вода перед нами слегка разошлась, но льдина, в которой мы застряли, так же крепка, как и раньше».

Двадцать седьмого: «Все еще стоим. Снова попробовали разбить лед… безуспешно».

Двадцать восьмого: «Температура — шесть градусов. Очень холодно. Все еще стоим, незаметно никаких изменений».

Двадцать девятого: «Все еще стоим… никаких изменений».

Тридцатого: «Все еще стоим…»

Тридцать первого: «Все еще стоим…»

Как бы то ни было, на корабле продолжались постоянные дежурства, и все работало в соответствии с заведенным порядком. А 31 января они впервые попробовали связаться с землей по радио. Это устройство работало на аккумуляторе, а получать и передавать по нему сообщения можно было только посредством азбуки Морзе. Изначально его планировалось использовать для сверки времени хронометров и получения новостей с Фолклендских островов первого числа каждого месяца. Сейчас экспедиция находилась от них на расстоянии в тысячу шестьсот

пятьдесят миль.

Штурман Хьюберт Хадсон и молодой физик с академическим образованием Реджинальд Джеймс сделали все, что было в их силах, для увеличения дальности приема сигнала. Добавив еще сто восемьдесят футов провода к антенне, они спаяли их, чтобы улучшить качество связи.

Следующим утром в три часа двадцать минут несколько человек собрались у радиоприемника в офицерской кают-компании. Больше часа они суетились, пытаясь настроить его, но, как и ожидалось, ничего, кроме помех, не услышали. На самом деле к радио не проявляли должного интереса по двум причинам: на тот момент оно представляло собой экзотическое нововведение и многие считали, что оно не способно работать. В 1914 году радиодело находилось на начальной ступени развития, по крайней мере это касалось радиопередачи на дальние расстояния. Никто на борту «Эндьюранс» не ждал от него многого, поэтому, когда общие ожидания подтвердились, никто не удивился и не расстроился. Если бы у них был передатчик, который мог отправить сигнал об их местонахождении и произошедшем бедствии, отношение команды к изобретению наверняка кардинально изменилось бы.

В начале февраля, когда трещины во льду начали появляться сравнительно недалеко от судна, экипаж снова предпринял две-три попытки высвободить корабль. Но опять безрезультатно. Затем, 14 февраля, на расстоянии четверти мили от судна во льдах образовалось значительное разводье. На борту срочно заработали котлы, и всем членам экипажа было приказано выйти на лед с пилами, кирками, ломами, ледорубами и любыми другими инструментами, чтобы расколоть лед и проложить путь к воде.

«Эндьюранс» оказалась в окружении молодых льдин толщиной один-два фута, которые люди без устали отгоняли в стороны, чтобы добраться до огромных плавучих льдин и раздробить их. Команда начала работать в восемь сорок утра и трудилась весь день. К полуночи удалось прорубить канал длиной около ста пятидесяти ярдов.

На следующий день с самого утра они продолжили свои попытки, работая еще более ожесточенно, — нужно было успеть достичь разводья до того, как оно сомкнется. Во льду прорезали щель в форме буквы «V», чтобы нос судна с большей легкостью разрезал ледяные плиты.

Корабль снова и снова натыкался на лед, выталкивая на него потоки воды, которая легко с журчанием стекала по льдинам вниз. Каждый удар откалывал очередной кусок льда, и члены

экипажа тут же набрасывали на него стальные тросы. Некоторые куски весили больше двадцати тонн, и когда «Эндьюранс» на полной скорости шла назад, она увлекала их за собой, готовясь к следующему удару. Но пробить проход так и не удалось. Вокруг судна оставалось слишком много свободно плавающего льда, который тормозил стремительные атаки корабля и смягчал его удары.

В три часа дня, когда «Эндьюранс» продвинулась примерно на шестьсот ярдов до открытой воды, было решено, что такая трата угля и сил напрасна. Оставшиеся четыреста ярдов представляли собой сплошной лед толщиной от двенадцати до восемнадцати футов, и Шеклтон, теряя надежду выбраться, дал приказ отставить тщетные попытки. Но команда все еще отказывалась сдаваться и во время дежурств члены экипажа продолжали выходить на лед, пытаясь прорубить дорогу вперед. Даже тщедушный повар Чарли Грин старался быстрее закончить выпечку хлеба, чтобы присоединиться к друзьям и вместе с ними попробовать вырвать корабль из ледяного плена.

К полуночи даже самые упрямые добровольцы уже не могли отрицать безнадежность своих попыток и вернулись на борт. К их возвращению Грин приготовил горячую овсяную кашу, чтобы они восстановились после тяжелого дня. Температура воздуха была на два градуса выше нуля.

Всегда откровенный и никогда не уклонявшийся от ответов на важные вопросы Гринстрит в ту ночь выразил в своем дневнике общие чувства. Уставшей рукой, неровным почерком он написал: «В любом случае, если мы и застряли здесь на всю зиму, то можем утешать себя одной мыслью: пытаясь выбраться отсюда, мы сделали все, что в наших силах».

Их время уже было на исходе, и 17 февраля все ощутили, что конец антарктического лета близок, когда солнце, светившее до этого двадцать четыре часа в сутки в течение двух месяцев, впервые в полночь опустилось за горизонт.

Наконец, 24 февраля, Шеклтон окончательно заявил, что пора оставить попытки выбраться изо льдов — они абсолютно бессмысленны и безнадежны. Дежурства, в ходе которых следили за состоянием моря, отменили; был введен новый график, теперь уже с ночными дежурствами. Приказ Шеклтона официально подтвердил то, с чем всем уже пришлось смириться: им придется зимовать на корабле, какие бы последствия это не повлекло за собой. Уайлд, как положено, передал слова Шеклтона всему экипажу, и его сообщение встретили почти с одобрением. Прекращение постоянных наблюдений за состоянием моря радовало хотя бы тем, что можно было спокойно спать по ночам.

Впрочем, Шеклтон относился к ситуации по-другому. Его изводили мысли о том, что произошло, и о том, что еще может произойти. Сейчас, оценивая эти события, он усиленно пытался сделать правильные выводы. Если бы он высадил свою трансантарктическую экспедицию в одном из тех мест, которые они проплывали, двигаясь вдоль барьера, экипаж остался бы на берегу и следующей весной отправился бы к полюсу. Но никто не мог предвидеть ужасающую цепь событий, приведшую их к нынешнему положению: несезонные бури с севера, резкое затишье и низкие минусовые температуры.

Сейчас уже не было и речи о том, чтобы высадиться на сушу и продолжить путь вдоль континента. С того момента, как «Эндьюранс» зажало льдами, течение унесло ее почти на шестьдесят миль от залива Вахсела — дразняще короткое расстояние, как могло бы показаться. Но эти шестьдесят миль пришлось бы пройти по бугристому льду, испещренному неизвестным количеством опасных трещин с открытой водой. А ведь с собой при этом надо было взять по меньшей мере годовой запас продовольствия и оборудования, а также внушительных размеров доски для постройки каких-нибудь лачуг. И все это пришлось бы тащить на санях, запряженных отнюдь не самыми крепкими собаками, которые для этого не были достаточно натренированы. Нет, такие шестьдесят миль стали бы действительно очень и очень долгими.

Даже если бы для высадки экипажа на землю не существовало никаких препятствий, сейчас руководитель экспедиции просто не мог бросить корабль на произвол судьбы. Даже если бы судно выдержало ледяной натиск, его унесло бы ветрами, вероятно, на запад. Но как далеко? И куда? И что произошло бы весной, когда лед наконец поддался бы? Очевидно, что Шеклтон должен был оставаться на борту «Эндьюранс». Но осознание безвыходности ситуации не умаляло того, что шансы Имперской трансантарктической экспедиции на успешное завершение — и без того сомнительные — теперь стали совсем призрачными.

Чтобы не показать своего разочарования экипажу, Шеклтон бодро контролировал процесс рутинной подготовки корабля к долгой зимовке.

Собак переместили на льдины, построив им из снега и льда индивидуальные «собачьи туалеты». Всем выдали теплую одежду, и закипела работа по переезду офицеров и ученых из офицерской кают-компании на верхней палубе в более теплые каюты возле склада между палубами. Они перебрались туда в начале марта, окрестив свои новые чертоги отелем «Ритц».

Превращение «Эндьюранс» из корабля в некое подобие плавающей береговой станции ощутимо замедлило темп жизни. Теперь у команды не было практически никаких дел. По зимнему расписанию ей следовало работать только около трех часов в день, а все остальное время люди были предоставлены сами себе.

Единственным важным заданием на каждый день стало пополнение запасов мяса и жира. Мясо требовалось, чтобы прокормить людей и собак в течение зимы, а жир использовался как топливо, чтобы восполнить запасы потраченного угля.

В феврале все шло довольно легко. Льдины вокруг корабля жили своей активной жизнью. Иногда с топ-мачты можно было увидеть сразу до двухсот тюленей, и охотиться на них оказалось достаточно легко. Тюлени редко пытались убежать, если к ним не спеша подкрадывались. Как и пингвины, на льду они почти ничего не боялись, считая единственной угрозой для жизни морских леопардов и косаток.

С наступлением марта, когда дни стали короче, численность животных заметно уменьшилась, потому что тюлени и пингвины мигрировали на север, вслед за солнцем. К концу месяца лишь изредка можно было увидеть случайных одиноких тюленей, да и для этого требовался очень зоркий глаз.

Фрэнк Уорсли, которого все звали Чудило, как раз и обладал таким зорким глазом. Он стал главным дозорным, потому что его уникальное зрение позволяло ему замечать тюленей на расстоянии до трех с половиной миль от наблюдательного пункта. Чтобы лучше справляться с заданием, он принес туда специальное оборудование: телескопы, бинокли, мегафон и большой флаг, взмахами которого подавал сигналы в том направлении, где находилась жертва, или предупреждал охотников, если поблизости появлялись косатки. Как правило, в роли палача выступал маленький Фрэнк Уайлд. Следуя указаниям Уорсли, он доходил или доезжал на лыжах до лежащего тюленя и стрелял ему в голову.

Сложнее всего было дотащить животное до корабля, потому что многие весили более четырехсот фунтов. И моряки всегда старались дотащить добычу как можно быстрее, чтобы тюлень не остыл до того, как окажется на корабле. Пока его внутренности оставались теплыми, те, кто снимал с него шкуру и разделывал тушу, не боялись обморозить руки.

Тем временем физическое состояние собак начало вызывать серьезные опасения: одна за другой они заболевали и умирали. 6 апреля пришлось застрелить собаку по кличке Бристоль, доведя общее число потерь среди животных с тех пор, как они отплыли от Южной Георгии, до пятнадцати. Из шестидесяти девяти собак,

взятых в поход, осталось только пятьдесят четыре, и некоторые из них тоже были больны.

Два доктора, молодой Маклин и опытный хирург Макелрой, произвели вскрытие всех умерших собак и обнаружили в желудках большинства из них огромных, до одного фута длиной, красных червей. Более того, ничего нельзя было сделать, чтобы вылечить уже заболевших животных. Глистогонное средство — одна из тех немногих вещей, которые они не взяли из Англии в экспедицию.

Потеря пятнадцати собак была частично восполнена, пусть не качественно, но количественно, рождением двух пометов щенков. Восьмеро выжили, и вскоре стало ясно, что, мало чем отличаясь от своих родителей, они оказались намного дружелюбнее.

Старшие собаки вели себя злобно по отношению друг к другу и ведущим упряжек. Особенно их злость проявлялась при встречах с тюленями и пингвинами, с которыми они иногда сталкивались во время тренировочных заездов. Животные не были чистокровными хаски в нынешнем понимании. Больше всего эта банда короткошерстных, длинношерстных, курносых и остромордых животных походила на обычный собачий сброд. Родившись в канадской глуши, они обладали основным инстинктом — тянуть упряжку, и отличались великолепной устойчивостью к холоду. На этом список их достоинств заканчивался.

Справиться с ними помогал только один метод — демонстрация физического превосходства. В некоторых случаях одна собака могла убить другую, если никто из людей не вмешивался и не прекращал драку. Она делала это просто так, демонстрируя силу. Маклин, несмотря на природную мягкость характера, придумал особый способ, позволяющий намного эффективнее, чем ударом кнута, остановить распоясавшееся животное. Он просто сильно бил агрессивную собаку по нижней челюсти кулаком в толстой рукавице. Никакого вреда такой удар животному не наносил, зато результат всегда был одинаков: ошеломленная неожиданным ударом псина ослабляла хватку и отпускала жертву.

В начале апреля Шеклтон решил, что экспедиции нужны постоянные каюры, которые должны нести полную ответственность за собак. На эти должности были назначены Маклин, Уайлд, Макелрой, Крин, Мэрстон и Херли.

Когда собак разделили на команды и начали регулярно тренировать, все члены экипажа стали проявлять больше интереса к животным. Каждый день устраивались соревнования, участники которых боролись за звание помощника каюра.

Тренировки приносили и практическую пользу: в тех редких случаях, когда удавалось убить тюленя, его тушу на упряжках довозили до корабля. Но такие случаи, к сожалению, становились действительно очень и очень редкими.

Как бы то ни было, к 10 апреля охотникам удалось заготовить около пяти тысяч фунтов мяса и тюленьего жира. Шеклтон подсчитал: этого хватит на девяносто дней, что избавит экспедицию от необходимости тратить запас консервированной и сухой пищи до середины антарктической ночи, которая уже стремительно приближалась. А при столь низких минусовых температурах можно было не волноваться о том, что мясо испортится: оно сразу же замораживалось.

На протяжении апреля солнце с каждым днем опускалось все ниже, и вместе с этим постепенно уменьшалась длительность светового дня. Казалось, лед вокруг корабля практически неподвижен. Но обследование показало, что вся его масса медленно, неумолимо, безостановочно перемещалась огромным единым пластом. В феврале, когда они только застряли, лед незаметно смещался к западу, двигаясь параллельно берегу. В начале марта он постепенно повернул на западо-северо-запад и начал дрейфовать быстрее. В апреле он повернул на северо-запад и стал двигаться со средней скоростью около двух с половиной миль в сутки. А 2 мая выяснилось, что с конца февраля, дрейфуя, они оказались в ста тридцати милях северо-западнее исходной точки. «Эндьюранс» — крошечное пятнышко, сто сорок четыре фута в длину и двадцать пять футов в ширину, — была зажата в тисках паковых льдов. Ее окружал почти один миллион квадратных миль льда, который медленно вращало по часовой стрелке неукротимыми ветрами и течением моря Уэдделла.

В начале мая солнце взошло над горизонтом в последний раз и затем медленно исчезло из виду — наступила антарктическая ночь. Это произошло не сразу; сумерки с каждым днем становились короче и темней.

Какое-то время вокруг еще царил обманчивый туманный полумрак, и на фоне горизонта четко просматривались очертания корабля. Но оценивать реальные расстояния уже было трудно. Даже лед под ногами стал каким-то странно неотчетливым, и ходить по нему теперь опасались. Можно было провалиться в невидимую глазу пустоту или наткнуться на холмик, думая, что до него еще добрая дюжина ярдов.

В скором времени даже этот легкий полумрак исчез — и люди остались одни посреди кромешной тьмы.

Глава 5

Во всем мире не найти места, где одиночество чувствовалось бы острее, чем там, где длится полярная ночь. Она похожа на возвращение в ледниковый период: ни тепла, ни жизни, ни движения. Только те, кому довелось ее пережить, смогут в полной мере понять, каково это — жить без солнечного света день за днем, неделю за неделей. Те, кто к этому не привык, могут совместными усилиями преодолеть ее наваждение, но кого-то она сводит с ума.

По случайному стечению обстоятельств Адриен де Жерлаш, бывший партнер Шеклтона, работавший вместе с ним над созданием «Эндьюранс», в 1899 году тоже оказался заточен во льдах моря Уэдделла на корабле «Бельжика». С наступлением антарктической ночи всю команду судна охватила меланхолия. Недели шли, а их состояние ухудшалось — сначала пришла депрессия, а за ней отчаяние. Какое-то время люди не могли практически ни на чем сконцентрироваться и даже просто поесть. Чтобы победить в себе зарождающиеся признаки безумия, они начали ходить кругами вокруг корабля. Этот маршрут стали называть прогулкой сумасшедшего.

Один человек умер из-за болезни сердца, отчасти спровоцированной необъяснимой боязнью темноты. Другой был одержим идеей о том, что вся команда хочет его убить, поэтому спал, забившись в крошечную щель на корабле. Еще один впал в истерический невроз, что сделало его на время глухонемым.

Но на борту «Эндьюранс» случаев сильной депрессии отмечено не было. Надвигающаяся полярная ночь только сблизила участников экспедиции.

Когда «Эндьюранс» отплывала из Англии, ее экипаж состоял из совершенно разных и не похожих друг на друга людей. Среди них были и преподаватели Кембриджского университета, и рыбаки из Йоркшира. Но после девяти месяцев жизни и работы бок о бок на одном судне в небольших общих помещениях люди накопили достаточно много совместных впечатлений, которые помогали сглаживать огромные различия между ними. За эти девять месяцев все на борту корабля смогли действительно очень хорошо узнать друг друга. И за редкими исключениями понравиться друг другу.

Никто больше не считал Блэкборо безбилетником. Молодой приземистый черноволосый валлиец теперь стал полноправным членом команды. Блэкборо был очень тихим и при этом находчивым человеком, активным и жизнерадостным товарищем,

увлеченно помогавшим Грину на кухне.

Все знали, что биолог Бобби Кларк, суровый трудолюбивый шотландец, практически лишен чувства юмора. Но все успели убедиться в том, что он, честно выполняя свои обязанности, всегда готов помочь другим, если возникнет такая необходимость. Он волновался только в тех случаях, когда в сеть, опущенную им под лед, попадалось морское существо нового вида, предназначенное для пополнения его коллекции — образцов фауны, бережно хранившихся в банках. Однажды ребята из команды подшутили над ним, положив в одну из банок с формальдегидом немного вареных спагетти. У Кларка всегда имелся свой взгляд на вещи. Он никому никогда не рассказывал ничего о личной жизни.

Высокий Том Крин был таким, каким и казался, — неуклюжим моряком, прямым и бестактным, изъяснявшимся грубым матросским языком. Он отличался не самым приятным характером, но прекрасно знал море и свою работу, за что окружающие его искренне уважали. Шеклтону нравился Крин. Ему импонировала готовность этого ирландца работать. Для Шеклтона много значила хорошая дисциплина, а Крин, прослуживший несколько лет в Королевском флоте, считал, что приказы нужно выполнять беспрекословно. К тому же Крин, бывало, просто льстил Шеклтону.

Что касается повара Чарли Грина, то многим казалось, что он слегка чокнутый или глуповатый — из-за его неорганизованности и забывчивости. Его называли Шеф или Печенье, а иногда Печеные Яички — за высокий, писклявый голос. Он и правда когда-то давно в результате несчастного случая потерял одно яичко. Внешне все посмеивались над ним, но в глубине души уважали и любили. Мало кто был настолько сознательным, как Грин. Пока остальные работали лишь три часа в день, он с утра до ночи трудился на кухне.

Над ним часто подшучивали, как это обычно бывает с корабельными поварами, у него в запасе всегда имелись и свои шутки. Два или три раза, на дни рождения членов команды, он готовил праздничные торты. Они были самым изысканным способом покрыты соблазнительной глазурью. Но один оказался воздушным шариком, а второй — куском дерева.

Штурман Хадсон тоже был очень необычным человеком. Хорошим, но немного скучным; он носил прозвище Будда, которое получил в Южной Георгии после одного забавного инцидента. Его убедили, что на берегу устраивается костюмированная вечеринка… Любой человек, который бывал в Южной Георгии, видел ее ледники и массивные горы, ощущал

смрад, исходящий от китовых кишок, гниющих в порту, не поверил бы, что там могли устраивать нечто подобное — но Хадсон поверил. Сняв с него почти всю одежду, беднягу завернули в простыни. К голове липкой лентой, закрепленной под подбородком, приладили крышку от чайника. В таком виде Хадсона вывели на берег. Дрожа от сильных порывов ледяного ветра, он дошел до дома управляющего китобойной фабрикой, где якобы проходила вечеринка. Но, войдя внутрь, Хадсон обнаружил, что только он один пришел в маскарадном костюме.

Когда речь заходила о подобных шутках, ответственным за это почти наверняка можно было назвать метеоролога Леонарда Хасси. Худой парень невысокого роста — в то время ему было чуть больше двадцати, — стал всеобщим любимцем благодаря своему неисчерпаемому чувству юмора. Он обожал отпускать острые шуточки в адрес окружающих, но легко мог подшутить и над собой; никогда не терял присутствия духа и хорошего настроения. Еще его любили за то, что он играл на банджо и всегда был рад аккомпанировать, если кто-то хотел спеть. От имени Хасси образовали несколько прозвищ: Хассберт, Хассберд и просто Хасс.

Макелроя, одного из врачей, многие считали мировым парнем. Он был немного старше остальных и выделялся среди них красотой и аристократизмом. Всем очень нравилось слушать его истории о своей жизни. Иногда Макелрой бывал слишком саркастичен, но окружающим это нравилось. Такая манера поведения подходила его космополитичной натуре, и в его словах никогда не чувствовалось ни капли злобы. На судне его окрестили Миком.

Художник Джордж Мэрстон как натура творческая легко поддавался перепадам настроения. Он единственный проявлял внешние признаки беспокойства о будущем в те дни, когда большинство членов экипажа еще верили, что все наладится. Каждый раз, когда Мэрстон пребывал не в лучшем расположении духа, он любил подолгу вспоминать о своей жене и детях. Шеклтону Мэрстон явно не нравился, и его антипатия со временем только росла. Эта был один из необъяснимых случаев тех самых тонких человеческих взаимоотношений. Возможно, дело было в чувстве вины, постоянно испытываемой Мэрстоном. К тому же Шеклтон боялся, что панические настроения художника передадутся остальным членам команды. Но, несмотря на изменчивость настроения и то, что он не всегда стремился принимать участие в общей работе, почти все любили Мэрстона.

В группе «рабочих рук», матросов и кочегаров, заметно

выделялся один человек — Джон Винсент, молодой амбициозный задира. Крепко сложенный, небольшого роста, он был намного сильнее остальных матросов и, пользуясь этим, старался всячески запугать своих товарищей. Он настаивал, чтобы ему первому подавали еду, поскольку хотел выбирать лучшие порции и куски. Если подавали грог, он всегда выпивал больше положенного. Мало сказать, что другим матросам он просто не нравился — его не очень-то уважали и за работу на корабле. Винсент служил на флоте, но в основном на простых траулерах в Северном море. В отличие от Бэйквелла и Маклеода, ходивших под прямыми парусами[19], больше Винсент не имел никакого серьезного морского опыта. Как бы то ни было, он загорелся идеей получить вакантную должность боцмана, и лучшим способом для достижения цели счел демонстрацию своей способности к тирании. Спустя какое-то время окружающим это надоело, и тогда Хоу, приятный, спокойный и очень способный молодой человек, доложил о происходящем Шеклтону. Шеклтон тут же послал за Винсентом. Неизвестно, что именно сказал Шеклтон, но отношение Винсента к людям после этого разговора изменилось в лучшую сторону.

Примечательно, что у команды больше не осталось разногласий, особенно после наступления антарктической ночи. Давящая темнота и непредсказуемая погода ограничивали попытки любых передвижений вокруг корабля. У людей было мало работы, и постоянное совместное времяпрепровождение их очень сблизило. Вместо того чтобы действовать друг другу на нервы, вся команда сплотилась.

Однажды в начале зимы Джордж Мэрстон и Фрэнк Уайлд решили подстричь друг друга. Недолго думая, они полностью сбрили волосы с помощью найденной на корабле машинки для стрижки волос. К следующему вечеру вся команда заразилась их примером. Все, включая Шеклтона, сбрили волосы почти под ноль.

За этим последовало много шуток. Вечером Уайлд пришел на ужин, спрятав лицо в воротнике свитера так, что оттуда торчала только бритая макушка, на которой Мэрстон нарисовал то, чему Гринстрит дал меткое название имбецил Джонни.

Следующей ночью Чудилу Уорсли вызвали на импровизированный суд за то, что он «ограбил пресвитерианскую церковь, похитив из сумки с пожертвованиями брючную пуговицу, чтобы использовать ее в гадких и постыдных целях». Дело велось долго и беспорядочно. Уайлд был судьей, Джеймс — обвинителем, а Орд-Лис — защитником. Гринстрит и Макелрой давали свидетельские показания со стороны обвинения, но, когда

Уорсли пообещал угостить судью выпивкой по окончании заседания, Уайлд попросил присяжных признать подсудимого невиновным. Однако в финале первого же тайного голосования Уорсли признали виновным.

Помимо этих спонтанных забавных случаев на корабле существовали общие ритуалы и традиции. Например, по субботам вечером, когда каждый член экипажа получал свою порцию грога, обязательно звучал тост «За наших милых дам и жен», и все тут же хором добавляли: «И пусть они никогда не встретятся».

Субботними вечерами они лежали на койках и делали записи в дневниках под музыку из фонографа с рукояткой. Но из-за нехватки граммофонных игл это удовольствие обычно длилось не больше двух часов. В Англии при подготовке экспедиции заказали пять тысяч игл, но Уайлд не уточнил значение слова «граммофон». Только после выхода в море баталер Орд-Лис обнаружил, что у них оказалось пять тысяч швейных игл и только одна небольшая упаковка граммофонных.

Каждый месяц фотограф Фрэнк Херли собирал всех для участия в особом ритуале под названием ламповая беседа. Так назывались его лекции о тех местах, которые он посетил во время экспедиций по Австралии и Новой Зеландии вместе с Моусоном[20]. Каждая лекция сопровождалась слайдами, из которых самым любимым у команды был «Взгляд украдкой на Яве» — покачивающиеся кроны пальм и местные девушки — аборигенки.

В такие ночи «Ритц» становился очень уютным местом. Изначально это была грузовая зона под главной палубой и каютами в передней части корабля. Затем люди поменялись местами с вещами со склада, которые перенесли в офицерскую кают-компанию. Это помещение, около тридцати пяти футов длиной и двадцати пяти футов шириной, Макниш разделил на индивидуальные спальные зоны для ученых и офицеров. В центре стоял длинный стол, над ним висела парафиновая лампа. Здесь они ели, вели дневники, играли в карты и читали. В одном углу оборудовали угольную печь, с помощью которой поддерживали комфортную температуру. А толстые стены «Эндьюранс» сохраняли тепло.

Тем временем снаружи погода стремительно ухудшалась. В конце мая температура понизилась, перейдя за нулевую отметку, — и держалась на минусовых значениях. Всю первую половину июня приборы показывали одну и ту же среднюю температуру — семнадцать градусов ниже нуля. Зато с палубы «Эндьюранс» открывался невероятно красивый вид. В безоблачную погоду на небе появлялась луна. Описывая на

звездном небе большой круг, она освещала льдины мягким бледным сиянием. В другие дни воображение членов экипажа поражала удивительная картина *aurora australis* — антарктического подобия северного сияния. Неописуемые по красоте вспышки зеленого, голубого и серебряного цветов поднимались из-за горизонта в иссиня-черное небо, мерцая переливающимися бликами, которые эффектно отражались от ледяной поверхности. Если не считать нараставшего мороза, погода оставалась удивительно спокойной, не было никаких бурь.

К середине июня, самой тяжелой части зимы, Фрэнк Херли решил похвастаться и доказать всем, что его упряжка — самая быстрая в собачьих «бегах». Даже в полдень, когда решили провести соревнование, было так темно, что зрители не могли увидеть финиш. Победила команда Уайлда, но Херли тут же нашел объяснение своему поражению: это произошло только потому, что собаки конкурента везли меньший вес, чем его собаки. Он жаждал реванша и выиграл. Но случилось это, когда на очередном повороте с повозки Уайлда упал Шеклтон, ехавший в качестве пассажира, и Уайлд был попросту дисквалифицирован.

Следующей ночью скрытный Макелрой показал всем пару игральных костей, найденную им среди своих вещей. Сначала он сыграл с Гринстритом на то, кто кому купит шампанское по возвращении домой. Гринстрит проиграл. К этому времени к столу в «Ритце» уже начали подтягиваться любопытствующие. Весь вечер они развлекались, бросая кости и заключая всевозможные пари. Уайлд был обязан угощать всех обедом, сам Макелрой проиграл и должен был покупать билеты в театр, Херли оплачивал всем ужин после театра, а бережливый геолог «Джок» Уорди — такси до дома.

День середины зимы, 22 июня, отмечали по-особенному. «Ритц» украсили флагами, а Херли построил некое подобие сцены, освещенной газовыми лампами. Все собрались на торжество к восьми часам вечера.

Шеклтон в роли председателя объявлял участников. Баталер Орд-Лис был одет как методистский священник «Пузырящейся любви». Обращаясь к своим слушателям, он выступил с «проповедью» о расплате за грехи. Джеймс, в роли господина профессора фон Шопенбаума, произнес многословную речь «О калориях». Маклин пылко прочел стихотворение собственного сочинения о некоем капитане Эно, мореплавателе бурного темперамента, который, судя по всему, был не кем иным, как искрометным Уорсли.

Гринстрит по свежим следам так описывал прошедший вечер в своем дневнике: «Больше всего я смеялся над тем, как Керр,

одетый бродягой, пел песню о тореадоре Спагони. Он начал петь на несколько тонов выше и, несмотря на отчаянный шепот своего аккомпаниатора Хасси «Ниже! Ниже!», игравшего значительно ниже, продолжал петь в том же духе, пока оба не потеряли нить мелодии. Когда дошла очередь до слова «Спагони», он его забыл, и получилось что-то вроде «тореадор Стуберски». К тому же Керр совершенно забыл припев, и вышло просто «Смерть ему, смерть ему, смерть ему!». Это было очень смешно, и мы хохотали до слез. Макелрой предстал перед нами в наряде испанской девушки. Танцуя фламенко, эта красотка выглядела очень зловеще — в платье с глубоким декольте и высоким, то и дело распахивавшимся разрезом, под которым виднелась над чулком голая нога».

Мэрстон пел, Уайлд читал «Крушение Геспера»[21], Хадсон был девушкой-метиской, Гринстрит — красноносым пьяницей, а Рикенсон — лондонской проституткой.

Вечер завершился ближе к полуночи холодным ужином и тостами. Затем все пели «Боже, храни короля».

Итак, прошла половина зимы.

Глава 6

Все начинали думать о весне, возвращении солнца и долгожданном потеплении, предвкушая тот момент, когда «Эндьюранс» наконец сможет выбраться из ледяной тюрьмы и направится к заливу Вахсела.

Впервые звук напирающих льдов они услышали в конце июня. Это было двадцать восьмого числа. Уорсли написал в своем дневнике: «Временами ночью раздается далекий, глубокий, гудящий звук — иногда превращающийся в немного зловещий протяжный скрипучий стон. Он начинается постепенно, но резко обрывается. Лучше всего его слышно на расстоянии — чем больше расстояние, тем отчетливее звук».

Девятого июля показания барометра начали падать, очень и очень медленно. Пять дней подряд они медленно снижались: 29,79… 29,61… 29,48… 29,39… 29,25…

Утром 14 июля данные резко изменились, и барометр показал 28,88. Зловещий мрак наступил в полдень. Ветер, сперва несильный, подул на юго-запад. Примерно в семь часов вечера пошел снег.

К двум часам ночи весь корабль начал вибрировать, ветер пронзительно свистел в тросах такелажа, пролетая со скоростью не менее семидесяти миль в час. Снег был похож на песчаную бурю, поднимавшуюся с полюса. Ничто не могло задержать его, несмотря на то что люди укрыли брезентом все люки, пытаясь таким образом загерметизировать их. К полудню корабль уже наполовину исчез под снегом. Приборы зафиксировали тридцать четыре градуса ниже нуля.

Шеклтон приказал никому не отходить дальше собачьих будок, находившихся в метре от корабля. Тем, кто кормил собак, приходилось все расстояние до них проползать на коленях, чтобы не быть унесенными ветром. Стоило только сойти с корабля — и буквально через пару минут ослепляющий, удушающий снег забивал глаза и рты.

С подветренной стороны «Эндьюранс» ветер разрушал лед, оставляя в нем каналы и борозды. С наветренной стороны образовались огромные сугробы высотой не менее четырнадцати футов и общим весом около ста тонн. Льдины с этой стороны корабля прогибались и под таким громадным весом, и под тяжестью груженого судна. Видно было, как они опускались под воду.

На следующий день температура упала до тридцати пяти градусов мороза, и каждой собаке дали полфунта жира, чтобы

помочь бороться с холодом. После завтрака Шеклтон приказал всем выйти на лед и попытаться очистить от снега льдины по левому борту. Лед под собачьими будками начал опасно прогибаться. Шеклтон боялся, что он может проломиться — и все собаки утонут.

Всю ночь бушевала снежная буря, но 16 июля снегопад стал стихать, и к утру показалось чистое небо. В слабом свечении луны люди отчетливо увидели новые ледяные хребты, образовавшиеся под давлением паковых льдов и окружившие корабль со всех сторон. Похожие на живые изгороди, отделявшие друг от друга разные участки льда, они преграждали дорогу дрейфующим сугробам и снежным массам. Но, так или иначе, завывавший ветер очистил поверхность льда до зеркального блеска, сделав ее идеально гладкой и отполированной.

До начала шторма лед вокруг корабля представлял собой единую массу, но сейчас она разламывалась на куски, и с северной стороны появилась открытая вода. В такой ситуации давление было неизбежным. Лед коробился и ломался, образуя десятки миллионов новых поверхностей, каждая из которых находилась во власти ветра и могла двигаться совершенно отдельно от других. Паковые льды могли дрейфовать, повинуясь ветру и передавая чудовищные импульсы по всем прилегающим льдам. Такой процесс называется давлением, и началось оно 21 июля. Но сам корабль, находившийся в центре толстой плотной льдины, пока еще был в безопасности. Вокруг раздавались звуки дрейфовавших на юг и юго-запад паковых льдов.

Шум продолжался всю ночь, вплоть до следующего утра. После обеда Уорсли решил разведать обстановку. Надев вязаную шапку, куртку, он взобрался по лестнице и в ту же минуту вернулся с новостями о том, что их льдина треснула. Весь экипаж, схватив плащи и шапки, выбежал на палубу. Трещина примерно два фута шириной шла от внешнего края плавучей льдины, где, повинуясь чудовищному давлению, одна глыба льда наползла на другую. Заканчивалась она примерно в сорока ярдах от «Эндьюранс». Все сани тут же подняли на борт и установили ночное дежурство.

Казалось, разлом неминуем. Они прождали весь день, целую ночь и следующий день. Однако ничего не произошло. Вокруг постоянно слышались звуки давления, иногда чувствовалось, как сотрясается лед, но «Эндьюранс» по-прежнему находилась в центре огромной ледяной плиты. Трещина постепенно начала замерзать, и так как дни проходили без особых изменений, острота постоянного ожидания со временем притупилась. Дежурства были отменены, собачьи тренировки, наоборот,

постепенно возобновились.

Каждый раз, когда упряжки выходили на лед, они сталкивались с невиданным доселе проявлением силы. Днем 26 июля Гринстрит отправился на небольшой забег с командой Уайлда. Увидев движущиеся массы льда, они остановились посмотреть. На их глазах цельная голубовато-зеленая льдина толщиной не менее девяти футов натолкнулась на соседнюю, и вместе они поднялись вверх так легко, словно это были два кусочка пробкового дерева.

По возвращении на корабль Гринстрит записал в своем дневнике: «Нам очень повезет, если наш корабль не испытает аналогичного давления, потому что я сомневаюсь, что какое-либо судно способно выдержать давление, с легкостью поднимающие такие льдины».

Всех остальных членов экипажа чувство безопасности покинуло так же быстро. После ужина в «Ритце» наступила мрачная тишина. В полдень всех немного обрадовало появление солнца на горизонте — буквально на одну минуту сразу после полудня. Впервые за семьдесят девять дней они увидели солнце. Но даже это не помогло справиться с нараставшим всеобщим беспокойством.

Макниш, никогда ничего не скрывавший, той же ночью четко выразил в своем дневнике царившую на судне тревогу: «Это (солнце) значит для нас очень много, потому что теперь у нас будет больше света. Мы ждем потепления, но не хотим, чтобы льдина раскололась, если рядом не окажется свободной воды, поскольку корабль просто раздавит, если волей случая это произойдет сейчас».

Шесть дней спустя, 1 августа, в десять часов утра, когда каюры вычищали снег из собачьих будок, лед задрожал, а затем раздался скребущий, перемалывающий звук, и внезапно «Эндьюранс» поднялась на самый верх, задержалась на пике и снова упала в воду, слегка покачиваясь. Льдина разломилась, корабль был свободен.

Шеклтон тут же оказался на палубе, а за ним и вся команда. Он быстро понял, что произошло, и приказал поднять собак на борт. Все бросились на вибрирующую льдину возле корабля и начали вырывать цепи изо льда, подгоняя собак к сходням. Операция заняла восемь минут.

Они успели вовремя. Когда сходни поднимали, корабль под давлением льда, перемещавшегося под ним, резко дернулся вперед и чуть вбок. Крепкая льдина, так долго защищавшая его, теперь перешла в нападение, нанося удары по бортам судна и свирепо разбивая о них маленькие собачьи будки.

Самое сильное давление ощущалось ближе к носовой части корабля, и все в беспомощной тревоге наблюдали, как огромные плавучие льдины, сталкиваясь, словно в яростной схватке, раскалывались на куски. На них тут же наползали, набрасывались другие куски льда, покрывавшие всю водную поверхность.

Так продолжалось пятнадцать мучительных минут, а затем носовая часть «Эндьюранс» медленно поднялась на лежавшую впереди льдину. Люди почувствовали, как поднимается судно, и из груди каждого вырвался непроизвольный вздох облегчения. На мгновение все ощутили себя в безопасности.

Лед вокруг корабля по-прежнему подвергался чудовищному натиску, но почти сразу после полудня давление спало. «Эндьюранс» продолжала возвышаться на ледяном постаменте, с пятиградусным наклоном на левый борт. Шлюпки были готовы к спуску и всех проинструктировали, что необходимо иметь под рукой самую теплую одежду на случай, если вдруг придется «выйти погулять». Но ситуация оставалась стабильно спокойной весь день до самого вечера.

Описание событий прошедшего дня Уорсли закончил такими словами: «Если бы что-нибудь помешало кораблю подняться, его бы уже раздавило, как яичную скорлупу. Собаки вели себя прекрасно… Кажется, они воспринимают это как развлечение, которое мы устроили для них».

Ночью подул ветер с юго-запада, и к утру началась буря. Ветра безжалостно сталкивали льды на своем пути, вызывая появление новых областей давления.

К утру куски льда вокруг корабля снова замерзли, превратившись в плотную массу. Любопытно, что во время большого разлома достаточно крупная часть старой льдины пропорола насквозь основную толщу льда. Но, столкнувшись с кораблем, она развернулась под углом сорок пять градусов так, что следы от саней на ее поверхности теперь шли вертикально вверх.

Большинство членов команды сооружали новые будки для собак. Эта работа заняла несколько дней, и, что удивительно, еще до того как она была закончена, воспоминания о недавно пережитом постепенно начали терять остроту.

Спустя три дня после разлома, 4 августа, Шеклтон услышал, как несколько человек в «Ритце» разговаривали о том, что «Эндьюранс» сможет выдержать любое давление. Он присел за стол рядом с ними и рассказал историю о мышке, жившей в таверне.

Однажды ночью мышка нашла протекающую бочку с пивом и выпила, сколько смогла. Закончив пировать, она села, вытерла

лапкой усы и высокомерно огляделась вокруг. «Ну что, и где теперь этот чертов кот?» — спросила она.

Даже после такой поучительной притчи экипаж не хотел расставаться с возрастающей уверенностью в благополучном исходе. Теперь все понимали, каким может быть давление льдов. Они видели, что корабль сопротивлялся, и это ему не сильно навредило. Возвращение солнца тоже поднимало дух. Сейчас оно светило уже около трех часов в день, сменяясь сумраком, который длился по семь — восемь часов. Все продолжали играть в хоккей и даже устроили несколько весьма бурных соревнований. И с интересом наблюдали, как большой Том Крин ставил в упряжку маленьких щенков, заставляя их делать первые попытки тащить сани. Уорсли описывал это так: «Слегка сопротивляясь, управляемые твердой рукой, они бежали по неясному для них, извилистому маршруту, более непредсказуемому, чем судьба несчастного корабля в море Уэдделла».

Пятнадцатого августа Уорсли в своих записях снова передавал всеобщий позитивный настрой. Описывая очередные соревнования каюров, или «хозяев», Уорсли в характерной ему манере преувеличивал: «…некоторые каюры чрезмерно хвастали достоинствами своих собак перед другими командами. Казалось, “хозяин” упряжки “Сердечная болезнь” ожидал, что весь мир затаит дыхание, когда они будут проезжать мимо. Но тут один вульгарный человек, постоянно выкрикивавший: “Йойкс Талли-хо”, с неописуемой наглостью посмел издать боевой клич, проезжая мимо упряжки с этими достойными, но нервными существами. Возмущенный каюр упрекнул его, заметив, что тот своим зловещим голосом напугал этих красивых, но нежных собачек. Мой долг — с прискорбием сообщить, что на следующий же день ужасный вульгарный человек, сидя в собственных санях, дал волю своему угрожающему реву, когда мимо него проезжала команда “Сердечная болезнь”. Результат привел к катастрофе: двое из несчастных существ упали в обморок, и их пришлось приводить в сознание с помощью нашатырного спирта. Остальные же просто впали в истерику, пока наглец со своей упряжкой не скрылся за горизонтом».

Команда «Сердечная болезнь» принадлежала Маклину; он старался обходиться с собаками максимально ласково. А ужасным вульгарным человеком был сам Уорсли.

Еще одно способствовало всеобщей жизнерадостности: их льдина плыла. После июльской снежной бури пленников льда в основном несли сильные южные ветра, и за это время они проплыли около ста шестидесяти миль. Но 29 августа в полночь корабль содрогнулся. Спустя мгновение раздался звук, похожий

на гром. Все вскочили с коек и замерли в ожидании. Однако больше ничего не произошло.

На следующее утро они увидели тонкую трещину позади корабля — и ничего больше. Остаток дня прошел без приключений. Затем, около половины седьмого вечера, когда команда заканчивала ужинать, «Эндьюранс» содрогнулась во второй раз. Несколько человек вскочили из-за стола и ринулись на палубу. Но снова ничего не было видно, кроме того, что трещина увеличилась на каких-то полдюйма.

Следующий день, 31 августа, проходил спокойно ровно до десяти вечера. В какой-то момент «Эндьюранс» заскрипела и застонала, как дом с привидениями. Дежурный ночной смены доложил, что лед впереди и по левой стороне начал двигаться, но люди ничего не могли предпринять, поэтому все легли спать. Тем не менее периодически повторявшиеся хлопки, отдававшиеся эхом по кораблю, не давали им уснуть почти всю ночь.

Те, чьи койки находились с левой стороны, страдали больше других. Пытаясь уснуть, они слышали, как лед трется и ударяется об обшивку корабля, всего на расстоянии трех футов от их ушей. Шум прекратился ближе к рассвету, но к завтраку все вышли нервными и измотанными.

Давление возобновилось днем и продолжалось до вечера. Эта ночь была самой страшной.

Уорсли так описывал ее в своем дневнике: «Около полуночи последовала очередь из оглушающих скрипов, стонов и ударов о корабль, от чего он подпрыгивал и трясся в передней части. Многие поспешно оделись и выбежали на палубу. Лично я устал от этих постоянных сигналов тревоги, с которыми мы ничего не можем сделать, поэтому, когда раздался самый громкий удар, я только внимательно слушал, не было ли при этом треска рвущейся обшивки. Не услышав ничего подобного, я перевернулся на другой бок и уснул».

На следующий день давление прекратилось — «Эндьюранс» пережила второе нападение.

Глава 7

Уверенность команды в своем корабле, казалось бы, должна была укрепиться. И 1 сентября Гринстрит писал в дневнике: «Он крепче, чем мы думали. И если давление не возрастет… он справится». Но в его словах не было ни капли уверенности. Кто мог гарантировать, что давление не усилится? Они сомневались не в стойкости судна — их беспокоило, что «Эндьюранс» не была рассчитана на сопротивление настолько сильным льдам, по крайней мере тем, с которыми они столкнулись в море Уэдделла, где давление, бесспорно, было самым страшным на земле.

Более того, трехдневная атака на корабль всех вымотала, люди находились на пределе сил. Они не знали, чего ожидать от следующей ночи. Их оптимизм давно иссяк. Льды не оставят их в покое, и они понимали это. Но им оставалось только ждать с беспомощной неуверенностью, проживая каждый день в страхе и надежде на то, что на долю «Эндьюранс» не выпадет ничего хуже того, что пережито ранее.

Даже Уорсли, чье настроение ухудшалось крайне редко, выразил в своем дневнике общую обеспокоенность: «Многие столообразные айсберги похожи на огромные склады и машины для уборки зерна, но еще больше они напоминают творения удивительного архитектора, страдающего расстройством сознания. Они вынуждены бесконечно долго смотреть на эти проклятые адские льды, обречены дрейфовать взад и вперед, пока трубный глас, знаменующий начало Страшного суда, не затрясет и не начнет разрывать их на миллионы маленьких фрагментов — чем меньше, тем лучше. Затем он разбросает их во все стороны — на север, юг, восток и запад. А вокруг не видно ни животных, ни растений, ничего!!!»

Все особенно остро ощущали отсутствие тюленей, которые могли бы не только доставить им удовольствие охотой, но и дать возможность поесть свежего мяса — а этим лакомством они не могли себя порадовать уже целых пять месяцев.

И все же вокруг уже чувствовалось приближение антарктической весны. Солнце ежедневно светило почти по десять часов кряду, а 10 сентября температура поднялась до одной целой девяти десятых градуса выше нуля, что стало самым высоким показателем за последние семь месяцев. Всем, кто находился на борту, это показалось настоящей тепловой волной: они смогли взбираться на реи без головных уборов и перчаток, и при отсутствии сильного ветра это не вызывало особого дискомфорта. Спустя неделю биологические исследования Бобби

Кларка выявили, что количество планктона в воде начало увеличиваться — а значит, весна явно приближалась.

В Антарктике планктон (крошечные одноклеточные растения и животные) — основа всей жизни. Самые мелкие рыбешки им кормятся, а их, в свою очередь, едят рыбы покрупнее, которыми питаются кальмары, тюлени и пингвины, составляющие основной рацион питания косаток, морских леопардов и гигантских кашалотов. Весь цикл жизни начинается с планктона. Если он появляется, значит, скоро в поле зрения возникнут и остальные антарктические создания.

Спустя пять дней после новости, которую сообщил Кларк, Джок Уорди заметил императорского пингвина и смог выманить его из воды. Пингвина быстро убили. На следующий день жертвой охотников пала самка тюленя.

Но, несмотря на все эти ободряющие знаки, в воздухе витал дух мрачных предчувствий. Приближалось 1октября. Уже два раза, в августе и сентябре, первое число месяца становилось сигналом к сильному давлению, и многие члены экипажа стали суеверными в этом вопросе.

На этот раз судьба просчиталась ровно на сутки. Давление усилилось 30 сентября, около трех часов дня. В общей сложности оно продолжалось один ужасающий час. На этот раз корабль безжалостно атаковала плавучая льдина слева по курсу, угрожающе поднимавшаяся к фок-мачте. Нижняя палуба прыгала и содрогалась, затем прогнулись стойки. Чиппи Макниш в это время находился в «Ритце». Огромный свод над его головой прямо на глазах начал гнуться, «как тростинка». Тем временем на палубе Гринстрит не мог оторвать глаз от фок-мачты: казалось, она «была готова вылететь от мощных толчков, беспощадно ее раскачивавших».

Уорсли все это время находился на корме у руля и, когда давление снизилось, записал в своем дневнике: «Корабль показывает невероятную силу… каждый раз кажется, что лед вот-вот раздавит его, как скорлупку. Все люди наготове, но, к нашему облегчению, как раз тогда, когда возникает ощущение, что это конец, огромная ледяная плита весом, вероятно, в миллион тонн или даже больше спасает наш маленький корабль, треснув пополам и тем самым ослабив давление. Наш корабль ведет себя во льдах просто удивительно. Его, несомненно, можно назвать лучшим деревянным судном, когда-либо построенным…»

Когда опасность миновала, вся команда спустилась вниз и увидела, что нижняя палуба в нескольких местах вздыбилась и с полок посыпались вещи. Но корабль все еще был цел.

Оптимизм понемногу возвращался в души людей. Может

быть, «Эндьюранс» все-таки смогла пережить этот кошмар? Три раза корабль выстоял в схватке со льдом, и каждый раз его сдавливало сильнее, чем в предыдущий. Но «Эндьюранс» снова и снова сражалась и побеждала. Первые дни октября прошли; становилось заметно, что льды начинают раскрываться. Температура тоже стала подниматься, и 10 октября на термометре было уже девять целых восемь десятых градуса выше нуля. Плавучая льдина, с июля лежавшая по правому борту корабля, 14 октября вырвалась на свободу, и «Эндьюранс» оказалась в небольшом бассейне открытой воды. Это случилось впервые за девять месяцев с тех пор, как ее сдавило льдами в первый раз. Наконец-то она действительно была на плаву!

Офицеры и ученые смогли вернуться в офицерскую кают-компанию в салоне на верхней палубе. Перегородки из «Ритца» спустили вниз, и помещение снова превратили в склад.

Через два дня, 16 октября, Шеклтон решил, что при такой тенденции перемещения льда оправданно включить моторы и попытаться продвинуться вперед. Все участвовали в накачивании котлов водой. Утомительная работа, длившаяся три с половиной часа, была почти закончена, как вдруг обнаружилась серьезная протечка в арматуре, и воду пришлось заново откачивать, чтобы механики могли произвести необходимый ремонт. К тому времени, когда работы завершились, было уже слишком поздно идти полным ходом. В начале следующего дня перед кораблем открылось разводье. Некогда было разводить пар, поэтому матросы подняли все паруса, чтобы помочь кораблю пройти к разводью. Но он так и не двинулся с места. Утро 18 октября встретило снегом и туманом. Разводье впереди исчезло, и казалось, что льды подступили еще ближе. В течение дня на корабле чувствовалось легкое сжатие, которое не представляло особой опасности. Но ближе к вечеру, примерно без четверти пять, льды снова сжали «Эндьюранс» с обеих сторон, продолжая натиск.

Все люди оцепенели, будто лед уже коснулся их самих. Затем некоторые побежали вверх по лестницам на палубу. В следующее мгновение показалось, что палуба уходит из-под ног — корабль внезапно перевернулся на левый бок. Секунда тишины — а потом все, что не было привинчено: доски, собачьи будки, веревки, сани, ящики с запасами и сами люди, — с грохотом покатилось через палубу. Джеймса зажало между двумя коробами с зимней одеждой, а сверху на них рухнули громко скулившие и завывавшие от ужаса собаки. Из кухни и офицерской кают-компании, где поставили закипать воду, клубами шел пар.

Всего за пять секунд «Эндьюранс» накренилась на двадцать

градусов влево и продолжала падать. Уорсли подбежал к борту и увидел, как доски обшивки одна за другой уходят под лед. Гринстрит, стоявший неподалеку, уже готов был прыгать в воду.

Плавучая льдина по правому борту зацепилась за выступ на корпусе судна и просто переворачивала его. Накренившись на тридцать градусов, корабль почти перестал двигаться и затем совсем остановился. Теперь он лежал фальшбортами на льду, почти касаясь его шлюпками. Уорсли писал: «Казалось, наша “Эндьюранс” говорит кровожадному голодному льду: “Можешь раздавить меня, но будь я проклята, если опущусь для тебя еще хоть на дюйм; сначала я посмотрю, как ты таешь в аду”».

Когда «Эндьюранс» остановилась, Шеклтон приказал потушить огонь в котельных; затем все начали наводить порядок. Закрепили все, что слабо держалось, прибили к палубе небольшие полоски дерева, чтобы дать собакам точку опоры. Около семи часов работа на палубе была закончена, и все спустились вниз. Здесь их ожидало впечатляющее зрелище: каждая вещь выглядела так, словно ее швырнул сюда сильный ветер. Занавески, картины, одежда, кухонные принадлежности — все сбилось в огромную кучу у переборки по правому борту.

Пока остальная часть команды приколачивала доски на нижней палубе, Грин приготовил ужин. Большинство ужинало сидя на палубе, вповалку, один на другом, держа тарелки на коленях. «Это выглядело так, будто мы сидели на трибуне», — вспоминал Джеймс.

Около восьми часов льды под «Эндьюранс» разошлись, и корабль быстро выровнялся. Команда принялась отбивать лед с рулевого устройства. Работу закончили к десяти вечера. Затем выпили полагающуюся порцию грога и снова приступили к накачиванию воды в котлы. К часу ночи почти все, за исключением дежурных, отправились спать. Люди валились с ног от усталости.

На следующий день, 19 октября, давления не было, поэтому работали мало. Вдоль линии открытой воды рядом с кораблем проплыла большая косатка, красиво уходя под воду и появляясь снова. Последние данные, которые показывал барометр в этот день — 28,96, — были самыми низкими со времени страшной июльской снежной бури.

Назавтра, 20 октября, никаких существенных изменений в поведении паковых льдов не произошло. Тем не менее все было готово к движению корабля полным ходом, главное — чтобы перед ним появилось разводье. Потихоньку запустили двигатели и убедились, что они находятся в хорошем рабочем состоянии. Снова установили обычные четырехчасовые дежурства.

Следующие 21 и 22 октября тоже оказались днями настороженного ожидания и наблюдения. За это время произошло единственное изменение — льды снова чуть-чуть сдвинулись. Температура упала с десяти градусов тепла до четырнадцати градусов ниже нуля. Вечером 22 октября ветер переменился на сто восемьдесят градусов — с юго-запада на северо-восток. Той ночью Макниш написал: «…очень тихо; похоже, скоро снова начнется давление».

Глава 8

Оно начиналось медленно. День 23 октября прошел без особых изменений, кроме того что паковые льды начали смещаться под влиянием северо-восточного ветра.

Когда, наконец, вечером 24 октября в шесть сорок пять давление возобновилось, стихия решила не терять времени даром. До этого корабль уже переживал сильнейшие натиски, но их нельзя было сравнить с тем, что происходило сейчас. Давление сотрясало лед, по нему то и дело проходили медленные шоковые волны, превращая всю ледяную поверхность в хаос разрушения. Маклин попытался рассмотреть происходящее, но в ужасе отвернулся, отказываясь верить своим глазам. Он писал: «Ощущения от увиденного были просто нереальными: казалось, будто с природой происходило что-то настолько колоссальное, что почти невозможно воспринять человеку».

Лед без усилий сминал корабль, врезаясь в него до тех пор, пока не зажал между двумя громадными глыбами в передней и кормовой части по правому борту. Еще одна льдина вгрызлась в судно посередине, по левому борту.

Тяжелая масса льда навалилась на корму, отрывая ахтерштевень от обшивки с правой стороны. Вода хлынула внутрь. Макниша отправили на проверку — он мгновенно вернулся с сообщением, что в носовой части стремительно прибывает вода. Рикинсон доложил: то же самое происходит и в машинном отделении.

Для откачки воды настроили портативную помпу Даунтона и включили двигатели, чтобы запустить трюмные помпы. Люди работали до восьми часов вечера, но так и не смогли остановить прибывающую воду. Все свободные от других дел члены экипажа откачивали ее ручными помпами возле грот-мачты. Но все было бесполезно: несколько минут откачки — и вода тут же замерзала в трубах.

Уорсли с Хадсоном и Гринстритом спустились к топливным бункерам. Работая почти в полной темноте и ледяном холоде, они смогли проложить проход к мокрому склизкому углю, на который обрушились запасы жира шестидесяти тюленей. Звуки мучений корабля слышались ужасающе близко. Люди лили кипящую воду, ведро за ведром, в замороженную трубу. Один направлял огонь паяльной лампы на неподдающуюся арматуру, пока двое других пытались извлечь застрявшие в трубах куски льда. Наконец, после часовой работы, помпы удалось освободить.

Макниш начал строить водонепроницаемую крепь в десяти

футах от ахтерштевня, чтобы сдержать воду и защитить хоть часть корабля. Люди на ручных помпах сменяли друг друга каждые пятнадцать минут. В перерывах некоторые члены команды помогали Макнишу строить крепь, фиксируя ее полосками разорванных одеял. Остальные подходили к бортам и с помощью пил для резки льда пытались хоть как-то рассечь толщу атакующих плит, чтобы ослабить их натиск. Но едва они прорезали одну нишу, как лед тут же сминался и спрессовывался вокруг нее, образуя новую глыбу.

Всю ночь люди боролись со стихией: пятнадцать минут на помпах, пятнадцатиминутный перерыв, затем ко льду за бортом или обратно в машинное отделение. Конечно, все были закалены прошедшим годом тяжелой работы на корабле, но десять часов на помпах с пилами в руках даже самых сильных довели до изнеможения. Люди падали на ходу от усталости. К рассвету Шеклтон объявил часовой перерыв, и Грин принес каждому большую миску каши. Нужно было продолжать…

К середине утра Шеклтон приказал каюрам спустить собак и сани за борт на тот случай, если придется срочно покидать корабль. Уорсли взял с собой нескольких матросов, и они принялись очищать шлюпки от намерзшего льда, готовя их к спуску.

Все остальные члены экипажа весь день и целый вечер работали на помпах и строительстве водонепроницаемой крепи. К полуночи, после двадцати восьми часов безостановочной работы, Макниш закончил крепь. Но она лишь немного сдерживала поток воды, и помпам приходилось продолжать работать изо всех сил. Каждая смена превращалась для любого из участников экспедиции в агонию от невероятного напряжения, и когда она заканчивалась, человек как подкошенный падал на койку или валился в угол. Перенапряженным мышцам требовалось около десяти минут, чтобы просто расслабиться и дать человеку уснуть. Но едва он засыпал, его тут же будили, потому что подходило время следующей смены.

К вечеру давление снова усилилось. Льдина по левому борту сжимала и скручивала корабль по всей длине, заставляя его скрипеть и издавать стоны, похожие на стоны животных, когда лед разрушал его заднюю часть. В девять вечера Шеклтон приказал Уорсли спустить шлюпки и выгрузить на льдину по правому борту все необходимое оборудование и припасы.

Поздно вечером люди на палубе заметили около десятка императорских пингвинов; они медленно проковыляли в сторону корабля и остановились неподалеку. Императорских пингвинов часто видели поодиночке или парами, но не в таком большом

количестве. Пингвины стояли и смотрели на мучения корабля, затем вдруг запрокинули головы и издали несколько странных скорбных криков. Это показалось особенно зловещим, потому что никто, даже настоящие антарктические ветераны, не слышал ничего подобного от пингвинов, помимо привычных каркающих звуков.

Моряки замерли, и старый Том Маклеод спросил у Маклина: «Ты слышал это? Что ж, значит, никто из нас не вернется домой».

Маклин заметил, как Шеклтон закусил губу.

К полуночи движущиеся льды частично перекрыли дыру в корме, и поток воды начал спадать. Но ручные помпы должны были работать, чтобы не прибывала вода. Люди не имели права на отдых. И они продолжали трудиться всю ночь, с полузакрытыми глазами, словно мертвецы, прикованные к какому-то дьявольскому приспособлению, не дающему ни секунды отдыха.

Лучше не стало ни к рассвету, ни к полудню. Около четырех часов дня давление еще больше усилилось. Палуба вздымалась, поперечные балки ломались. Корма поднялась вверх на двадцать футов, от нее оторвало руль и ахтерштевень. Вода беспощадно заливала «Эндьюранс» и мгновенно замерзала, утяжеляя обреченный корабль. Они все еще откачивали воду, но к пяти часам поняли, что пора бросать это дело. С кораблем покончено, это было ясно без лишних слов.

Шеклтон кивнул Уайлду, и тот по вибрировавшей палубе направился в носовой кубрик — надо было проверить, не остались ли там люди. В кубрике он нашел Хоу и Бэйквелла, пытавшихся уснуть после своей смены на помпах. Уайлд просунул голову внутрь.

«Он тонет, парни. Пора спасаться».

Часть II

Глава 9

Да поможет Господь в делах ваших, и да хранит Он вас ото всех опасностей на суше и на море.

Да увидите вы Творенья Господни и все Чудеса Его на глубине.

Это слова были написаны на форзаце Библии, подаренной членам экспедиции Ее Величеством Королевой — матерью Александрой. Покидая «Эндьюранс» и медленно направляясь к лагерю, Шеклтон бережно нес Библию в руках.

Остальные члены экипажа едва заметили его прибытие. Они переползали из палатки в палатку, в каком-то оцепенении из последних сил пытаясь создать более-менее комфортную обстановку. Некоторые соорудили из деревянных балок подобие пола, чтобы не спать на покрытой снегом льдине. Другие расстелили парусину. Покрытия на всех не хватало, поэтому кому-то приходилось спать прямо на снегу. Но в тот момент это не имело значения. Главным сейчас для них был лишь сон. И они уснули. Некоторые — в обнимку с товарищами, чтобы сохранить тепло.

Шеклтон даже не пробовал уснуть. Он упорно мерил шагами льдину. Давление все еще не спадало, и несколько раз в лагере чувствовали, как под ними сотрясается лед. Именно там, где был разбит лагерь, ощущались сильные толчки. В двухстах ярдах от них на фоне чистого неба виднелись темные очертания «Эндьюранс». Около часа ночи, по-прежнему двигаясь взад-вперед по льдине, Шеклтон почувствовал резкий удар; затем по ледяной плите прямо между палатками пробежала тонкая змееобразная трещина. Почти тут же она начала расширяться. Шеклтон бросился к палаткам, поднимая измученных спящих людей. Потребовалось около часа нелегкой работы в темноте, чтобы перенести лагерь на большую часть плавучей льдины.

После этого в лагере все было спокойно, только под утро со стороны «Эндьюранс» послышались громкие звуки. Ее бушприт и утлегарь сломались и рухнули на лед. Остаток ночи Шеклтон слушал, как цепь мартин-гика, покачиваясь из стороны в сторону в такт движению корабля, издавала какой-то потусторонний звон.

Наутро погода была хмурой и мрачной, но температура поднялась до шести градусов выше нуля. Из-за сна на льду все продрогли и окоченели. Людям потребовалось много времени, чтобы подняться. Шеклтон не торопил их, и через какое-то время они постепенно принялись разбирать оборудование и укладывать

его на сани. Почти все делали в тишине, даже приказы были излишними. Все без слов понимали, что следует делать, и просто выполняли работу.

Насколько они знали, план был таков: пройти триста сорок шесть миль на северо-запад к острову Паулет, где в 1902 году были оставлены припасы. Они все еще должны были находиться там. Это расстояние было больше, чем от Нью-Йорка до Питтсбурга, а им в довершение всего предстояло везти с собой две из трех шлюпок на случай, если попадется участок с открытой водой.

Макниш и Маклеод начали грузить в сани шлюпку и один из буров. Каждая шлюпка вместе с санями весила больше тонны, и все понимали, что тащить их по неровной поверхности льда, усеянной острыми гребнями, на стыках достигавшими высоты двухэтажного дома, будет нелегко.

Как ни странно, никто не падал духом. Все оцепенели от усталости, и никто не задумывался об ужасных последствиях потери корабля. Их даже не волновал тот факт, что лагерь находится на льдине толщиной менее шести футов. Сейчас это казалось раем по сравнению с кошмаром непрерывной работы и полной неизвестности последних дней на «Эндьюранс». Людям было достаточно оставаться живым, и они просто делали все, что нужно, чтобы выжить.

Более того, чувствовалось даже какое-то легкое оживление. В конце концов, перед ними стояло четкое задание. Девять месяцев отсутствия уверенности в завтрашнем дне и бесцельного ожидания остались позади. Теперь им предстояло выбраться отсюда, какой бы ужасающе трудной задачей это ни казалось.

Иногда, в течение дня, они небольшими группками возвращались к брошенному кораблю. Но то, что от него осталось, уже нельзя было назвать кораблем. Он даже не был на плаву. Сохранился лишь разорванный, скрученный деревянный каркас. Лед в своем безумном стремлении уничтожить его пробил бока и вторгся внутрь, заполнив своей массой сломанный корпус. Судно находилось на поверхности до тех пор, пока продолжалось давление.

Еще во время плавания несколько человек подняли Юнион Джек[22] на передней нок-рее, которая, по иронии судьбы, осталась единственной уцелевшей частью судна. И теперь тонущий корабль уходил на дно с гордо развевающимся флагом.

Погрузка вещей в сани продолжалась и на следующий день, когда Шеклтон собрал всех в центре круга, образованного палатками. Серьезно оглядев присутствующих, он объявил о том, что необходимо снизить общий вес вещей до минимума. Каждому

разрешалось взять с собой рюкзак с одеждой плюс две пары рукавиц, шесть пар носков, две пары обуви, спальный мешок, фунт табака и два фунта личного оборудования. Свой приказ Шеклтон убедительно мотивировал тем, что никакие вещи не сравнятся с необходимостью выжить, и посоветовал без сожаления избавляться от каждой бесполезной вещи, не думая о ее ценности.

Закончив говорить, он порылся в кармане куртки, достал из него золотой портсигар и несколько золотых монет — и решительно бросил их в снег у своих ног.

Затем открыл Библию, подаренную королевой Александрой, и выдернул оттуда форзац вместе со страницей, на которой был напечатан текст тридцать третьего Псалма, а также страничку из Книги Иова со словами: «Из чьего чрева выходит лед, и иней небесный, — кто рождает его? Воды, как камень, крепнут, и поверхность бездны замерзает».

Положив Библию на снег, он молча удалился.

Жест весьма драматический, но именно такого эффекта Шеклтон и добивался. Помня о результатах прошлых экспедиций, он сделал однозначный вывод: все, кто обременял себя вещами на любой непредвиденный случай, шли намного тяжелее и дольше тех, кто жертвовал полной амуницией ради скорости.

С наступлением вечера число выброшенных на снег вещей непрерывно росло. По словам Джеймса, это был «удивительный набор всевозможных штучек». Офтальмоскоп, хронометры, топоры, пилы, телескопы, носки, линзы, свитера, стамески, книги, канцелярские принадлежности, а также огромное количество картинок и личных памятных подарков. Некоторым, по особым причинам, разрешалось брать больше двух фунтов оборудования. Понятно, что обоим хирургам позволили взять необходимое количество медикаментов и инструментов. Личные дневники можно было взять всем, кто их вел. А Хасси даже приказали взять банджо, несмотря на то что инструмент весил двенадцать фунтов. Его положили в чехол и закрепили в шлюпке под парусиной, чтобы укрыть от непогоды.

На следующий день экипаж отправлялся в путь. Накануне вечером Шеклтон написал в дневнике: «Молю Бога, чтобы мне удалось довести весь отряд в целости и сохранности до цивилизации».

День 30 октября выдался облачным и мрачным, иногда срывался мокрый снег. Температура некстати поднялась до пятнадцати градусов, из-за этого поверхность льда стала более мягкой, не совсем подходящей для движения саней. Утро провели за подготовкой последних припасов. Примерно в одиннадцать

тридцать Шеклтон и Уайлд отправились исследовать маршрут. Перед уходом Шеклтон приказал убить трех самых маленьких щенков, а с ними и Сириуса, щенка из первого помета, который оказался виноват лишь в том, что не был приучен к упряжке. Помимо них, следовало избавиться от кота, принадлежавшего Макнишу. По ошибке ему дали имя Миссис Чиппи — еще до того, как определили пол. Еду брали только для тех собак, которые могли тащить сани.

Том Крин, как всегда жесткий и практичный, отвел младших щенков и Миссис Чиппи на некоторое расстояние от лагеря и безо всяких колебаний застрелил. Но Сириуса должен был убить Маклин, и для него это стало настоящим испытанием. Он с неохотой взял из палатки Уайлда ружье двенадцатого калибра и увел Сириуса к отдаленному ледяному хребту. Отыскав подходящее место, он склонился над маленьким псом. Сириус был веселым и дружелюбным щенком, он радостно продолжал подпрыгивать, виляя хвостом и пытаясь лизнуть руку хозяина. Маклин с болью отталкивал его от себя, пока наконец не набрался решимости приставить ружье к его шее. Он нажал на курок, но руки так тряслись, что пришлось перезарядить ружье и выпустить еще одну пулю, чтобы окончательно убить щенка.

В путь отправились около двух часов дня. Шеклтон, Уорди, Хасси и Хадсон ехали на санях впереди остальных и везли с собой несколько лопат и кирок. Они старались вести свою группу по прямой дороге, но то и дело, через каждые несколько сотен ярдов, приходилось преодолевать ледяные торосы, образовавшиеся на стыках ледяных плит. Когда это случалось, они принимались откалывать лишние куски, сглаживая рельеф поверхности, чтобы сани могли спокойно заехать туда и спуститься. К особенно высоким торосам приходилось достраивать наклонные горки изо льда и снега — вверх на гребень и вниз с другой стороны.

За ними собачьи упряжки тащили сани. На каждые сани приходилось до девятисот фунтов веса вещей и оборудования. Последними под командованием Уорсли шли пятнадцать человек, которые тащили шлюпки. Это было невыносимо тяжело. Под собственной тяжестью шлюпки тонули в мягкой и рыхлой снежной каше. Впрягшимся в них людям приходилось сильно наклоняться вперед, иногда почти параллельно земле, чтобы сдвинуть с места ношу. Все это напоминало вспахивание снега, но никак не езду.

Шеклтон принял мудрое решение, приказав людям сменять друг друга примерно каждые четверть мили. Он боялся, что во льдах в любую минуту могут появиться трещины, и, если отряд растянется на большое расстояние, их может отрезать друг от

друга разводьями. Они продвигались медленно и тяжело. К пяти вечера, после трех часов пути, они оказались на расстоянии всего лишь одной мили от корабля по прямой линии, хотя фактически проделали в два раза больший путь. А собачьи упряжки, которым приходилось несколько раз возвращаться обратно за оборудованием, прошли в общей сложности около десяти миль.

Ужинать сели в шесть часов, и после этого сразу же, смертельно уставшие, забрались в спальные мешки. Ночью пошел сильный снег, который к рассвету покрыл все своим мягким шестидюймовым одеялом. Температура взлетела до двадцати пяти градусов, что не предвещало путникам ничего хорошего.

Утром Шеклтон и Уорсли нашли неплохой путь на запад, и уже к часу дня весь отряд отправился в дорогу. Но шли мучительно медленно из-за глубокого снега, почти все сильно вспотели, людей мучила жажда.

Основные силы уходили на то, чтобы проделать в снегу путь для шлюпок. Но все было тщетно — казалось, что пятнадцать человек, впрягшихся в шлюпки, тащили их по густой липкой грязи, а не по плавучей льдине и снегу. Через какое-то время им на помощь пришли Уайлд и Херли. Они прицепили шлюпки к своим упряжкам, и тащить их стало легче.

Около четырех часов дня, преодолев всего лишь три четверти мили, отряд вышел к толстой ровной льдине. И, так как поблизости не было видно ничего более подходящего, Шеклтон решил провести ночь здесь. Но поставленные палатки тут же промокли изнутри. Невозможно было забраться в них, не затащив с собой внутрь массу влажного и липкого снега.

Маклин написал: «Мне было очень жаль Уорсли, который лежал ближе всех к выходу, потому что именно ему доставалась вся сырость, которую мы заносили внутрь».

Но Уорсли не сильно от этого страдал. В ту же ночь он записал в своем дневнике: «Удивительно, как быстро человек может измениться во взглядах… и привыкнуть к жизни вне цивилизации».

Шеклтону нравился общий позитивный настрой. «Многие смотрят на происходящее, как на веселое приключение, — писал он. — Тем лучше». И далее отметил: «Эта льдина действительно крепкая. Сегодня будем спать спокойно».

Льдина на самом деле была гигантская: больше полумили в диаметре, десять футов толщиной, покрытая пятью футами снега. По мнению Шеклтона, ей было уже больше двух лет.

На следующее утро, выйдя вместе с Уайлдом и Уорсли исследовать местность для разработки дальнейшего маршрута, Шеклтон еще сильнее задумался о прочности плавучей льдины.

Все заметили, что к западу лед становится довольно бугристым. «Сильное давление, — объявил Шеклтон. — Невозможно идти дальше». Шлюпки и сани не выдержали бы и десяти миль пути по такой поверхности.

На обратной дороге к лагерю Шеклтон принял решение. Вернувшись, он собрал людей и сказал, что за предыдущий день они не прошли даже одной мили, а дальнейший путь будет еще тяжелее. Они сделали все, что было в их силах. И если не найдут лучшего места для лагеря, то останутся тут, пока льды не начнут дрейфовать и их не отнесет ближе к берегу.

Многие выглядели разочарованными, но Шеклтон не дал никому времени на сожаления. Он отправил собачьи упряжки к первому лагерю, который находился почти в двух милях от них, чтобы привезти все, что получится: еду, одежду, оборудование.

Уайлда с шестью помощниками снарядили обратно на корабль, чтобы спасти последнее ценное имущество, насколько это было возможно. Приблизившись к «Эндьюранс», они обнаружили, что за последние два дня лед еще сильнее изуродовал ее скрученный корпус. Носовая часть судна глубже ушла под лед. Настолько, что носовой кубрик оказался под водой и был засыпан ледяным крошевом. Такелаж превратился в груду сломанных мачт и спутанных снастей, которые пришлось срезать для безопасной работы. Они сумели прорубить дыру в крыше камбуза и достать оттуда несколько ящиков с провизией. Но находкой дня стала третья шлюпка, которую пришлось тащить к лагерю сразу на нескольких собачьих упряжках.

Тем вечером Шеклтон попросил Грина положить в рагу из мяса тюленя несколько кусочков жира, чтобы все начинали привыкать к нему. Когда некоторые увидели в своих тарелках плавающие резиноподобные куски со вкусом рыбьего жира, то начали тщательно вынимать их оттуда. Но в основном измученные люди были так голодны, что с удовольствием съели все до последней ложки, вместе с жиром.

Глава 10

Ровно неделя прошла с тех пор, как они высадились на лед. За эти семь коротких дней людям пришлось забыть о спокойной, даже приятной жизни на борту «Эндьюранс» и привыкнуть к новой реальности, состоящей из постоянных неудобств, бесконечной сырости и неизбежного холода. Чуть больше недели назад они спали в своих койках и ели в уютной атмосфере за общим столом. Теперь люди ютились в переполненных палатках, лежа в спальных мешках из оленьих шкур или шерсти на голом льду или в лучшем случае на неудобных жестких досках. Есть приходилось, сидя на снегу, из алюминиевых мисок, в которые сваливали каждому всю еду одновременно. Из приборов у них были ложка, нож и собственные пальцы.

Они потерпели крушение в одном из самых суровых мест на Земле и теперь плыли неизвестно куда без надежды на спасение, существуя до тех пор, пока Бог давал им пищу.

И все же постепенно люди привыкли к новой жизни. Большинство из них были искренне счастливы. Они приспособились, и иногда даже приходилось напоминать самим себе о своем отчаянном положении. Четвертого ноября Маклин писал в дневнике: «Сегодня был прекрасный день, и невозможно представить, что мы действительно находимся в таком пугающе нестабильном и опасном положении».

Подобные взгляды разделяла почти вся команда. Среди них не было героев, по крайней мере не в книжном смысле этого слова. И все же ни в одном дневнике не было ничего, кроме прозаических описаний событий дня.

Единственное, что изменилось в их взглядах на будущее, — это отношение к еде. Уорсли говорил по этому поводу: «Как ни позорно, но все, зачем мы живем и о чем думаем, — это еда. Никогда в жизни я не был так заинтересован в ней, как сейчас. То же самое происходит и с остальными. …Мы рады любой пище, особенно приготовленному жиру, к которому раньше никто из нас даже не притронулся бы. Возможно, пребывание в течение двадцати четырех часов в сутки на открытом воздухе и тот факт, что согреться мы можем только с помощью еды, без огня, и заставляют нас так много о ней думать».

На следующий день, 5 ноября, все встали в шесть утра и почти в полном составе отправились к кораблю. Некоторые пытались самостоятельно спасти оттуда еще что-нибудь. Маклин вернулся за Библией, подаренной ему матерью. Он пролез через дыру в накренившейся палубе и оказался в коридоре, который вел

к его бывшей каюте. Там ему пришлось скрючившись стоять на перилах над водой и льдом. После нескольких попыток он был вынужден остановиться в двенадцати футах от каюты из-за высокого уровня воды. Он видел дверь под темной ледяной водой, но не мог до нее достать.

Гринстриту повезло больше, он сумел пробраться в свою каюту и достать оттуда несколько книг. Хоу и Бэйквелл, чьи каюты находились в передней части и были безнадежно затоплены, отправились искать оставшиеся вещи в других местах. Осторожно пробираясь по коридору, они подошли к двери отсека, который Херли использовал как темную комнату для проявления фотоснимков. Заглянув туда, они увидели футляры, в которых Херли хранил негативы. Засомневавшись всего на одно мгновение, матросы все же протиснулись через полузажатую дверь, вошли в воду, доходившую им до лодыжек, и взяли футляры с полок. Это были настоящие сокровища, которые они тем же вечером торжественно вручили Херли.

В целом вся команда «спасателей» работала с большим энтузиазмом, считая каждую спасенную вещь нужной. И действительно, почти все, что удалось унести с корабля, можно было использовать тем или иным способом: дерево — в качестве топлива для готовки; парусину — для покрытия земли или заплат для палаток; веревки пригодились бы для собачьих упряжек. «Спасателям» удалось целиком снять с корабля и перенести в лагерь рулевую рубку. В дальнейшем ее использовали как передвижной склад. Вместе с ней вытащили доски, паруса и такелаж.

Люди работали до пяти часов вечера, а затем вернулись в лагерь, неся с собой все добытое имущество. Пока они шли, Херли заметил примерно в тысяче ярдов справа от них большого тюленя. У Херли не было с собой ружья, поэтому пришлось взять деревянную палку и с ней идти на зверя. Подойдя достаточно близко, он оглушил животное дубиной, а затем размозжил ему голову киркой. На обратном пути к лагерю таким же способом удалось убить еще двух тюленей.

К сожалению, с корабля получилось вытащить очень мало еды. Большая часть провизии находилась между палубами в том месте, которое когда-то было «Ритцем». Добраться до него можно было только одним способом — пробив палубу, которая кое-где достигала более одного фута в толщину и почти на три фута уходила под воду. Но запасы были необходимы, поэтому на следующий день Макниша назначили главным, и после нескольких часов работы с применением специального оборудования команде удалось прорубить в палубе дыру.

Почти тут же начали всплывать ящики с провизией. Первой добычей оказалась бочка с грецкими орехами. Затем на поверхность удалось вытащить ящик с сахаром и коробку с пищевой содой. К концу дня они спасли и перевезли в лагерь около трех с половиной тонн муки, риса, сахара, ячменя, чечевицы, овощей и варенья. Эта был фантастический трофей, и вся команда торжествовала. В честь события Грин приготовил карри из тюленя. Но уже после первого глотка мало кто смог продолжить праздничную трапезу. Грин на радостях положил туда в три раза больше карри. Маклин писал в дневнике: «Мне пришлось все съесть, потому что я был голоден, но теперь у меня во рту все горит, и горло пересохло от жажды».

Работы по спасению имущества пришлось прекратить днем 6 ноября, когда с юга подступила снежная буря и всем пришлось укрыться в палатках. Это была первая снежная буря, которую они встречали на льду. Палатки тряслись и дребезжали, а людям внутри из-за нехватки места и лютого холода приходилось жаться друг к другу. Единственная ободряющая мысль поддерживала странников: буря несла их на север, к бесконечно далекой цивилизации.

Шеклтон вместе с Уайлдом, Уорсли и Херли подсчитали запасы еды, и выяснили, что у них около четырех тонн припасов, не считая концентрированных пайков, предназначавшихся для трансконтинентального отряда из шести человек и оставленных Шеклтоном на черный день. По их расчетам, этой еды вполне хватало для полноценного питания в течение трех месяцев. И поскольку количество тюленей и пингвинов вокруг лагеря с каждым днем только увеличивалось, было решено следующие два месяца питаться усиленно.

Так они планировали дожить до января — середины антарктического лета. Шеклтон был уверен, что к этому времени станет ясно, как поступить дальше и какая судьба их ждет. Окончательное решение нужно будет принять, пока еще есть время до наступления зимы.

Все зависело от того, куда будет дрейфовать льдина. Движение паковых льдов могло продолжаться на северо-запад и вынести их к Антарктическому полуострову. Или же к Южным Оркнейским островам, на пятьсот с лишним миль севернее. Однако по какой-то причине дрейф паковых льдов мог вообще прекратиться, и тогда они рисковали остаться примерно на том же месте. В конце концов, течение могло сменить направление, и их унесло бы от земли на северо-восток, или, что еще хуже, на восток.

Что бы ни произошло, январь для них должен был стать

точкой невозврата. Если их принесет к земле, к этому времени вокруг должно быть достаточно воды, чтобы спустить шлюпки и доплыть до самого надежного места. Это казалось разумным, по крайней мере в теории. Если лед прекратит движение, то и об этом они узнают к январю. И тогда, чтобы не проводить зиму во льдах, отряд бросит шлюпки, взяв с собой только небольшую плоскодонку, построенную плотником. Они срочно выдвинутся к ближайшей земле, используя плоскодонку для перевозки вещей через открытую воду, которая встретится им на пути. Конечно же, это рискованно, но все же лучше, чем зимовать на льдине.

Третий вариант не предвещал ничего хорошего. Если льды унесет на северо-восток или восток и не удастся спустить шлюпки на воду, придется провести зиму на дрейфующей льдине, пытаясь каким-то образом пережить полярную ночь с ее жестокими холодами и свирепыми бурями. Суждено ли этому случиться, предстояло узнать к январю. И тогда у них останется время, чтобы запастись мясом на будущее. Но все старались даже не думать о таком развитии событий.

Глава 11

Фрэнка Херли неспроста позвали на столь важное обсуждение ситуации с провизией. Он был приглашен не из-за своего антарктического опыта — в экспедиции нашлось бы несколько более знающих людей, например Альф Читэм или Том Крин. Его позвали, потому что Шеклтон не хотел настраивать его против себя. И это красноречиво говорило еще об одной из основных черт характера руководителя экспедиции.

Он был поистине бесстрашным в физическом плане человеком, но патологически боялся потерять контроль над ситуацией. Отчасти это объяснялось его гипертрофированным чувством ответственности. Его мучила вина за то, что экспедиция оказалась в бедственном положении, и он понимал, что должен спасти своих людей. Поэтому был чрезвычайно внимателен ко всем, кто потенциально мог разрушить сплоченность коллектива. Шеклтону казалось, что если среди членов экипажа возникнут какие-то разногласия, то в случае кризиса люди уже не смогут работать слаженно, что сведет борьбу за выживание к полному поражению. Поэтому он был готов на все, чтобы сохранить команду сплоченной и держать ее под своим контролем.

Талантливый фотограф и прекрасный работник, Херли был очень падок на лесть. Его следовало часто хвалить и делать все, чтобы он чувствовал себя важным для команды человеком. Понимая это, Шеклтон, возможно, даже придавал ситуации слишком большое значение. Он думал, что если проигнорировать эту черту Херли, то ему может показаться, будто им пренебрегают. И тогда он начнет транслировать свое недовольство на остальных. Поэтому Шеклтон часто спрашивал мнение Херли по разным вопросам и не забывал положительно оценивать его работу. Он поселил его в своей палатке, что льстило снобизму Херли и во многом лишало возможности замечать потенциальное недовольство других членов команды.

Еще несколько распределений по палаткам были сделаны специально, чтобы избежать конфликтов. Шеклтон жил в палатке номер один вместе со штурманом Хадсоном, физиком Джеймсом и Херли. Никто из них до сих пор не создавал неприятностей, но Шеклтон чувствовал, что они могли стать источником разногласий, если бы проводили с остальными больше времени.

Хадсон оставался верен себе — простоватый и слегка раздражающий всех вокруг. Из-за недостатка проницательности его попытки шутить выглядели скорее глуповатыми, чем смешными. Он уделял много времени внешнему виду, хотя на

самом деле не был уверен в себе. Эта неуверенность делала его довольно эгоистичным, он совершенно не умел слушать других. Мог с легкостью прервать любой разговор, чтобы вставить пару слов о себе, даже если это не имело никакого отношения к теме беседы. Из-за эгоизма ему было трудно понять, когда именно над ним подшучивали, как в том случае, за который он получил свое прозвище, Будда. Как ни странно, ему нравилось, что его разыгрывали, ведь это делало его — пусть ненадолго — центром вселенной. Шеклтону не особо нравился Хадсон, но он предпочитал терпеть его, нежели сталкивать лбами с остальными.

Что касается Джеймса, наверное, ему не стоило вообще отправляться в экспедицию. В прошлом он жил в академическом мире, да и вырос в тепличных условиях. Будучи способным, преданным науке ученым, он оставался неумелым и немного ленивым в житейских вопросах. Часть экспедиции, связанная с риском и привлекавшая большинство других членов команды, была ему неинтересна. По характеру он представлял собой полную противоположность Шеклтону. И ради его же блага Шеклтон решил поселить Джеймса в своей палатке.

Распределение Макниша в палатку номер два под присмотр Уайлда тоже было продуманным ходом. Макниш, корабельный плотник, имел репутацию удивительно талантливого мастера. Никто никогда не видел его с линейкой в руках. Он просто по-быстрому изучал то, что нужно сделать, и тут же начинал отпиливать нужные куски, которые всегда подходили идеально.

Конечно, Макниш был высок и очень силен, но ему уже исполнилось пятьдесят шесть лет — в два раза больше среднего возраста всех остальных членов команды. К тому же его мучил геморрой. Кроме того, он начал тосковать по дому практически с первого дня в море. Никто не понимал, зачем он вообще присоединился к экспедиции. Впрочем, какой бы ни была причина, Макниш вел себя капризно. Имея большой морской опыт, он любил представлять себя кем-то вроде морского юриста, знающего все о правах моряка. Учитывая все это, Шеклтон считал, что за Макнишем следует присматривать, и дал соответствующие инструкции Уайлду.

Но даже старый строгий Макниш был счастлив, когда 5 ноября на юго-востоке началась снежная буря. Хотя из-за этого всем приходилось оставаться в палатках, а условия жизни стали просто ужасными, буря значительно продвигала их льдину на север. «Мы все надеемся, что она продлится еще месяц», — писал Макниш.

Буря продолжалась сорок восемь часов. И когда небо прояснилось, Уорсли подсчитал, что они продвинулись на

шестнадцать миль на северо-запад. Это было очень даже неплохо.

Днем Шеклтон с небольшой группой людей и тремя собачьими упряжками отправился к кораблю, чтобы продолжить операцию по спасению имущества. Но «Эндьюранс» ушла под воду еще на восемнадцать дюймов и теперь находилась почти на одном уровне с поверхностью льда. Сделать что-либо уже было невозможно. Перед тем как уйти, они запустили в небо сигнальную ракету в знак прощания с кораблем.

На следующий день из оставшихся кусков древесины и обшивки корабля начали строить смотровую башню. А Макниш принялся работать над санями для шлюпки из гринхарта[23], защищавшего когда-то корпус «Эндьюранс» от паковых льдов.

Теперь дни стали значительно длиннее ночей. Солнце садилось примерно в девять вечера и снова появлялось уже в три часа ночи. Вечером было вполне достаточно света для чтения или игры в карты. Теперь Хасси стал частенько доставать свое банджо и шел с ним в кухонную палатку, где мог согреть руки у огонька жировой печи и где часто собирались любители хорового пения. Семеро человек из палатки номер пять, в которой главным был Уорсли, организовали ежедневное чтение вслух по вечерам. Кларк стал первым; он выбрал томик, носивший не слишком подходящее моменту название «Из мягкого кресла о науке». Кларк и семеро его слушателей сидели, засунув ноги под гору спальных мешков в центре палатки, и тесно прижимались друг к другу, чтобы сохранить тепло. Когда пришла очередь Гринстрита читать, он выбрал роман в стихах Вальтера Скотта «Мармион». Маклин писал по этому поводу: «Должен признаться, его чтение действует на меня очень усыпляюще».

Оптимизм и хорошее настроение членов команды укрепляла уверенность в том, что их положение временно. Все должно было скоро наладиться: наступало лето. Они считали, что дрейф плавучих льдов, до сих пор очень медленный, скоро должен значительно ускориться. Даже если этого не произойдет, то от летнего тепла лед разойдется, и они смогут пересесть на шлюпки.

Через четыре дня после того, как закончилась снежная буря, 12 ноября, ветер подул на север, и сразу же возникло ощущение прихода лета. Термометр показывал рекордные тридцать пять градусов выше нуля, и несколько человек начали раздеваться по пояс, чтобы искупаться в снегу. Однако тепловая волна значительно ухудшила условия жизни. Днем в палатках становилось душно от жары. Однажды Шеклтон сделал замеры в своей палатке: оказалось, там двадцать восемь градусов! Уорсли клялся, что лично видел, как снег на его глазах превращается в воду. Поверхность льдины все больше начинала напоминать

болото из тающего снега и льда. Ходить по ней теперь стало опасно, потому что лед мог треснуть и человек по колено, или даже по пояс проваливался в ледяной карман, заполненный водой. Труднее всего было тащить тушу тюленя с охоты к лагерю: каюры обычно возвращались промокшие до нитки.

Но были во всем этом и свои плюсы. Скупой баталер Орд-Лис, известный также как Полковник, Старушка, Грабитель Желудков, Человек Действия, и обладатель многих других пренебрежительных прозвищ, 12 ноября решил на время съехать из палатки номер пять. Уорсли в характерной для него саркастической манере описал это в своем дневнике: «Горькие всхлипы и скорбный плач слышны сегодня из палатки номер пять из-за потери всеми горячо любимого Полковника, который съехал, чтобы временно жить на складе в бывшей носовой рубке. Он благородно откликнулся на наши искренние мольбы продолжить обедать вместе с нами и дал слово, что вернется в наш скромный, но счастливый дом, как только нужно будет отправляться в путь».

Из всех членов команды Орд-Лис, бесспорно, был самым странным. И наверное, самым сильным. До экспедиции он служил директором по физической подготовке в корпусе Королевской морской пехоты Его Величества и мог запросто побороть любого из остальных двадцати семи участников экспедиции. Но все же, несмотря на насмешки товарищей по плаванию, Орд-Лис никогда не пускался в драку. Вместо этого он, как правило, отвечал с ноткой сострадания в голосе: «Право, вам не стоит говорить такие вещи». Однако его ни в коем случае нельзя было назвать трусом. Он всегда был готов совершать любые безрассудно храбрые поступки. Во время охоты на тюленей он смело пересекал широкие разводья, перепрыгивая с одной льдины на другую, хотя рядом плавали огромные косатки. Как-то раз, в один из самых темных дней антарктической зимы, пока «Эндьюранс» стояла во льдах, он нашел на корабле велосипед и отправился кататься прямо по паковым льдам. Около двух часов он находился на опасном для жизни морозе, пришлось даже оправлять за ним поисковую группу. Когда Орд-Лиса привели обратно на корабль, Шеклтон приказал ему впредь никогда не покидать корабль без сопровождения и велел Уорсли проследить за этим.

Орд-Лис был странным, по-детски простым и очень ленивым человеком. Исключение для него составляло только катание на лыжах — это занятие он очень любил. Орд-Лис вовсе не стыдился своей лени и не пытался скрыть ее. Даже в самых суровых обстоятельствах, когда другие валились с ног от усталости, он все равно старался увильнуть от своих обязанностей. И наверное,

окружающие выносили этого человека только из-за его незлобивости. Тем не менее он был прекрасным баталером, по крайней мере с их скудными запасами. Страдая от страха умереть от голода, он был болезненно скуп при выдаче припасов. Шеклтон даже несколько раз делал ему выговор за то, что он выдавал слишком мало продуктов.

Орд-Лис постоянно настраивал против себя соседей по палатке. Очень часто, когда подходила его очередь приносить с кухни в палатку горшок с похлебкой, он на что-то отвлекался по дороге. И конечно же, в палатку возвращался с абсолютно холодной едой. Ни мольбы, ни проклятия, ни угрозы не могли исправить ситуацию. К тому же он имел привычку собирать все подряд, и груда хлама, принадлежавшего ему, занимала в палатке намного больше места, чем было положено на одного человека.

С Шеклтоном Орд-Лис вел себя подобострастно, а тот ненавидел подобное обращение. Как почти все члены команды, он не любил Орд-Лиса, и даже однажды сказал ему об этом в лицо. Орд-Лис в свойственной ему манере описал это событие в своем дневнике от третьего лица, как если бы данный разговор происходил у него на глазах.

Несмотря на все неприятные черты характера, он был человеком беззлобным. Почти все члены команды игнорировали его, не обращали на него внимания, считая дураком. Поэтому в моменты, когда Орд-Лис особенно раздражал всех, он бывал очень смешон.

Тринадцатого ноября Шеклтон, внимательно изучавший возможные дальнейшие маршруты, объявил, что у него есть план.

Их льдина дрейфовала по направлению к острову Сноу Хилл, от которого они в тот момент находились примерно в двухстах семидесяти пяти милях к северо-западу. Этот остров располагался возле Антарктического полуострова и, возможно, был соединен с ним паковыми льдами. Если лед разойдется настолько, что они успеют вовремя сесть в шлюпки, то они сумеют туда доплыть. Затем придется пройти около ста пятидесяти миль до западного побережья Антарктического полуострова и выйти к заливу Вильгельмина — месту, где летом часто останавливаются китобои. Как только связь с китобоями будет налажена, они спасены.

Шеклтон решил, что небольшой отряд из четырех человек совершит переход через ледники Антарктического полуострова высотой пять тысяч футов, пока остальные будут ждать спасения на острове Сноу Хилл.

Не было никаких гарантий, что план сработает, но Шеклтон пытался использовать любую возможность. Херли начал

закручивать в подошвы четырех пар ботинок железные винты, чтобы они послужили шипами для тех, кому придется идти по ледникам. Сам Шеклтон принялся внимательно исследовать карту местности, прорабатывая наилучший маршрут. Тем же вечером, словно подтверждая опасность ситуации, по их льдине прокатился звук, похожий на далекий раскат грома. Паковые льды пришли в движение — началась новая волна давления, и на расстоянии трех с половиной тысяч ярдов от них лед снова атаковал корабль. Примерно в девять часов вечера они услышали треск и, вглядевшись в даль, увидели, как рушится фок-мачта, унося с собой в морские глубины синий флаг.

Глава 12

Давление пока еще не разрушило их льдину. Но Шеклтон не хотел, чтобы у команды появилось ложное чувство безопасности, поэтому к 15 ноября разработал специальное положение о чрезвычайной ситуации. И хотя сейчас возможность пешего перехода казалась маловероятной, каждому были поручены особые задания на случай, если придется немедленно выдвигаться. Если нужно будет идти по льду, каюры должны быстро запрячь собак и встать возле своих саней, пока остальные собирают провизию, оборудование и палатки. Если же получится уйти по воде, требовалось оперативно подготовить шлюпки. Все, конечно же, очень надеялись именно на этот вариант развития событий.

Но невозможно было преодолеть всеобщую расслабленность — команда привыкла к устоявшемуся распорядку и ежедневной лагерной рутине. Линия светло-зеленых палаток стала уже настолько родной, каким раньше казался корабль. Две палатки были традиционными, с бамбуковым стержнем по центру. Остальные, «кольцевые», специально разработал Мэрстон для экспедиции. По своим свойствам они напоминали солнцезащитную ширму на детских колясках, их можно было поставить в считаные минуты, но они хуже защищали от бурь, чем традиционные.

Каждый день в лагере начинался в половине седьмого утра, когда ночной дежурный приносил из кухни столовую ложку бензина, наливал его в маленькую железную чашку под печью и поджигал. Бензин воспламенял полоски жира, лежавшие на решетке над чашкой. Херли соорудил эту печь из старой нефтяной бочки и чугунного желоба для пепла, спасенных с корабля.

Печь располагалась в центре кухни, напоминавшей самодельное сооружение для защиты от ветра; ее сколотили из деревянных брусьев, вбитых в лед, на которые натянули куски парусины. Кроме того, она выполняла функции библиотеки. Здесь в фанерных ящиках хранились те немногие книги, которые удалось спасти с «Эндьюранс». На одном столбе этого причудливого помещения висел хронометр, на другом — зеркало.

Как только печь зажигали, ночной дежурный будил Грина, чтобы тот начинал готовить завтрак. К семи часам из палаток начинали вылезать остальные и первым делом направлялись к ближайшим торосам, чтобы облегчиться. Многие брали с собой порядком измочаленные зубные щетки и на обратном пути

чистили снегом зубы. Тех сонь, которые не вставали к семи сорока пяти, будил ночной дежурный, ходивший вдоль палаток и возвещавший строгим голосом: «Койки вязать и убирать!» Тогда они выползали из своих спальных мешков и ждали завтрака, на который получали или стейк из тюленя, или консервированную рыбу, или пеммикан[24] с чаем.

После завтрака все приступали к своим обычным делам, а Грин проводил оставшиеся утренние часы за изготовлением «лепешек». Они представляли собой куски жареной муки, зачастую смешанной с собачьим пеммиканом, чечевицей или чем-нибудь, что придавало им какой-то вкус. А вокруг было предостаточно льда, чтобы растопить его и превратить в воду.

Старый Чиппи Макниш проводил дни в компании Маклеода, Хоу и Бэйквелла, надстраивая борта шлюпок, чтобы сделать их более приспособленными к морскому путешествию. Но работу тормозила нехватка инструментов и материалов. Были только пила, молоток, долото и тесло. А гвозди Макниш вытащил из надпалубных сооружений тонувшей «Эндьюранс».

Херли тоже активно занимался подготовкой к плаванию. Он был не только прекрасным фотографом, но и умелым жестянщиком, и сейчас работал над улучшением конструкции простой водяной помпы для шлюпки с помощью одной напоминавшей трубу детали нактоуза, в котором когда-то хранился судовой компас.

Остальная часть команды охотилась. Многие ходили парами в поисках тюленей, пока каюры тренировали собак, устраивая небольшие заезды на льдине. Часто во время заездов каюры видели, как та или иная группа охотников махала им флажком. Это означало, что они заметили тюленя. Тогда одна из упряжек выдвигалась в их сторону, чтобы забрать тушу.

Сама охота проходила, как правило, кроваво. Уайлд принес с корабля револьвер, двенадцатикалиберное ружье и тридцатитрехкалиберную винтовку, но количество патронов было ограничено. Поэтому тюленей старались убивать иным способом. Люди осторожно приближались к животному, затем оглушали его ударом лыжи или сломанного весла по носу и перерезали яремную вену, чтобы оно умерло от потери крови. Иногда кровь собирали в какую-нибудь емкость, чтобы дать собакам, но чаще всего она просто стекала на снег. Существовал и другой способ: голову тюленя просто разбивали киркой. Но оба врача не одобряли этого, потому что в итоге мозг становился несъедобным, а он был очень ценным, так как в нем содержалось большое количество витаминов.

Поначалу некоторые, особенно маленький Льюис Рикинсон,

брезгливо относились к такому хладнокровному способу охоты. Но это продолжалось недолго. Желание выжить очень быстро развеяло всяческие сомнения по поводу допустимости тех или иных способов добычи еды.

После обеда, который, как правило, состоял из одной-двух лепешек с вареньем и чаем, все отправлялись укреплять собачью упряжь, доставать оборудование или помогать с шлюпками. В пять часов вечера кормили собак, и эта процедура всегда сопровождалась оглушительным лаем, а в половине шестого садились ужинать. На ужин обычно была тюленья похлебка, лепешка и кружка горячего какао на воде.

По вечерам в палатках все занимались самыми разными делами. К примеру, в палатке Уорсли читали вслух. Четверо обитателей палатки Шеклтона азартно играли в покер и бридж, раскладывали пасьянс. Матросы и кочегары из палатки номер четыре тоже играли в карты или рассказывали друг другу байки. О сексе разговаривали редко, но отнюдь не из-за поствикторианской чопорности, а потому что эта тема совершенно не соответствовала условиям постоянного холода, сырости и голода, о которых невозможно было забыть ни на секунду. Так что о женщинах всегда вспоминали с ностальгией и сентиментальностью — говорили о стремлении поскорее увидеться с женой, матерью или возлюбленной.

Свет официально выключали в половине девятого, что, конечно же, было лишь фигурой речи, так как солнце ежедневно светило почти по шестнадцать часов. Многие ложились спать пораньше, снимая свои штаны и свитера и по мере возможности надевая сухие носки. Никто никогда не снимал нижнее белье. Некоторые не могли ложиться и засыпать в строго установленное время, а потому старались говорить как можно тише — в морозном воздухе все звуки слышны особенно отчетливо.

К десяти часам вечера в лагере стояла полная тишина, только одинокий ночной дежурный ходил вокруг палаток, поглядывая на хронометр в кухне в ожидании конца своего дежурства.

Прошло три недели с тех пор, как они покинули «Эндьюранс». За это время самые сильные изменения произошли во внешнем облике членов команды. Некоторые всегда носили бороды и сейчас выглядели просто чуть более заросшими, чем обычно. Но лица тех, кто прежде всегда был гладко выбрит, теперь украшали захудалые полудюймовые усики.

Люди стали очень грязными из-за дыма от коптящего жира. Все было пропитано им: одежда, лица, вещи. Он мгновенно приставал ко всему и не поддавался очистке снегом, а мыла было очень мало.

Мнения о чистоте разделились — в лагере даже образовались две «школы». Хотя полностью вымыться было невозможно, многие оттирали лицо снегом каждый раз, когда позволяла погода. Другие же считали, что грязь защищает кожу от обморожения.

Лагерь разделился на хранителей и нехранителей и в вопросах еды. Уорсли возглавлял «партию» нехранителей, которые тут же съедали все, что могли, как только появлялась возможность. Орд-Лис со своим маниакальным страхом голодной смерти возглавлял «партию» бережливого хранения. Он редко съедал все, что ему было положено, пряча кусочек сыра или лепешки в карман, чтобы съесть позже, а то и оставить на черный день, в наступлении которого он не сомневался. Он частенько доставал из кармана кусок чего-нибудь, что выдавали неделю, две или даже три назад.

Впрочем, в то время еды было достаточно. Животные любезно приносили себя в жертву лагерю. Днем 18 ноября маленький грустный тюленененок, примерно месяца от роду, забрел в палаточный лагерь. Скорее всего, его мама стала жертвой косатки. Тюленененок был крошечный, в нем было совсем мало мяса, но его убили — пусть и с большой неохотой, — потому что он все равно не выжил бы на морозе один. На следующий день собаки подняли оглушительный лай, оповещая людей о появлении в лагере еще одного тюленя, на этот раз большого, крабоядного. После ряда подобных случаев Уорсли решил, что тюлени, завидя лагерь, принимали его за землю или лежбище, поэтому шли сюда.

Утром 21 ноября несколько человек снова пошли к кораблю. Они заметили, что льдины, пробившие его борта, пришли в движение. Вернувшись в лагерь, они начали снимать с собак упряжь и кормить их. В это время на дежурство вышел Шеклтон и остановился недалеко от упряжки Херли. На часах было без десяти пять. Вдруг краем глаза Шеклтон заметил, что корабль начал двигаться. Он быстро повернулся и увидел, как судно скрывается под ледяной глыбой.

«Он тонет, парни!» — закричал Шеклтон и бросился к импровизированной смотровой башне. Все мгновенно выбежали из палаток и начали толкаться, пытаясь получше разглядеть происходящее. Смотрели в полной тишине. Там вдалеке корма «Эндьюранс» поднялась на двадцать футов вверх и на миг замерла, устремив прямо в небо свой мертвый гребной винт и сломанный руль. Затем она медленно и тихо исчезла во льдах, оставив после себя лишь небольшой участок черной воды. Буквально через шестьдесят секунд и его не осталось: лед снова затянулся. Все произошло за каких-то десять минут.

Той ночью Шеклтон просто написал в своем дневнике, что «Эндьюранс» утонула, добавив: «Я не могу писать об этом».

Вот они и остались одни. Теперь со всех сторон не было ничего, кроме бескрайних льдов. Они находились на 68°38′ южной широты 52°28′ западной долготы — в том месте, где не бывал до них ни один человек и вряд ли захотел бы оказаться.

Глава 13

Окончательная потеря «Эндьюранс» стала для всех шоком, потому что корабль казался последней связующей ниточкой с цивилизацией. И теперь его смерть была окончательна и бесповоротна. Корабль был символом — материальным, физическим — их связи с внешним миром. Он пронес их под своими парусами через половину земного шара, или, как выразился Уорсли: «…смог пронести нас так далеко и так легко, а затем доблестно сражался, как не сражался ни один корабль, пока наконец не сдался под натиском безжалостных льдов». Больше его не было.

Все отреагировали на это событие очень сентиментально, как на смерть старого друга, который долгое время находился на краю могилы. Они уже несколько недель были готовы к его окончательной гибели. Покидая судно двадцать пять дней назад, все предполагали, что оно может утонуть в любой момент. И было удивительно, как долго корабль продержался на поверхности.

На следующее утро Уорсли сообщил обнадеживающую новость: несмотря на то что последние четыре дня дул северный ветер, их не отнесло назад. Лед, по всей вероятности, сдерживало южное течение. Тем временем Хасси обнаружил тревожные изменения в состоянии льдов: они больше не расходились под влиянием северных ветров. Кроме того, если раньше, проходившие через открытое море, эти ветра были относительно теплыми, то теперь они стали почти такими же холодными, как ветра с полюса. Из этого напрашивался лишь один вывод: севернее был только паковый лед, а не открытая вода.

И все же все смотрели на ситуацию с удивительным оптимизмом. Макниш почти закончил увеличивать борта шлюпок, и результат его работы всех изумил. Оказалось, недостаток инструментов и материалов ему совсем не помеха. Он использовал любые подручные средства, например хлопковый фитиль для лампы и масляные краски Мэрстона.

В первый вечер после окончательной гибели «Эндьюранс» Шеклтон устроил особый ужин — рыбная паста и печенье. Все было очень вкусно.

«На самом деле у такой жизни даже есть преимущества, — писал Маклин. — Когда-то я где-то читал, что человеку для счастья нужны лишь полный желудок и тепло, теперь я начинаю понимать это. Никаких тревог, поездов, писем, ожидающих ответа, воротничков, которые нужно носить. Кто бы из нас не хотел, чтобы все это изменилось!»

В таком же хорошем настроении Маклин на следующий день отправился с Гринстритом охотиться на тюленей. Вдруг им в голову пришла мысль немного покататься по открытой воде. Они знали, что Шеклтон, не выносивший неоправданного риска, придет в ярость, если застанет их за подобным занятием. Поэтому они благоразумно удалились на некоторое расстояние, пройдя несколько участков ледяных торосов. Они нашли небольшую прочную льдину и забрались на нее, отталкиваясь лыжными палками.

Наслаждаясь катанием, они внезапно увидели Шеклтона, проезжавшего неподалеку в санях Уайлда. В это мгновение Шеклтон как раз посмотрел в их сторону.

Гринстрит писал: «Мы оба почувствовали себя провинившимися школьниками, которых поймали на воровстве в саду; тут же подгребли к берегу, вылезли и снова приступили к охоте, встретившись с ним уже в лагере. Но вместо длинной речи, которой мы ждали, он наградил нас лишь ужасающим взглядом и вернулся к своим делам».

Все знали, что Шеклтон ненавидел испытывать судьбу. За это он даже получил прозвище Осторожный Парень. Но никто никогда не называл его так в лицо. Все обращались к нему просто: Босс, — и матросы, и офицеры, и ученые. Это было скорее титулом, чем прозвищем. В этом слове звучала нотка фамильярности, но все же оно обозначало абсолютный авторитет, что очень соответствовало мировоззрению и поведению Шеклтона. Он хотел быть «своим» и работал над этим, настаивая, чтобы к нему относились так же, как ко всем остальным, чтобы он получал такое же количество еды и одежды. Он старался демонстрировать свое желание участвовать в повседневных делах, например носить общий горшок с едой из кухни к палатке. Он даже не раз сердился, когда повар относился к нему иначе, чем к остальным, и давал лучшие порции только потому, что он Босс.

Но это было неизбежно. Ведь он — Босс. Всегда между ним и остальной командой оставалась некоторая отчужденность, барьер, разделявший их. И с этим ничего нельзя было поделать. Просто при всей своей ответственности он не мог даже на мгновение поставить себя на их место. Другие умели расслабляться, отдыхать и просто жить нынешним моментом — Шеклтон не мог отдохнуть и расслабиться. Вся ответственность за экспедицию полностью лежала на нем, и это нельзя было не почувствовать, даже просто находясь рядом с ним.

Отчужденность Шеклтона была скорее моральной. Он всегда старался участвовать во всех делах команды, и одним из первых пришел в палатку номер пять, как только прошел слух, что там

найдена новая колода игральных карт. Он тогда несколько часов вместе с Макелроем просидел там, обучая всех играть в бридж.

Двум учителям было не найти более увлеченных учеников. За сорок восемь часов популярность игры достигла масштабов эпидемии. Двадцать восьмого числа Гринстрит писал: «…из каждой палатки слышно: “одна трефа, две черви, две бескозырные, еще две бескозырные”». Те, кто не играл, чувствовали себя чуть ли не изгоями. Однажды Рикинсона и Маклина выгнали из их же собственной палатки, потому что туда пришла целая толпа игроков и наблюдателей.

В то же время все было готово к «путешествию на запад». Макниш закончил со шлюпками, оставалось только дать им названия, чем и занялся Шеклтон. Он решил, что должен оказать честь главным меценатам и покровителям экспедиции. Поэтому главный вельбот окрестили «Джеймсом Кэйрдом»; вторую шлюпку — «Дадли Докером», а третью — «Стенкомбом Уиллсом». Художник Джордж Мэрстон остатками своих красок принялся красиво выводить на каждой шлюпке ее название.

Шеклтон также принял предложение Уорсли назвать льдину, на которой они обосновались, Океанским лагерем. Затем настал черед распределять членов команды по шлюпкам. Сам он вместе со своим помощником Фрэнком Уайлдом возглавил «Джеймса Кэйрда». Уорсли стал капитаном «Дадли Докера», получив в помощники Гринстрита, а Будда Хадсон — главным на «Стенкомбе Уиллсе», обзаведясь помощником Томом Крином.

Ноябрь подходил к концу. Люди жили на льдине всего месяц. И несмотря на все неудобства, эти несколько недель примитивной жизни почему-то особенно обогатили их. У всех появилась несокрушимая уверенность в себе, о которой раньше они даже не могли мечтать. Менялось даже их мировоззрение. После того как однажды Маклин четыре часа пришивал большую заплатку к своим единственным штанам, он записал в дневнике: «Каким же я был неблагодарным, когда такую работу дома за меня выполняли другие». Гринстрит чувствовал нечто подобное, когда несколько дней подготавливал и шлифовал кусок тюленьей кожи, чтобы поменять подметки своих ботинок. В какой-то момент он прервал работу прямо на половине, чтобы записать: «Один из лучших дней, который у нас был… счастье быть живым».

В некоторой степени они лучше узнали себя. В одиноком мире льда и пустоты люди смогли достичь определенной степени удовлетворенности. Тяжелые условия жизни испытывали их, но они со всем справлялись.

Естественно, они думали о доме, но не сильно страдали из-за невозможности вернуться в цивилизацию. Уорсли писал:

«Просыпаясь утром, я чувствую тоску по запаху влажной травы и цветов весенним утром в Новой Зеландии или Англии. И еще совсем немногого хочется из обычной жизни: хорошего хлеба с маслом, мюнхенского пива, коромандельских устриц, яблочного пирога и девонширских сливок, но это скорее приятные воспоминания, чем желания».

Вся команда была занята устройством своей жизни здесь и сейчас. Однако к концу ноября осталось не так много дел. Шлюпки были готовы к отплытию. Уже провели пробные заплывы, и вполне удачно. Все припасы для поездки распаковали и распределили. Карты местности тщательно изучили и составили приблизительные прогнозы ветров и течений. Херли закончил конструировать помпу и приступил к созданию маленькой дорожной печи, которую предполагалось топить жиром.

Они выполнили свою часть сделки. Теперь дело оставалось лишь за тем, чтобы льды расступились.

Но льды не спешили. Время шло — день за днем, а они оставались такими же, как раньше. Их движение тоже не внушало оптимизма. Постоянно дули ветра с юга, но они никогда не были достаточно сильными, и лед продолжал дрейфовать на север с той же черепашьей скоростью — две мили в день.

Зачастую лед подводил людей даже с пространством для тренировок собак. Бывало, он слегка расходился, превращая их льдину в остров, окруженный со всех сторон двадцатью футами открытой воды. В таких случаях не оставалось ничего другого, кроме как пустить собак бегать по периметру. Уорсли писал: «Люди и собаки тренируются вокруг плавучей льдины. Вся дистанция составляет примерно полмили, но после одного круга маршрут кажется невыносимо монотонным как для собак, так и для нас».

Время действительно стало тянуться медленнее. Каждый новый день очень напоминал предыдущий. И хотя все старались смотреть на ситуацию с позитивной стороны, было тяжело бороться с растущим чувством разочарования.

Первого декабря Маклин писал: «Мы прошли один градус [широты — около шестидесяти миль] меньше чем за месяц. Это не так хорошо, как могло бы быть, но потихоньку движемся на север, что обнадеживает».

А 7 декабря Маклин сделал такую запись: «Мы чуть-чуть сдвинулись назад, но, думаю, это к лучшему, поскольку дает шанс льдам между нами и землей отплыть и дать нам дорогу».

Покинув «Эндьюранс», они прошли восемьдесят миль по прямой почти точно на север. Но само движение шло по траектории, напоминавшей арку, которая сейчас заворачивала на

восток, прочь от земли. Этого было мало для серьезного беспокойства, но вполне достаточно, чтобы его подогревать.

Шеклтон страдал от сильных приступов ишиаса, из-за чего почти все время проводил в палатке, более или менее отрезанный от всего, что происходило вокруг. Но к середине месяца его состояние улучшилось, и он смог почувствовать растущее беспокойство своих людей. Ситуация не нормализовалась и к 17 декабря. После того как они пересекли шестьдесят седьмую параллель, ветер подул на северо-восток. На следующий день выяснилось, что они снова пересекли эту же параллель, но уже в обратном направлении.

Напряжение и беспокойство внутри команды заметно возросло, вечером говорили очень мало. Многие отправились спать сразу же после ужина.

В своем дневнике Макниш дал волю накопившемуся чувству разочарования, трансформировав его в недовольство соседями по палатке: «Может показаться, что я нахожусь на улице Рэтклифф [в XIX веке улица красных фонарей в портовом районе Лондона] или в каком-то притоне, судя по языку, на котором здесь говорят. Я плавал со многими, как под парусами, так и на пару, но никогда не встречал таких людей, как в нашем отряде: для прозвищ они используют самые грязные слова, и, хуже всего, это поощряется».

Шеклтон был обеспокоен. Никакие враги, будь то холод, лед или море, его не пугали. Больше всего он боялся деморализации. И 19 декабря он написал: «Думаю, стоит выдвигаться на запад».

Мысль о том, что пора что-нибудь предпринимать, вертелась в его голове и на следующий день. Он принял решение — и буквально сразу же огласил свой план. Шеклтон объявил, что следующим утром вместе с упряжками Уайлда, Херли и Крина пойдет на запад исследовать местность.

Реакция была незамедлительной. Гринстрит писал: «Босс считает, что пора выдвигаться на запад, потому что само по себе течение нас туда не относит. А это значит, что мы пойдем налегке, взяв с собой в лучшем случае две шлюпки, и оставим много провизии. Я думаю, что дорога будет ужасной. Сейчас самая спокойная ситуация с тех пор, как мы покинули корабль, и, по-моему, такой вариант стоит рассматривать только в случае крайней необходимости. Искренне надеюсь, что мы не решимся на подобный шаг. Сегодня в нашей палатке много спорили об этом…»

Так оно и было. Уорсли посещали те же мысли: «Я считаю, что лучше всего остаться здесь до тех пор, пока нас не начнет сильно уносить на восток… Немного подождав, мы получим

несколько преимуществ: проведем часть пути на льдине, не прилагая особых усилий, и, возможно, сохраним все три шлюпки, а за это время лед может разойтись».

Но многие придерживались позиции Шеклтона. Маклин выразился предельно ясно: «…лично я думаю, что мы должны продвинуться на запад так далеко, как только сможем. Мы знаем, что в двухстах милях к западу есть земля, а значит, край льдины должен быть где-то в ста пятидесяти — ста восьмидесяти милях в ту сторону… С той скоростью, с которой мы движемся сейчас, мы пересечем параллель острова Паулет лишь к концу марта и даже после этого не можем быть уверены, что удастся пройти весь путь. Поэтому я считаю, что нужно идти так упорно и так далеко на запад, как только возможно. Течением нас отнесет на север, и в итоге мы будем двигаться на северо-запад, как раз туда, куда нам нужно… Как бы то ни было, посмотрим, что будет завтра».

Глава 14

В девять утра отряд из четырех человек отправился на разведывательную операцию, а к трем часам дня уже вернулся, пройдя в общей сложности шесть миль. В пять часов вечера Шеклтон собрал всех и объявил: «…мы сможем пройти на запад». Он сказал, что нужно выдвигаться примерно через тридцать шесть часов, ночью 23 декабря. Идти они будут в основном по ночам, в то время суток, когда температура ниже и поверхность льда тверже.

И так как рождественскую ночь они проведут в пути, то отметить праздник нужно будет до отправления. Поэтому всем можно есть на ужин все, что они захотят на следующий день. В любом случае придется бросить бо́льшую часть еды.

Последнее объявление расположило к Шеклтону последних противников его плана. Рождественское «пиршество» началось тут же и продолжалось почти весь следующий день. «Каждый ел столько, сколько мог, до тех пор, пока больше еда уже не влезала», — отмечал Гринстрит.

Следующей ночью всех разбудили в половине четвертого, и уже через час они выдвинулись в путь. Сначала все тащили сани с «Джеймсом Кэйрдом». Им удалось без проблем провести шлюпку по открытой воде, окружавшей плавучую льдину. Ее толкали вперед, пока не добрались до стены, образованной высокими ледяными торосами, затем половина команды принялась пробивать препятствие, а остальные вернулись назад за «Дадли Докером». «Стенкомба Уиллса» было решено оставить.

К семи утра шлюпки удалось протащить на запад больше чем на милю, и команда вернулась обратно в лагерь, чтобы позавтракать. В девять часов запрягли собачьи упряжки и начали перетаскивать все припасы, вещи и оборудование, которые могли уместиться в санях. К часу дня уже разбили новый лагерь, и уставшие люди легли спать.

Было ужасно мокро. Импровизированные напольные покрытия пришлось оставить в Океанском лагере. Взяли только несколько кусков парусины с «Эндьюранс», которые почти не защищали от сырости. Спустя какое-то время Маклин и Уорсли, устав от сна в мокрых палатках, решили перетащить свои спальные мешки на дно «Дадли Докера». Спать там было очень неудобно, но хотя бы относительно сухо.

В семь часов вечера Шеклтон позвал к себе Уорсли и передал ему закупоренную банку из-под рассола с запиской, приказав вернуться к Океанскому лагерю на упряжке Гринстрита и

оставить ее там.

В записке сообщалось, что «Эндьюранс» разбилась и была покинута экипажем на 69°5′ южной широты, 51°35′ западной долготы и что члены Имперской трансантарктической экспедиции находились к моменту написания записки на 67°9′ южной широты, 52°25′ западной долготы и продолжали идти дальше по льдам в надежде достичь земли. В конце сообщения были слова: «Все в порядке», стояла дата 23 декабря 1915 года и лаконичная подпись: «Эрнест Шеклтон». Уорсли вернулся к Океанскому лагерю и положил банку с запиской у кормы «Стенкомба Уиллса».

Записка предназначалась тем, кто в будущем, возможно, придет к этому месту; в ней объяснялось, что произошло с Шеклтоном и его людьми в 1915 году. Шеклтон специально решил не оставлять ее в присутствии команды, когда они уходили из лагеря, опасаясь, что некоторые воспримут это как знак неуверенности лидера относительно их шансов выжить.

Уорсли вернулся в лагерь к завтраку, а в восемь часов вечера отряд снова продолжил путь. Но уже в одиннадцать, когда они прошли почти полторы мили, дорогу преградили большие трещины и куски расколовшихся плавучих льдин. К полуночи поставили палатки и легли спать. Почти все промокли до нитки из-за воды, в которой приходилось лежать, и собственного пота. Ни у кого не было с собой сменных вещей, кроме носков и рукавиц, поэтому пришлось забираться в спальные мешки прямо в насквозь промокшей одежде.

Следующим утром Шеклтон в сопровождении трех человек отправился исследовать дальнейший маршрут, но они так и не смогли найти безопасный путь для шлюпок. Целый день прошел в мрачном ожидании — никто не знал, как поведет себя лед. После ужина заметили, что льды начали закрываться, но снова двинуться в путь отряд смог только в три часа ночи.

В бледном полусвете посреди бескрайней ледяной пустыни тянулась небольшая цепочка путешественников, возглавляемых Шеклтоном, который выбирал лучший маршрут. За ним двигались семь собачьих упряжек. Они шли на безопасном расстоянии друг от друга, чтобы собаки из разных упряжек не подрались. За ними ехали небольшие сани, груженные кухонной утварью и маленькой печью, которая растапливалась жиром. Здесь ехали Грин и Орд-Лис, лица которых день ото дня все больше чернели и покрывались копотью из-за долгого нахождения у печи. Замыкали шествие семнадцать человек, тащивших под руководством Уорсли шлюпки.

Даже в три часа утра — самое холодное время суток — поверхность льда была предательски непрочной. Влажные

тающие льдины покрывались корочкой, слегка присыпанной снегом. В целом поверхность казалась крепкой, и всякий ступавший на нее думал, что она выдержит вес человека. Но впечатление было обманчивым: стоило перенести весь свой вес на одну ногу, как человек тут же резко и неожиданно проваливался в ледяную воду — иногда по колено, иногда еще глубже.

Большинство членов экспедиции носили обувь от Burberry-Durox — громоздкие ботинки, кожаные до лодыжек, с габардиновым верхом до колена, разработанные специально для перемещения по твердому льду. Но сейчас, когда команде приходилось пробираться по столь коварным льдам, в такую обувь постоянно проникала вода. Промокшие ботинки весили больше семи фунтов каждый. Было ужасно тяжело при каждом шаге вынимать одну ногу за другой из двухфутовых лунок со снежной кашей.

Хуже всего приходилось тем, кто тащил шлюпки. Тяжесть каждого шага дополнялась нелегкой ношей. В таких условиях люди могли пройти без остановки не более двухсот — трехсот ярдов, после чего им требовался отдых. Поэтому они оставляли одну шлюпку и возвращались за второй, пытаясь передохнуть на обратном пути. Нередко они обнаруживали тех, кто тянул вторую шлюпку, застрявшими во льдах. Тогда приходилось присоединяться к ним и по команде Уорсли: «Раз, два, три… тянем!» — делать по три-четыре резких рывка в попытке вытащить товарищей, пока наконец это не удавалось.

В восемь утра, после пяти часов, проведенных в пути, Шеклтон дал сигнал остановиться и сделать привал. За это время было пройдено всего лишь несчастные полмили. После часа отдыха люди снова двинулись в путь и шли до полудня. Затем поставили палатки и получили на ужин лишь холодный стейк из тюленя и чай.

Ровно год назад в ту же ночь у них был праздничный ужин на борту «Эндьюранс», и Гринстрит тогда писал: «Вот закончилось еще одно Рождество. Интересно, как и при каких обстоятельствах мы проведем следующее». Нынешней ночью он даже забыл написать, какой именно сегодня день. А Шеклтон сделал небольшую запись, выражая все, что нужно было сказать: «Странное Рождество. Мысли о доме».

В полночь все уже встали и к часу ночи продолжили путь. Но к пяти утра, после четырех изнурительных часов продвижения им пришлось остановиться перед линией высоких ледяных торосов с участками открытой воды. Пока остальные ждали, Шеклтон с Уайлдом пошли искать проход. В половине девятого утра они вернулись с новостями о том, что примерно через полмили за

участком торосов обнаружили плавучую льдину диаметром около двух с половиной миль, откуда было видно еще несколько относительно ровных льдин в сторону северо-северо-запада. Решили дождаться ночи и только потом выдвигаться в путь.

Почти все измученные люди уснули около полудня и, несмотря на сырость, проспали до десяти вечера, пока их не разбудили. После завтрака выдвинулись по указанному Шеклтоном и Уайлдом маршруту и, дойдя до торосов, начали упорно пробивать в них проход. Требовалось примерно семь или восемь футов, чтобы протащить шлюпки.

Когда это было сделано, каюры запрягли собак, семнадцать человек вместе с Уорсли «впряглись» в шлюпки, и все выдвинулись вслед за Шеклтоном. К половине второго утра они дошли до края большой льдины, обнаруженной днем ранее, где остановились, чтобы выпить чаю и съесть по лепешке. В два часа они уже снова были в пути.

За час дошли до противоположного края льдины, но здесь им преградили путь еще несколько ледяных торосов. Вряд ли можно представить более сложную дорогу, особенно для тех, кому приходилось тянуть шлюпки. За два часа непрерывных мучительных усилий удалось пройти меньше тысячи ярдов.

Вдруг Макниш, бросив все, подошел к Уорсли и заявил, что отказывается идти дальше. Уорсли приказал ему вернуться на свое место позади саней. Макниш воспротивился.

Он сказал, что по закону не обязан выполнять приказы с тех пор, как корабль затонул, потому что все бумаги о службе на борту, которые он подписывал, прекращали свое действие с момента гибели судна, поэтому он мог сам решать, слушаться ему дальнейших указаний или нет. В нем заговорил «морской юрист».

Почти с самого начала путешествия старый плотник с каждым днем становился все более недовольным и раздражительным. Напряжение от работы вкупе с личным дискомфортом постепенно уничтожало в его душе и без того слабые ростки оптимизма. В течение последних двух дней он уже открыто жаловался. А сейчас вообще отказался продолжать путь.

Ситуация выходила из-под контроля — лидерских способностей Уорсли уже недоставало. Будь он менее возбудимым, возможно, справился бы с Макнишем. Но и сам Уорсли находился на грани. Он буквально падал от изнеможения и был очень раздражен. Каждый день в пути лишь укреплял в нем чувство, что все их усилия тщетны.

Поэтому, вместо того чтобы решительно сломить упрямство Макниша, Уорсли импульсивно доложил обо всем Шеклтону. Это

лишь усугубило возмущение Макниша.

Шеклтон поспешил в конец колонны, отвел Макниша в сторону и «очень строго» объяснил, в чем заключались его обязанности. Отстаиваемая Макнишем позиция относительно того, что после гибели корабля он не обязан выполнять приказы, была бы верна при обычных обстоятельствах. Как правило, бумаги, подписываемые командой, автоматически заканчивают свое действие, как только корабль тонет и прекращается оплата. Но в бумагах, подписанных теми, кто находился на борту «Эндьюранс», было специальное уточнение, что они должны «исполнять свои обязанности на борту, в шлюпках и на берегу по указаниям владельца» — то есть Шеклтона. Сейчас же, по определению Шеклтона, они были «на берегу».

Несмотря на юридические нюансы, положение Макниша все равно было абсурдным. Он не мог оставаться членом команды, не разделяя со всеми общие тяготы и заботы. Продолжив бастовать с молчаливого согласия Шеклтона, он умер бы уже через неделю. Восстание Макниша «в единственном числе» было всего лишь безрассудным протестом уставшего, стареющего, больного человека, отчаянно нуждавшегося в отдыхе. Даже после объяснения с Шеклтоном он продолжал упрямиться. Спустя некоторое время Шеклтон ушел, дав плотнику возможность все обдумать и прийти в себя.

В шесть часов утра, когда они собирались в путь в поисках надежной льдины для нового лагеря, Макниш уже стоял на своем месте позади саней с шлюпкой. Но этот инцидент всерьез обеспокоил Шеклтона. На случай, если кто-то еще испытывал подобные сомнения, он перед сном собрал всю команду и зачитал вслух подписанные членами экипажа договоры. В ту ночь все спали до восьми и через час уже снова были в дороге. Несмотря на то что состояние льда ухудшалось, к пяти двадцати следующего утра, сделав лишь одну часовую остановку на похлебку в час ночи, они смогли пройти целых две с половиной мили. Но Шеклтона волновало состояние льда. Поэтому, после того как лагерь был разбит, они вместе с Херли отправились исследовать дальнейший маршрут, забравшись для этого на ближайший айсберг. То, что они оттуда увидели, воплотило в реальность все страхи Шеклтона. Впереди простиралось более двух миль совершенно непроходимых льдов, покрытых расщелинами с водой и обломками развалившихся ледяных торосов. Более того, лед был слишком тонким, очень опасным! Они вернулись в лагерь к семи часам, и Шеклтону пришлось, собрав волю в кулак, объявить, что дальше они продвигаться не могут. Большинство восприняло новость с явным беспокойством.

Не то чтобы они не ожидали этого, просто услышать от самого Шеклтона, что они проиграли, было очень непривычно, неестественно и даже немного пугающе.

Тем не менее никто не ощущал своего поражения так же сильно, как Шеклтон, которому была отвратительна сама мысль о том, что придется сдаться. Тем вечером он со своей специфической пунктуацией записал в дневнике: «Лег, но не смог уснуть. Обдумывал все еще раз и решил отступать на более безопасные льды: это единственный оптимальный путь… Обеспокоен: С такой большой командой и двумя шлюпками мы не сможем ничего сделать: Я не люблю возвращаться, но осторожность того требует: Все работают хорошо, кроме плотника: Никогда не забуду, как он повел себя в это нелегкое, напряженное время».

Возвращаться начали в тот же вечер, в семь часов. Прошли назад примерно четверть мили и поставили лагерь на вполне прочной плавучей льдине. На следующее утро все поднялись рано. Большинство отправилось охотиться на тюленей, в то время как Шеклтон и Херли пошли исследовать маршрут на северо-восток, а Уорсли с командой Макелроя направились на юг. Но никто не нашел безопасного пути.

Шеклтон заметил, что лед вокруг них начинает ломаться. Вернувшись в лагерь, он приказал тут же поднять флаг, чтобы позвать охотников в лагерь. После этого они отошли назад еще на полмили, выбрав для стоянки очень плоскую тяжелую ледяную плиту. Но даже тут им грозила опасность. Следующим утром они обнаружили трещину, заполненную снегом, поэтому пришлось сместить лагерь на сто пятьдесят ярдов к центру плавучей льдины, в поисках относительно надежного льда. Но его нигде не было.

Уорсли так описывал ситуацию: «Кажется, все соседние льдины до самой поверхности пропитались водой настолько, что, если в плавучей льдине толщиной в шесть-семь футов сделать лунку глубиной в какой-то жалкий дюйм, она почти сразу заполняется водой».

Но больше всего их беспокоило, что они вынуждены были оставаться на месте. Гринстрит объяснял: «…кажется, мы не можем никуда продвигаться, а также не можем вернуться в Океанский лагерь, потому что льды значительно разошлись с тех пор, как мы там прошли».

На следующий день, 31 декабря, Макниш написал: «Хогманай[25] [шотландский праздник последнего дня в году] выдался суровым, мы дрейфуем на льдине, вместо того чтобы наслаждаться жизнью, как большинство других людей. Но, как

говорится, должны быть на свете дураки».

Джеймс отметил: «Канун Нового года, уже второго для нас во льдах и примерно на той же широте. Мало кто проводит его более странно…»

Маклин записал: «Последний день 1915 года… завтра начинается 1916-й: интересно, что он нам принесет? Ровно год назад мы считали, что к этому времени уже пересечем континент».

И наконец, Шеклтон сделал такую запись: «Последний день старого года: Пусть новый принесет нам удачу, безопасное окончание этого тревожного времени и все самое хорошее тем, кого мы любим, — пусть даже они от нас так далеко».

Часть III

Глава 15

Уорсли назвал это место Перевалочным лагерем, но такое название не слишком ему подходило, так как означало, что он временный, и скоро снова придется двигаться в путь. Но никто не верил, что это возможно.

После пяти дней изнуряющих усилий оказалось, что все напрасно. Сейчас людям оставалось только размышлять. И на это у них была масса времени.

Многие, казалось, впервые осознали безнадежность своего положения. Точнее, поняли, что абсолютно беспомощны. До ухода из Океанского лагеря Шеклтон упорно взращивал в сознании каждого из них веру в самих себя и успех экспедиции: они поверили, что смогут, если нужно, с помощью силы и решительности преодолеть любые преграды.

Но затем они отправились в путь, который должен был увести их почти на двести миль вперед. Однако после пяти дней и каких-то жалких девяти миль по прямой на северо-запад пришлось полностью остановиться и даже начать отступать. Буря с легкостью могла перенести их на это расстояние всего за двадцать четыре часа. И вот они сидели в «Марк-Тайм», разочарованные и покорно осознающие свою ничтожность в сравнении с теми силами, которым бросили вызов. Результат казался предрешенным, сколько бы усилий они ни прикладывали, какую бы решимость ни демонстрировали. И осознание этого было не столько унизительным, сколько пугающим.

Их конечной целью все еще оставалось спасение, но сейчас это были лишь пустые слова. Они не спасутся. Разве что лед будет милостив к ним и позволит выбраться. Но пока люди бессильны; у них нет никакой цели, никакого объекта, к которому можно было бы стремиться. Впереди — сплошная неуверенность и неопределенность. Их положение сейчас хуже, чем когда-либо. К тому же в старом лагере пришлось оставить большой запас провизии вместе с одной шлюпкой. Льдина, на которой они находились сейчас, была довольно прочной, но разве могла она сравниться с гигантской ледяной плитой, приютившей их Океанский лагерь?

«Для нас наступают тяжелые времена, — писал Маклин в новогоднюю ночь, — ведь сейчас нет никаких признаков того, что льды раскроются, а наши шлюпки пройдут по такой снежной каше, усеянной обломками льда. Если мы не уйдем отсюда в ближайшее время, наше положение станет очень серьезным. Придется рассчитывать на то, чтобы осенью добраться на санях до

острова Паулет, где мы сможем найти еду для собак и хорошую пищу для нас самих. Но что, если склад на Паулете подведет нас? На зиму тюлени исчезнут, и, возможно, нам придется пройти через те же испытания, что и Грили[26]».

Многие искренне старались не падать духом, но безуспешно. Радоваться было нечему. Для образования прочного льда температура была слишком высокой, поэтому в течение дня поверхность льда превращалась в болото. Приходилось пробираться по колено в топкой снежной слякоти, люди то и дело по пояс проваливались в неожиданно образовывающиеся лунки. Одежда постоянно была мокрой. Относительно комфортно становилось лишь ночью, когда они залезали во влажные спальные мешки — неприятно, но терпимо.

Провизия тоже была на исходе. Запасов продовольствия оставалось лишь на пятьдесят дней полноценного питания по два фунта на человека, и времена, когда они считали такое количество еды достаточным, чтобы выбраться изо льдов, остались в далеком прошлом. Они могли бы рассчитывать на удачную охоту, но, к сожалению, тюлени и пингвины здесь почти не попадались, чего путешественники никак не ожидали от этого времени года. Однако 1 января наступивший год вдруг принес долгожданную удачу: удалось убить и перенести в лагерь пять крабоядных тюленей и одного императорского пингвина.

Однажды Орд-Лис, возвращаясь с охоты, пробирался на лыжах по тающему льду и уже почти достиг лагеря, как вдруг прямо перед ним взметнулся столб воды, как от взрыва, и вслед за этим из полыньи поднялась большая шарообразная голова. Орд-Лис в ужасе бросился прочь, крича Уайлду, чтобы тот поскорее нес свое ружье.

Животное, морской леопард, выпрыгнуло из воды и погналось за ним. Его перемещение по зыбкой поверхности льда напоминало движение лошади-качалки. А сам зверь был похож на небольшого динозавра с длинной змеиной шеей.

После шести мощных прыжков морской леопард почти догнал Орд-Лиса, но вдруг по непонятной причине покатился по льду и плюхнулся обратно в воду. К этому времени Орд-Лис почти добрался до противоположного края льдины; он уже был готов перейти на безопасный лед, но вдруг прямо перед ним из воды, как пробка, снова выскочила голова морского леопарда. Животное сквозь лед по тени проследило его путь. Оно сделало резкий прыжок в сторону Орд-Лиса, раскрыв пасть и демонстрируя бедняге огромный ряд пилообразных зубов. Крики Орд-Лиса перешли в отчаянные вопли, он развернулся и помчался прочь от нападавшего монстра.

Животное снова выпрыгнуло из воды как раз в тот момент, когда появился Уайлд со своим ружьем. Морской леопард заметил Уайлда и решил напасть на него. Между тем Уайлд опустился на одно колено и хладнокровно начал стрелять в надвигавшегося зверя. Убить его удалось только тогда, когда он уже был в каких-то тридцати футах от Уайлда.

В лагерь тушу пришлось везти на двух собачьих упряжках. Более двенадцати футов в длину, около тысячи ста фунтов живого веса. Этот вид хищных тюленей походил на леопарда только пятнистой шкурой и поведением. При его разделке в желудке нашли комья шерсти диаметром по два — три дюйма — все, что осталось от съеденных им крабоядных тюленей. Челюстную кость морского леопарда размером почти девять дюймов подарили Орд-Лису как сувенир в память об их встрече.

Тем же вечером Уорсли сделал в своем дневнике такую запись: «Невооруженному человеку без лыж в мягком глубоком снегу не выжить при встрече с этим животным, потому что оно двигается размашистыми скачкообразными движениями со скоростью по меньшей мере пять миль в час. Эти существа нападают без повода, видя в человеке пингвина или тюленя».

Охота продолжилась и на следующий день, несмотря на то что поверхность льда была топкой из-за теплой и сырой погоды. Удалось убить и доставить в лагерь четырех крабоядных тюленей. Пока их разделывали, Орд-Лис на лыжах вернулся к лагерю и доложил, что нашел и убил еще троих. Но Шеклтон заявил, что у них уже есть запас мяса на месяц вперед, и приказал оставить туши там, где они лежали.

Многие не поняли такого решения. Гринстрит писал, что считает данный поступок «довольно глупым… так как предыдущие расчеты вплоть до настоящего времени не оправдывались, и лучше всего было бы готовиться зимовать здесь».

Гринстрит был прав. Как и большинство других, он считал, что запастись как можно большим количеством мяса очень благоразумно, так думал бы и любой другой простой человек. Но Шеклтон не был простым человеком. Он свято верил в свою непобедимость, а поражение воспринимал как признание собственной беспомощности. И то, в чем другие видели разумную предосторожность, Шеклтон считал позорным допущением возможного поражения.

Его упрямая самоуверенность напоминала оптимизм. И у этой черты характера было две стороны: прежде всего, силой убежденности он зажигал пламя в сердцах людей; как сказал Маклин, просто находиться рядом с ним уже было стоящим

опытом. Вот что делало Шеклтона таким прекрасным лидером. При этом поразительный эгоизм, рождавший в нем такую огромную самоуверенность, порой ослеплял его, не позволяя смотреть правде в глаза. Ожидая от других столь же безграничного оптимизма, он даже раздражался, если его не возникало. Шеклтон чувствовал, что подобное отношение провоцировало сомнения в нем как в лидере, способном заботиться об их безопасности.

Несмотря на то что предложение доставить в лагерь еще трех тюленей было абсолютно безобидным, Шеклтон воспринял его как акт неверности. В другое время он наверняка отнесся бы к этому иначе. Но сейчас он стал гиперчувствителен. Почти все, за что он принимался: экспедиция, спасение «Эндьюранс», две попытки перейти в безопасное место, — заканчивалось провалом. В довершение всего жизни двадцати семи человек были в его руках. «Я очень устал, — написал он однажды. — Наверное, это постоянная нагрузка». Затем чуть позже добавил: «Мне очень нужен отдых, чтобы я мог ни о чем не думать».

Следующие несколько дней тоже не дали повода для оптимизма. Погода продолжала портиться, что уже казалось просто невозможным. Днем температура поднималась до тридцати семи градусов, часто шел мокрый снег с дождем; «обычный шотландский туман» — называл такую погоду Уорсли. Люди почти ничего не делали, только сидели в палатках, пытаясь уснуть, играли в карты или просто думали о еде.

Маклин писал: «Появилась чайка-поморник. Она подлетела к нашей помойной яме с внутренностями тюленей и прочими отходами и наелась до отвала — счастливая чайка».

Джеймс в палатке Шеклтона «попытался заняться физикой, вспоминая о своих прошлых теоретических работах», но вскоре ему это наскучило. Обитатели палатки Уайлда занимались перетаскиванием с места на место своих спальных мешков, поскольку от тепла тел снег таял, лишая единственного блага — сухого места для сна. Некоторые даже потеряли интерес к банджо Хасси. Макниш жаловался: «Сейчас Хасси мучает нас своими шестью известными ему мелодиями для банджо».

А 9 января Шеклтон написал: «Я беспокоюсь обо всей своей команде». И на то имелись причины. Почти целый месяц не было ветров сильнее бриза, и даже они дули в основном с севера. За прошедшую неделю удалось добыть лишь двух тюленей. Таким образом, люди почти не двигались с места, а запасы мяса неумолимо заканчивались. Убежденность Шеклтона, что его хватит на целый месяц, оказалась беспочвенной. После десяти дней, проведенных в лагере «Марк-Тайм», начало сказываться

постоянное напряжение. Гринстрит писал: «Монотонность жизни действует нам на нервы. Нечего делать, некуда идти, никаких перемен в окружающем нас мире, никакой еды или вообще чего-либо. Боже, пошли нам поскорее открытую воду, иначе мы сойдем с ума».

Затем, 13 января по лагерю прошел слух о том, что Шеклтон хочет убить собак, чтобы компенсировать недостаток мяса. Люди отреагировали по-разному: одни покорно согласились, другие пришли в шок и ярость. Тем вечером во всех палатках велись жаркие споры о ценности собак и потребности в питании. Основная мысль этих дискуссий заключалась в том, что собаки были чем-то большим, нежели просто тягловая сила или определенное количество фунтов живого веса; сказались глубоко спрятанные эмоции и привязанность. Для людей, заброшенных судьбой в это пустынное место, одной из основных потребностей стала любовь. Несмотря на то что собаки друг с другом бывали грубы и даже злы, никто не сомневался в их преданности и верности людям. И они отвечали им искренней любовью, которая была значительно сильнее чувств, испытываемых суровыми путешественниками в обычных обстоятельствах.

При мысли о потере Граса — щенка, родившегося год назад на «Эндьюранс», — Маклин с болью писал: «Он прекрасный песик, работящий и с добрым нравом. Кроме того, я был с ним с самого его рождения, кормил и тренировал его. Помню, как он маленьким щеночком сидел в моем кармане, откуда торчал только нос, покрытый инеем. Я брал его с собой, когда управлял упряжкой, и с самых первых дней он проявлял большой интерес к тому, чем занимаются другие собаки».

В любых других условиях это были бы просто плохие новости. Но сейчас многие восприняли приказ чуть ли не как катастрофу. Их обида была огромной. Некоторые, например Гринстрит, обвиняли во всем Шеклтона, причем небеспочвенно. Гринстрит писал: «…нынешнее состояние наших припасов стало таким только из-за запрета Босса добыть тюленей, когда это было возможно, а также из-за отказа просто пойти и забрать зверей, убитых Орд-Лисом… Его незыблемый оптимизм на протяжении всего этого времени кажется мне непроходимой глупостью. Он постоянно считает, что ситуация наладится, не обращая внимания на то, что все может пойти совершенно иначе, и вот сейчас мы в тупике».

Следующим утром Шеклтон вообще не упоминал об убийстве собак. Вместо этого он приказал переместить лагерь, потому что их льдина таяла с опасной быстротой. Вся поверхность была покрыта следами сажи от жировой печи и притягивала солнечное

тепло. В полдень начали строить дорогу из ледяных блоков, чтобы перейти по разводью на льдину, находившуюся в ста пятидесяти ярдах к юго-востоку от них. Передвижение закончили днем. Новое место назвали лагерем Терпения.

После этого Шеклтон спокойным ровным голосом приказал Уайлду перестрелять всех своих собак вместе с собаками Макелроя, Мэрстона и Крина.

Не было ни споров, ни протестов. Четверо хозяев покорно запрягли собак и отвели на четверть мили от лагеря. Вернулись в лагерь они уже одни, все, кроме Макелроя, который вместе с Маклином должен был помогать Уайлду.

Каждую собаку по очереди распрягали и отводили за гряду высоких ледяных холмов. Там Уайлд сажал животное на снег, держа намордник в левой руке, и приставлял дуло револьвера к его голове. Смерть была мгновенной.

После этого Маклин и Макелрой оттаскивали собаку на небольшое расстояние, и возвращались к упряжкам за следующим псом. Казалось, никто из собак не понимал, что происходит. Каждая, ничего не подозревая и виляя хвостом, доверчиво шла на смерть. Когда работа была закончена, три человека засыпали гору собачьих тел снегом и медленно вернулись в лагерь.

Шеклтон решил «пока» сохранить годовалых щенков Гринстрита и на день отложил убийство собак Херли и Маклина, чтобы съездить на них в Океанский лагерь за остатками продовольствия.

Запрягли две упряжки, и в половине седьмого вечера Херли с Маклином двинулись в путь. Это была очень утомительная поездка, длившаяся почти десять часов, потому что им в основном приходилось двигаться по глубокому мягкому снегу, смешанному со сломанным льдом. Собаки то и дело проваливались по живот в вязкую кашу.

Как позже писал Маклин: «Идти было настолько тяжело, что они не могли вынести мой собственный вес, и мне пришлось слезть и тащиться за санями. Собаки тоже теряли темп, и когда один из псов падал, вся упряжка останавливалась. Один раз они все просто легли, и поднять их можно было только с помощью ударов и жестокого обращения — больше ничего не действовало. По дороге пришлось киркой и лопатой ломать несколько ледяных гребней. Наконец с измученными до предела собаками в четыре часа утра нам удалось добраться до Океанского лагеря».

Место, где он располагался, было почти полностью затоплено. Чтобы добраться до камбуза, в котором хранились припасы, им пришлось построить мост из досок. С большими трудностями все-таки удалось вытащить продукты и загрузить

доверху две упряжки — в каждую по пятьсот фунтов разных продуктов: консервированных овощей, тапиоки, пеммикана для собак и варенья. Они приготовили себе консервированное рагу, накормили собак, и в половине седьмого утра отправились назад.

Обратный путь проделали значительно легче, потому что ехали по своим же следам. Собаки прекрасно шли, только старый Боцман, главный в упряжке Маклина, был настолько вымотан, что его несколько раз тошнило и он еле держался на ногах. Обе упряжки добрались до лагеря Терпения к часу следующего дня. По словам Маклина, собаки тут же «упали в снег, многие из них были даже не в силах съесть свою еду».

Лежа той ночью в спальном мешке, уставший Маклин нашел в себе силы описать их поездку. В конце дрогнувшей рукой он добавил: «Завтра моих собак застрелят».

Глава 16

В двух палатках от него старый Чиппи Макниш продолжал вести свой дневник. Для него это был просто обескураживающий день: душно, тепло и полный штиль. К тому же плотник чувствовал себя уставшим. С раннего утра он покрывал швы на шлюпках кровью тюленей, чтобы предотвратить растрескивание в тот момент, когда они выйдут на открытую воду. «Нет никакого ветра, — писал он. — Мы все еще надеемся, что юго-западный бриз спасет нас до прихода зимы».

Следующим утром были замечены три тюленя. Маклин вместе с Томом Крином тут же отправились за ними. Когда они вернулись, Шеклтон сказал Маклину, что у них сейчас достаточно мяса, а значит, его собак пока не будут убивать. Но собак Херли вместе с их вожаком Шекспиром, самым большим псом, все-таки застрелили. Как всегда, приказ выполнил Уайлд. Он отвел собак на дальнюю льдину и там убил. Позже Маклин обнаружил, что одна из собак все еще жива. Он тут же достал нож и избавил ее от мучений.

Около трех часов дня поднялся ветер с юго-запада, постепенно стало холодать. В течение ночи температура продолжала падать; на следующий день все еще дул юго-западный ветер. Тем же вечером Шеклтон с опаской записал: «Это может изменить ход дела». Теперь они относились к ветру совсем по-иному. «Все говорят о нем с почтением, — отмечал Херли, — и при этом обязательно стучат по дереву».

Видимо, этот стук все-таки был услышан. На следующий день ветер усилился, с юго-запада пришла настоящая буря, застилающая снегом все вокруг, заставляющая палатки жалобно скрипеть под ее ударами. Все забрались в спальные мешки. Лежать было ужасно неудобно, но лица людей сияли радостью. «Пятьдесят миль в час, — писал Макниш в состоянии полного блаженства. — И мы были бы рады, если бы она [буря] была еще сильней, лишь бы палатки устояли». Буря не стихала, и 19 января Шеклтон, человек неукротимого оптимизма, как можно спокойнее, чтобы каким-то образом не прогневить бурю, сдержанно произнес: «Нам скоро нужно будет выдвигаться на север».

На следующий день, 20 января, буря продолжалась, но некоторые начали терять терпение из-за высокой влажности и снега, проникающего в палатки. «Нам не угодишь, — писал Херли. — Мы всегда ждем, что наступят лучшие времена. Сейчас оборудование в палатках намокает, и нам очень хотелось бы

иметь возможность его высушить».

Но большинство с радостью терпело такие ужасные условия, осознавая, что в это время они значительно продвигаются на север.

«Никто не знает, какое расстояние мы прошли, — писал Шеклтон уже с большей уверенностью, — но сегодня четвертый день, как дует этот ветер, и нет никаких признаков его ослабления, поэтому мы, должно быть, уже значительно продвинулись на север. Только Лис[27] и Уорсли настроены пессимистично, но из-за такого сильного ветра даже Лис выдал сегодня более увесистые, чем обычно, стейки в честь расстояния, которое мы преодолели».

Буря продолжалась и весь следующий день, порывы ветра достигали семидесяти миль в час. Но утром солнце дважды пробивалось сквозь облака. Уорсли подготовил свой секстант, а Джеймс с помощью теодолита собирался измерить азимут солнца. Они сделали замеры, провели расчеты и огласили результаты.

«Прекрасно, восхитительно, замечательно, — писал Шеклтон. — 65˚43′ южной широты. Мы продвинулись на семьдесят три мили на север. Это самое счастливое событие за год: мы должны быть сейчас не более чем в ста семидесяти милях от Паулета. Все с радостью восприняли эти новости. Ветер продолжается. Мы сможем пройти еще около десяти миль. Слава Богу. Мы движемся. В палатках все еще мокро, но это не важно. Съели по лепешке, чтобы отпраздновать пересечение круга». Южный полярный круг теперь оставался почти на целый градус широты позади них.

На следующий день буря поутихла, и выглянуло яркое солнце. Все выбрались из палаток, радуясь жизни. Вытащили весла из лодок, воткнули их в лед, натянули между ними веревки, развесив на них спальные мешки, одеяла, ботинки и тканевые настилы, покрывавшие землю в палатках. «Со стороны могло показаться, что у нас сегодня день стирки», — весело отметил Макниш.

Позже в этот же день Уорсли сделал еще ряд замеров, которые показывали 65˚32 ½' южной широты, 52˚4′ восточной долготы — одиннадцать миль к северу за двадцать четыре часа. В целом с начала бури они прошли восемьдесят четыре мили за шесть дней. Более того, дрейф на восток, от земли, составил всего лишь незначительные пятнадцать миль.

К вечеру ветер переменился и начал дуть на север. Но никто не переживал из-за этого. Именно такой ветер был способен раскрыть льды, чтобы люди могли пересесть в шлюпки. Ветер продолжался и на следующий день, но никаких ощутимых

изменений в плотности льдов не происходило. Люди продолжали ждать.

На следующий день Уорсли поднялся на вершину шестидесятифутового айсберга, находившегося неподалеку от них, на юго-востоке. Вернувшись, он сообщил, что льдину, на которой находился Океанский лагерь, по всей видимости, бурей принесло ближе к ним, и сейчас она находилась примерно в пяти милях от их нынешнего лагеря. С помощью подзорной трубы ему удалось разглядеть старую рулевую рубку, в которой они хранили еду, и их третью шлюпку, «Стенкомб Уиллс». А что насчет открытой воды? Уорсли отрицательно покачал головой. Ничего, кроме небольшого разводья к югу.

Но льды должны были раскрыться. Густой туман, который Макниш назвал «правильным морским туманом», подтверждающим наличие открытых вод неподалеку, пришел 25 января. Шеклтон тоже подумал, что это морской туман. Но льды не раскрывались, и Босс чувствовал, что теряет терпение. После очередных суток беспросветного однообразия, 26 января, он достал свой дневник и написал через всю страницу, отведенную для записей этого дня:

Ждем.
Ждем.
Ждем.

Прошла неделя, и люди начали терять надежду. Во льдах не было заметно почти никаких изменений. Более того, казалось, что льдины стали плотнее, чем раньше. Возможно, ветром их прибило к какой-то неизвестной земле на севере или северо-западе. Решимость и стремление действовать быстро постепенно пропадали, настроение в лагере опять сменилось покорным смирением.

К счастью, теперь работы у них было предостаточно: все занимались охотой на тюленей и их доставкой в лагерь. К 30 января, спустя восемь дней после окончания бури, они успели запастись тушами одиннадцати тюленей. Шеклтон решил послать упряжки Маклина и Гринстрита еще в одну поездку к Океанскому лагерю. Так как сам Гринстрит уже две недели страдал от сильных приступов ревматизма, с его собаками поехал Крин. Обе команды получили инструкции привезти все ценное, что только смогут найти.

На этот раз условия для поездки были существенно лучше, и весь путь занял менее десяти часов. Каюры вернулись с остатками припасов, обнаружив в старом лагере много консервированной сельди, табака и целых шестьдесят фунтов бульонных кубиков.

Кроме того, они привезли достаточное количество книг. Нашлись даже несколько томов энциклопедии «Британника», которым все особенно обрадовались. Даже Макниш, набожный пресвитерианец, порадовался новым книгам, поскольку до этого вынужден был постоянно перечитывать от корки до корки свою Библию.

В течение следующих двух дней Шеклтон внимательно следил за изменениями во льдах и решил, что завтра утром восемнадцать человек под руководством Уайлда отправятся за «Стенкомбом Уиллсом», чтобы доставить его в лагерь. Такую новость все восприняли с большим облегчением. Многие, особенно матросы, сомневались, что вся команда поместится в двух шлюпках.

«Я очень рад, — писал Уорсли. — Если нужно будет пересаживаться в шлюпки, намного безопаснее будет в трех; на двух команда из двадцати восьми человек в любом плавании почти наверняка обречена, выжить практически невозможно».

Команду, которой предстояло тащить шлюпку, разбудили в час ночи, и после плотного завтрака они отправились в путь, взяв с собой пустые сани для шлюпки. В таком составе и без груза идти было довольно легко, поэтому люди пришли на место уже через два часа десять минут. Уорсли назначил Херли поваром, а Джеймса — его «товарищем и главным помешивателем похлебки». Они собрали всю еду, которую смогли найти. В итоге получилась смесь из собачьего пеммикана, жареных бобов, консервированной цветной капусты и свеклы. Все вместе приготовили в пустой таре из-под бензина. По мнению Маклина, получилось «очень хорошо», Джеймс тоже с удовлетворением отметил, что все «удалось на славу».

В половине седьмого утра отправились в обратный путь к лагерю Терпения, и, несмотря на то что с грузом идти было значительно тяжелее, продвигались весьма неплохо. К полудню они уже находились в миле от своей цели. Шеклтон и Хасси вышли встречать их с чайником горячего чая. «Самым долгожданным чаем, который я когда-либо пил», — написал Джеймс. К часу дня «Стенкомб Уиллс» уже был в лагере.

Шеклтон тут же поинтересовался, не сильно ли устал Маклин, чтобы вернуться обратно в Океанский лагерь, на этот раз уже на своих собаках, и привезти еще припасов. Маклин согласился. В три часа дня они вместе с Уорсли и Крином, который взял с собой упряжку щенков, выдвинулись в путь. Менее чем в двух милях от Океанского лагеря они наткнулись на широкую полоску открытой воды. Уорсли отчаянно пытался уговорить товарищей продолжить путь. Он бегал вперед-назад по

краю льдины, показывая возможные маршруты перехода, которые, по словам Маклина, были «совершенно невозможными». «Мне было его жаль, но глупо продолжать движение при таких обстоятельствах», — вспоминал он.

Тем же вечером Уорсли описывал свое разочарование от того, что пришлось возвращаться назад, но добавил: «Я очень рад, что льды оставались плотными, пока мы не перетащили обратно нашу третью шлюпку». Кроме того, он заметил: «Думаю, наши животы устали от постоянной мясной диеты. Конечно, скоро мы к этому привыкнем, но я считаю, что было бы лучше, если бы мы добавляли туда немного жира. Многие страдают от вздутия живота, если мягко выразиться, или попросту от газов». Но команде было не до шуток. Из-за однообразной пищи почти все страдали запорами, что усугубляло и без того не слишком приятный процесс. Обычно, когда человек чувствовал необходимость, он отходил за соседний ледяной хребет, скорее для защиты от непогоды, чем для уединения, и справлял нужду так быстро, насколько мог. С тех пор как они покинули «Эндьюранс», приходилось обходиться без туалетной бумаги, поэтому люди научились использовать то, что всегда было под рукой, — лед. Таким образом, многие сильно ранили себя, и, к сожалению, не было способов помочь им, поскольку все нужные мази, как и большинство других медикаментов, лежали сейчас на дне моря Уэдделла.

В холодную погоду все страдали оттого, что слезились глаза. Слезы стекали вниз по носу и образовывали на его кончике сосульку, которую рано или поздно приходилось отламывать. И как бы аккуратно это ни делалось, вместе с ней отдирался и кусочек кожи, оставляя вместо себя плохо заживающую и очень болезненную ранку.

Путешествие к Океанскому лагерю за «Стенкомбом Уиллсом» изменило настроение многих людей. До этого некоторые еще надеялись, что льды вот-вот раскроются. Но после двенадцати миль пути туда и обратно все убедились, что паковый лед плотный, как никогда. Время, когда они могли мечтать, закончилось. Оставалось только сидеть и ждать.

Дни тянулись за днями, будто в серой монотонной дымке. Температура оставалась высокой, а ветер — слабым. Большинству хотелось скоротать время ожидания во сне, но долго находиться в спальных мешках было невозможно. Любой способ убить время использовали на все сто процентов, и даже больше. Так, 6 февраля Джеймс писал: «Херли и Босс ежедневно играют по шесть игр в покер. Думаю, каждый считает игру своей обязанностью, но это здорово помогает скоротать время. Самое ужасное — когда

его нужно как-то убивать. Это кажется такой пустой тратой, но ничего не поделаешь».

Каждый день походил на предыдущий, поэтому любое необычное явление, каким бы незначительным оно ни было, вызывало огромный интерес.

Восьмого числа Джеймс писал: «Сегодня мы очень скучали по дому из-за запаха горящей веточки, которую нашли [в каких-то старых водорослях]. Любой новый запах, или запах, навевающий воспоминания, действует на нас чудесным образом. Возможно, мы сами уже сильно пахнем, и это остро ощущалось бы другими людьми, ведь прошло целых четыре месяца с тех пор, как мы по-настоящему мылись…»

«Сейчас, — продолжал он, — мы рассматриваем стены наших палаток, наблюдая за тем, какие из них надуваются ветром… Я мечтаю оказаться там, где направление ветра не имеет значения».

«Мы также страдаем от Amenomanid [буквально — ветреное помешательство], — писал он позже. — Эта болезнь может протекать в двух формах: либо человек начинает проявлять болезненную озабоченность направлением ветра и постоянно об этом говорит, либо сходит с ума оттого, что слушает других, больных Amenomanid. При второй форме человек все больше слушает. У меня обе формы».

Единственной темой, помимо ветра, на которую они могли говорить бесконечно, — была еда. В начале февраля они провели почти две недели без охоты — ни одного тюленя за все время. И, несмотря на то что запасы мяса пока имелись, жир для готовки уже заканчивался. Его хватило бы дней на десять, не больше. Девятого февраля Шеклтон писал: «Нет тюленей. Надо снизить потребление жира… поскорей бы почувствовать землю под ногами».

На следующий день несколько человек принялись раскапывать яму с отходами в поисках любого оставшегося на костях жира. Они разрезали все тюленьи плавники и выскоблили отрубленные головы в поисках любого жира, который могли найти. Но это была капля в море, поэтому Шеклтон сократил рацион до одного горячего блюда в день — порции сухого молока, разведенного в кипятке, которое они должны были получать на завтрак. На следующий день съели последний кусок сыра. Каждому достался кубик размером в один дюйм. Макниш комментировал ситуацию просто: «Сегодня днем я курил до тошноты, пытаясь заглушить голод».

Все ждали дня рождения Шеклтона — 15 февраля, потому что им обещали хорошую еду. «Но из-за нехватки мы ее не получим, — писал Маклин. — Наверняка дадут по лепешке,

сделанной из муки и собачьего пеммикана, но даже этого мы очень ждем».

Но вдруг утром 17 февраля, когда ситуация с дефицитом жира стала просто катастрофической, кто-то заметил стаю маленьких пингвинов Адели. Их было около двадцати, они грелись на солнце недалеко от лагеря. Несколько человек, мгновенно схватив все, что попалось под руку: рукоятки топоров, кирки, сломанные ручки весел, — почти на четвереньках поползли к пингвинам. Они незаметно окружили птиц, отрезая им путь к воде. Затем по сигналу одновременно яростно бросились вперед, на кричащих и мечущихся пингвинов. В результате их добычей стали семнадцать птиц. Тем же утром заметили еще несколько стай пингвинов, и часть команды отправилась на охоту. До того как днем все окутал густой туман, у них было уже шестьдесят девять птичьих тушек. Позже, сидя в палатках, окруженные туманом, охотники слышали со всех сторон пронзительные крики оставшихся в живых пингвинов. Уорсли писал: «Когда погода прояснится, у нас, возможно, будет сотня».

Несмотря на долгожданное пополнение кладовой, ужин в тот вечер был весьма скромным и состоял, по словам Макниша, из «тушеных пингвиньих сердец, печени, глаз, языков, лап и Бог знает чего еще с чашкой воды», чтобы запить все это. «Не думаю, что кто-либо из нас будет страдать от обжорства».

После ужина они заметили, что на северо-востоке начинается буря, которая вскоре принесла с собой обильный снегопад. Буря продолжалась весь следующий день, из-за чего все были вынуждены оставаться в палатках. Тем не менее карканье пингвинов Адели не прекращалось. Наконец, 20 февраля, погода прояснилась. Как только рассвело, все выбрались из палаток и с изумлением увидели, что находятся чуть ли не в центре огромной колонии пингвинов. Куда ни посмотри — на всех соседних льдинах деловито сновали тысячи птиц. Они расхаживали с важным видом, плескались в воде и издавали пугающие звуки. Должно быть, эта колония мигрировала на север, и лагерь Терпения оказался прямо у них на пути.

Началась настоящая резня, люди пытались догнать буквально каждого пингвина. К ночи было убито, освежевано и разделано триста птиц. На следующее утро все увидели, что мигрировавшая колония пингвинов ушла так же внезапно, как и пришла. Из увиденных за этот день двухсот пингвинов добычей охотников стали около пятидесяти. В течение нескольких дней мимо лагеря продолжали проходить небольшие группки отстающих птиц, и к 24 февраля у путешественников было уже около шестисот тушек.

Но пингвины Адели — маленькие птички, в которых не очень много мяса, поэтому запасы были не такими уж впечатляющими, как могло показаться. Более того, в этих птицах совсем мало жира.

Как бы то ни было, внезапное появление пингвинов Адели на время устранило самую сильную угрозу, вставшую перед ними, — голод. Но едва она миновала, люди стали задумываться об окончательном спасении.

Грин записывал свои наблюдения: «Сейчас наш рацион почти полностью состоит из мяса. Стейки из тюленей, рагу из тюленей, стейки из пингвинов, рагу из пингвинов, печень пингвина, хотя последняя в самом деле очень вкусная. Недавно закончилось какао, а теперь уже почти закончился чай, и скоро единственным нашим напитком станет молоко [из порошка]. Мука тоже на исходе, поэтому ее смешивают с собачьим пеммиканом, чтобы сделать лепешки, которые получаются довольно неплохими. Сейчас мы находимся в девяноста четырех милях от Паулета, а значит, нами пройдены три четверти того расстояния, которое оставалось преодолеть, когда мы высадились на лед. Интересно, окажемся ли мы там вообще когда-нибудь?»

Маклин писал: «Мы пробыли на плавучих льдинах треть года, дрейфуя по желанию Природы. Интересно, когда еще мы увидим дом».

А Джеймс как настоящий ученый выражал все идеи и сомнения лабораторными терминами: «Мы строим различные теории, иногда основываясь на том, какие погодные условия наблюдаем вокруг себя, но, как правило, они не подкреплены ничем. Я не могу перестать думать о теории относительности. Как бы то ни было, у нас есть лишь несколько миль до горизонта и примерно двести тысяч квадратных миль моря Уэдделла [на самом деле его площадь ближе к девятистам тысячам квадратных миль]. Букашка, сидящая на ничтожно маленькой молекуле кислорода, в бурю имела бы столько же шансов предсказать, где приземлится, как и мы сейчас».

Глава 17

Со дня окончания бури прошло чуть больше месяца. С тех пор они преодолели шестьдесят восемь миль, в среднем по две мили за день. В основном двигались на северо-запад, но каждый день направление было непредсказуемым — то на северо-запад, то на запад, иногда даже на юг, а бывало и прямо на север. Но определенно они приближались к Антарктическому полуострову.

Уорсли каждый день проводил долгие часы на морозе, на вершине небольшого айсберга, озабоченно глядя на запад, в надежде увидеть землю, и 26 февраля он заметил что-то, что можно было бы принять за гору Хаддингтон, оказавшуюся в совершенно неожиданном месте.

Все хотели в это верить, но мало кто действительно мог. Самым недоверчивым оказался Макниш. «Шкипер сказал, что видел ее, — писал он. — Но мы знаем, что он врет». Уорсли выдавал желаемое за действительное. Гора Хаддингтон на острове Джеймса Росса находилась более чем в ста десяти милях к западу от их нынешнего местоположения.

Наступивший 1916 год был високосным, и Шеклтон воспользовался датой 29 февраля как небольшим поводом, чтобы поднять боевой дух команды. Они отметили День холостяка[28] скромным праздничным ужином. Гринстрит писал: «Впервые за долгое время я закончил есть и не почувствовал при этом желания начать сначала».

Тем временем наступил март; и 5 марта Гринстрит писал: «День за днем не происходит почти ничего, что разбавляло бы эту монотонность. Мы прогуливаемся по льдине кругами, но не можем пойти дальше, как если бы находились на острове. Уже почти не осталось никаких новых книг и больше не о чем говорить, все темы полностью исчерпаны… Я давно перестал различать дни недели, кроме разве что воскресенья, когда на обед мы едим печень пингвинов Адели с беконом. Это лучшая еда за всю неделю. Но скоро у нас закончится бекон — и воскресенье перестанет быть особенным днем, сольется с остальными. Льды вокруг выглядят так же, как и четыре-пять месяцев назад, а поскольку температура ночью теперь опускается до нуля и ниже, открытые участки воды покрываются свежим льдом, который недостаточно прочен, чтобы по нему идти. Но шлюпки туда спускать по-прежнему нельзя. По-моему, наши шансы добраться до острова Паулет — один к десяти…»

И действительно, шансы, казалось, уменьшались с каждым днем. Сейчас люди находились ровно в девяносто одной миле от

острова. Но он располагался на западо-северо-западе, а они в основном двигались строго на север. Если не произойдет каких-то кардинальных изменений в движении на север, они рисковали просто проплыть мимо земли, но ничего не могли с этим поделать. Оставалось только беспомощно ждать.

Шеклтону, как и остальным, было трудно найти способы скоротать время. Его товарищ по палатке, Джеймс, писал 6 марта: «Босс только что нашел новое применение жиру и сейчас оттирает им рубашки наших карт. Эти игральные карты стали грязными настолько, что на них нельзя ничего разглядеть. Однако жир помогает их очистить. Действительно, тюлень — очень полезный зверь».

Хуже всего бывало в те дни, когда погода портилась. Дел не было, приходилось просто сидеть в палатках. И чтобы внутрь не заносилось много снега, всяческие хождения туда-сюда строго ограничивались. Выходить из палаток могли лишь те, кому «требовалось ответить на зов природы». Как раз такой день был 7 марта: дул сильный юго-западный бриз, и шел обильный снег. Маклин описывал обстановку в палатке номер пять: «…нас тут восемь человек, зажатых, как сардины в банке… Кларк постоянно шмыгает носом, что просто невозможно выносить — это сводит с ума любого, кто остается с ним в палатке. Лис и Уорсли только и делают, что спорят по пустякам, и никто не может их унять. Ночью Лис ужасно храпит, еще храпят Кларк и Блэкборо, но не так сильно… В те моменты, когда Кларк шмыгает мне прямо в ухо, единственное утешение для меня — взять дневник и писать…»

Но вдруг 9 марта они почувствовали волнение: океан дышал, он совершенно явственно вздымался и опускался. На этот раз им не показалось. Такое нельзя было спутать ни с чем. Все это видели, слышали и чувствовали.

Ранним утром послышался странный, ритмичный треск льда. Все вышли из палаток и увидели это зрелище. Куски льда вокруг то раздвигались примерно на четыре — шесть дюймов, то снова смыкались. Большие льдины почти незаметно поднимались — не больше чем на дюйм — и снова медленно опускались.

Люди, сбившись в небольшие группки, восхищенно указывали друг другу пальцами на то, что и так было очевидно: по всей ледяной поверхности ощущалось легкое, какое-то ленивое движение. Некоторые пессимисты решили, что оно могло быть вызвано местными атмосферными условиями, например приливами или отливами. Но Уорсли, достав хронометр, приставил его к краю льдины и замерил интервалы между колебаниями — восемнадцать секунд, слишком мало для

приливного эффекта. Теперь не оставалось сомнений — это волнение открытого моря.

Но как далеко находилась открытая вода? Этого никто не знал. Джеймс размышлял: «До какой степени далеко может чувствоваться волнение в плотных льдах? Как показывает наш опыт, не очень далеко, но, конечно, мы никогда не делали замеров, чем сейчас можно будет заняться…»

Весь день велись долгие разговоры о том, что происходит, пока Уорсли, скрючившись у края льдины, делал замеры повторявшихся до бесконечности медленных колебаний. К вечеру все согласились с тем, что открытый океан находился примерно в тридцати милях от них. И только Шеклтон чувствовал в этом волнении самую большую угрозу, несравнимую со всем тем, с чем они когда-либо встречались. Тем вечером он записал: «Вера моя не укрепится, пока не образуются разводья».

Он знал, что, пока лед сомкнут, им не спастись, если давление увеличится. Море разобьет и раскрошит любую льдину, на которой они попытаются поставить лагерь. И надо ли говорить, что ни одна шлюпка не сможет отплыть в таких условиях.

Перед сном Шеклтон еще раз осмотрел лагерь. Он хотел убедиться, что палатки и шлюпки стоят не настолько близко друг к другу, чтобы их общий вес мог проломить льдину. Кроме того, оборудование было распределено по всей льдине, а значит, они не могли сразу потерять все в какой-то одной из трещин.

На следующее утро люди вышли из палаток, ожидая, что волнение усилилось — но не увидели ни малейшего движения. Лед оставался, как всегда, плотным. Разочарованию многих членов команды не было предела. Первый реальный признак открытого моря, такая соблазнительная мысль о скором спасении, которого они так долго ждали, — все это промелькнуло перед ними и мгновенно исчезло.

В тот же день Шеклтон приказал устроить небольшую тренировку, чтобы проверить, как быстро в чрезвычайной ситуации можно будет снять шлюпки с саней и загрузить их припасами. Все сделали то, что от них требовалось, но по раздражительности людей можно было судить, насколько повлияла на них такая дикая жизнь. Когда припасы погрузили в шлюпки, все воочию убедились, насколько скудными они были. Загрузка шлюпок уж точно не составляла для них никакой сложности. После тренировки все вернулись в палатки, угрюмые, почти не разговаривая друг с другом.

«Нечего делать, не на что смотреть, не о чем говорить, — писал Джеймс. — С каждым днем мы становимся все более

молчаливыми».

До этого волнения многие месяцами не позволяли надежде завладеть их сознанием. По большей части все уже смирились не только с тем, что придется зимовать во льдах, но даже с тем, что это будет вполне переносимо.

Но затем началось волнение моря — реальное доказательство, что за этой бескрайней ледяной тюрьмой существовала жизнь. И все препоны, которые они чинили сами себе, чтобы не дать надежде проникнуть в их сознание, тут же рухнули. Маклин, упорно боровшийся с собой, чтобы оставаться пессимистом, больше не смог сопротивляться, и 13 марта дал себе волю, написав: «Я полностью одержим идеей о спасении… Мы пробыли во льдах больше четырех месяцев — совершенно бесполезно для всех. Здесь абсолютно нечего делать, можно лишь убивать время — кто как может. Даже дома, где есть театры и всякого рода развлечения, четыре месяца безделья были бы весьма утомительными, а теперь представьте, каково нам. Здесь мы воспринимаем еду не как часть ежедневной рутины, а как единственный просвет за весь день. День за днем вокруг нас все та же бесконечная белизна, не разбавленная вообще ничем».

Между тем разочарование начинало нарастать. На следующий день Джеймс писал: «Скоро должно произойти что-то решающее, и, что бы это ни было, лучше бы оно наступало постепенно. Идет пятый месяц с тех пор, как наш корабль пошел ко дну. Покидая его, мы верили, что будем на берегу через месяц! Как говорится, человек предполагает…»

Даже буря, пришедшая днем с юга, не подняла настроения измученным людям. Было слишком тяжело переживать все трудности, которые она повлекла за собой, Не приносило облегчения даже то, что, как выразился Уорсли, «мы, возможно, несемся на СЕВЕР с невероятной скоростью — одна миля в час!».

Шквалы ветра, продолжал Уорсли, «обрушивались на наши хрупкие палатки так, словно собирались разорвать их в клочья. Палатки тряслись и угрожающе раскачивались, все вокруг грохотало и дрожало… Материал был настолько тонким, что клубы дыма от наших трубок и сигарет внутри палаток закручивало в настоящие воздушные воронки порывами ветра, бушевавшего снаружи».

Ночью все по одному выходили на дежурство, ровно на час. Возвращаясь, каждый дежурный заползал в палатку и пытался в кромешной темноте по пути к своему спальному мешку отряхнуться от снега. Неудивительно, что возвращение дежурного всякий раз будило всех обитателей палатки. Как можно уснуть, вспоминал Уорсли, когда «снег на лице, чьи-то ноги у твоего

живота, вой и грохот ветра снаружи, палатка трясется, и слышен громкий храп Полковника?»

Той ночью, когда буря с неистовыми завываниями толкала их на север, Джеймс хмуро заметил: «Вероятно, остров Паулет уже где-то к югу от нас».

Глава 18

Хуже всего было то, что снова остро встала проблема нехватки еды, особенно жира для готовки. Прошло уже три недели с тех пор, как они в последний раз убили тюленя, и небольшие запасы жира пингвинов Адели почти заканчивались. Корабельные припасы тоже были на исходе, а 16 марта израсходовали последнюю муку. Из нее и собачьего пеммикана сделали лепешки, каждая из которых весила не больше унции, и несколько человек, пытаясь растянуть трапезу, грызли и кусали их в течение целого часа.

Снова вспыхнули старые обиды на Шеклтона за отказ воспользоваться всеми возможными шансами, которые в разное время предоставляла им судьба. Даже Маклин, раньше никогда не критиковавший политику Шеклтона, почувствовал настолько сильное желание высказаться по этому поводу, что разработал специальный шифр, чтобы записать свои мысли в дневник, не опасаясь чужих любопытных глаз.

Вот что он написал с помощью шифра 17 марта: «Думаю, Босс был немного недальновиден, отказавшись запастись едой, когда это было возможно. Рискнуть стоило». Затем, 18-го: «Несколько дней назад Лис предложил Боссу запастись всей возможной едой [из Океанского лагеря] на случай, если придется зимовать во льдах. В ответ на что Босс нагрубил ему: “Некоторым из этих людей голод пойдет на пользу, их проклятый аппетит слишком велик!”»

Шли дни, запасы неумолимо сокращались. Уже закончились чай и кофе. Из-за нехватки жира, с помощью которого растапливали лед, получая воду, люди выпивали в день всего по одной порции очень водянистого порошкового молока. Его подавали на завтрак вместе с пятью унциями тюленьего мяса. Обед был холодным: четверть банки размороженного бульона и один консервированный бисквит. На ужин ели похлебку из мяса тюленя или пингвина.

Многие ощущали жажду почти как физическую боль. Естественная потребность организма в получении необходимой энергии, чтобы согреться, — вызывала хронический непрерывный голод. Погода стремительно ухудшалась, ночью температура часто падала до десяти градусов мороза. Из-за этого потребность людей в калориях увеличивалась, но ели они очень мало. Многим приходилось на несколько часов после еды забираться в спальные мешки, чтобы хоть как-то согреться и унять дрожь до тех пор, пока организм не получит еще немного тепла со следующим

приемом пищи.

Появились даже некоторые весьма рискованные шутки на тему каннибализма. «Гринстрит и я, — писал Уорсли, — подшучиваем по поводу Мэрстона. Он самый пухлый человек в лагере, и мы очень заботимся о его состоянии, устраивая настоящие аттракционы щедрости и предлагая ему старые пингвиньи кости, уже полностью обглоданные. Мы умоляем Мэрстона не худеть и даже заходим настолько далеко, что выбираем наиболее лакомые части его тела и ссоримся из-за того, кому достанется самое нежное мясо. В конце концов, мы настолько взбесили его, что теперь каждый раз при виде нас он с показным отвращением разворачивается и уходит в противоположную сторону».

Это была плохая тема для шуток хотя бы потому, что в ней уже появлялся намек на актуальность. Да и сам Уорсли за исключением подобных слабых попыток казаться смешным стал молчаливым и угрюмым.

Когда 22 марта ситуация с продовольствием стала критической, Шеклтон приказал Маклину застрелить на следующий день всех его собак, чтобы команда могла съесть предназначенную им еду. Маклин отреагировал весьма равнодушно: «Должен признаться, я не думаю, что они еще смогут нам пригодиться. Океанский лагерь уже исчез. У нас хватит жира для печи еще на десять дней, а затем останется лишь надеяться, что мы найдем тюленей, иначе нам действительно придется очень тяжело».

Утро 23 марта выдалось холодным, и кое-где надо льдами стелился туман. Шеклтон рано вышел на прогулку. Он подошел к самому краю льдины и, когда туман чуть-чуть рассеялся, заметил вдалеке на юго-западе какой-то черный объект. Несколько минут он пристально вглядывался в него, а затем побежал к палатке, чтобы разбудить Херли. Вдвоем они вернулись к краю льдины и несколько минут пристально всматривались вдаль сквозь клубы тумана.

Да, это была она — земля. Шеклтон помчался к лагерю. С криками «Земля! Я вижу землю!» он бежал от палатки к палатке. Реакция была странной. Некоторые выбрались из палаток, чтобы увидеть все своими глазами, но остальные, замерзшие и уставшие от того, что далекие айсберги то и дело путали с землей, отказались вылезать из спальных мешков, по крайней мере до тех пор, пока не станет точно известно, что перед ними земля.

Но это был не далекий айсберг и не мираж. Судя по данным Британской антарктической лоции, они увидели один из крошечных островков Опасности[29], чья отвесная плоская

вершина возвышалась над водой. Они находились ровно в сорока двух милях от этого клочка суши, а в двадцати милях за ним было место, к которому они так стремились, — остров Паулет.

Какое-то время люди стояли и смотрели на землю, пока густой туман не скрыл от них это зрелище. После полудня погода улучшилась, небо прояснилось, и взорам всех открылся прекрасный вид: островки Опасности и дальше за ними черные горы, чьи вершины устремлялись в низкие облака. Уорсли определил, что самой высокой была гора Перси на острове Жуанвиль у самого края Антарктического полуострова.

Этот остров находился в пятидесяти семи милях почти прямо на запад от них, прямо направо по направлению их движения. «Если льды разойдутся, мы сможем там быть уже через день», — писал Херли.

Но никто не верил, что они разойдутся. Скорее, наоборот. Вокруг было около семидесяти айсбергов, многие из которых застряли на мели, и, казалось, что из-за них льды не могут ни раскрыться, ни двинуться на север. Если спустить шлюпки, то, скорее всего, они разобьются в считаные минуты. Более того, нельзя было думать и о том, чтобы проехать по льдам. Сейчас паковый лед представлял собой плотную массу разбитых кусков и был еще коварнее, чем три месяца назад, когда они за пять дней прошли всего девять миль — невероятно трудный и опасный путь из Океанского лагеря. Поэтому земля в поле зрения оставалась лишь еще одним напоминанием об их беспомощности.

Гринстрит отреагировал в свойственной ему циничной манере: «Приятно думать, что в мире есть что-то еще, кроме снега и льда; но я не вижу никаких причин для восторга, потому что это не приближает нас к спасению. Я бы больше обрадовался стаду тюленей, поскольку это значило бы, что у нас появится еда и топливо».

Но, как бы обидно им ни было, большинство членов команды радовались, видя землю, хотя бы потому, что, как сказал Джеймс, «прошло уже почти шестнадцать месяцев —??! — с тех пор, как мы последний раз видели черные скалы». Больше всех радовался Маклин, поскольку Шеклтон, по всей видимости, забыл о своем решении убить его собак.

«Пожалуйста, Господи, — писал Шеклтон тем вечером, — дай нам поскорее оказаться на берегу». Но льдина неумолимо дрейфовала в другую сторону — их продолжало уносить к самому краю Антарктического полуострова. Сейчас высадиться на землю было невозможно. Они почти миновали сушу, на которой могли оказаться.

Теперь между ними, открытым морем и мысом Горн бурлил

ужасный пролив Дрейка — самая беспокойная часть океана на земном шаре.

В светлый солнечный день 24 марта вершины острова Жуанвиль четко просматривались на фоне неба. Джеймс, видя перед собой плотные непроходимые льды, едва сдерживался: «Невыносимо думать, что небольшое разводье в двадцать футов шириной могло бы вывести нас отсюда за пару дней, но льды плотные, как никогда, — и это становится невозможным. В палатках теперь очень тихо, мы почти не разговариваем. Везде царит атмосфера ожидания, все озабочены только этой мыслью».

Нервы людей напряглись до предела, когда днем по их льдине прошли две трещины, всего в девяноста футах от лодок. К счастью, они не раскрылись. На следующее утро, сразу после рассвета, с юго-запада внезапно поднялась буря. Но продлилась она лишь до середины дня, а затем ветер резко утих, и небо прояснилось. Закат потрясал воображение огненными оттенками громадных облаков, проплывавших мимо солнца. Все предвещало бурю. Сзади снова показался остров Жуанвиль, но на этот раз он находился вдалеке, и его было плохо видно.

Жгучий мороз, который принесла с собой буря, пришедшая с юга, доводил измученных людей до изнеможения. Казалось, что тепла их тел не хватает даже для того, чтобы согреть свои спальные мешки.

Запасов жира оставалось меньше чем на неделю, поэтому 26 марта люди лишились своих пяти унций тюленьего мяса на завтрак. Вместо этого пришлось довольствоваться половиной фунта холодного собачьего пеммикана и половиной порции порошкового молока; в особенно холодные дни к этому добавляли несколько кусочков сахара. На обед давали одну булочку с тремя кусочками сахара, а ужин состоял из единственного так называемого горячего блюда за весь день — похлебки из тюленя или пингвина, «варившейся так мало, насколько было возможно». Воду никогда не давали. Если кому-то хотелось пить, он набирал снег в маленькую баночку, обычно из-под табака, и прижимал к своему телу, чтобы растопить, или спал с ней в спальном мешке. Но доверху заполнив такую банку снегом, человек получал всего лишь одну или две столовые ложки воды.

Двадцать шестого числа до Шеклтона дошли слухи, что несколько человек унесли с общего склада несколько кусков жира и мяса пингвинов и пытались их съесть, замороженными и сырыми. Шеклтон тут же приказал, чтобы все оставшиеся припасы теперь хранились прямо возле его палатки.

К тому же Маклину приказали достать из кучи «мясных»

отходов, которыми кормили собак, все, что еще можно было съесть. Маклин разбирал ее, откладывая в сторону все, «кроме того, что слишком сильно пахло, чтобы есть». Получилась кучка кусков плоти весьма отталкивающего вида, и Маклин отметил: «…к сожалению, если мы не поймаем больше ни одного тюленя, нам придется есть все это сырым».

Казалось, что собак тоже скоро придется съесть. Но их пока не трогали в расчете на то, что появится хоть малейший шанс доехать до Океанского лагеря за оставшимися там припасами. Забери они продовольствие из лагеря или пойми, что этого сделать нельзя, собак тут же пристрелили бы и съели.

«Я бы не раздумывая съел приготовленную собаку, — писал Маклин, — но совсем не хочу есть ее сырой».

Несколько человек день за днем уговаривали Шеклтона рискнуть и в последний раз съездить в Океанский лагерь, который сейчас находился в семи милях от них и уже почти пропал из виду. Там оставалось еще около шестисот или семисот фунтов собачьего пеммикана и примерно шестьдесят фунтов муки. Но Шеклтон не мог взять на себя такую ответственность и послать каюров по опасному льду, несмотря на то что его не меньше других волновало отсутствие припасов. Вокруг постоянно раздавались звуки давления — паковые льды неумолимо прижимало к изгибу Антарктического полуострова. Этот шум эхом прокатывался по всему льду, и почти со всех сторон наблюдалось движение льдов. «Надеюсь, наша старая льдина не сломается, потому что поблизости не видно ни одной надежной ледяной плиты», — комментировал Гринстрит.

Многочисленные айсберги, находившиеся вблизи, ускоряли процесс разрушения льдов. Иногда одна из льдин мирно проплывала рядом с остальными и вдруг неожиданно резко вздымалась вверх, разламывая близлежащие массы, пробиваясь через все, что встречалось ей на пути, оставляя за собой след из перевернутых кверху и расколотых на куски плавучих льдин. И невозможно было предположить, какой курс возьмет дальше эта смертоносная сила.

Двадцать седьмого марта Уорсли записал в дневнике, что один из огромных айсбергов вдруг необъяснимым образом отдалился от них и ушел на северо-восток, а откуда-то «с севера появился еще один айсберг, оказавшись всего за четыре часа на расстоянии пяти миль от нашей плавучей льдины. Но, к счастью, он тут же взял курс на восток и миновал нас».

Поездка к Океанскому лагерю с каждым часом казалась все менее возможной, но Шеклтон понимал: сейчас или никогда. Вечером он неохотно приказал Маклину быть готовым к тому,

что, может быть, завтра рано утром ему придется ехать. Маклин уже ложился спать, но услышав такой приказ, обрадовался, начал приводить в порядок сани и готовить упряжку. Однако на рассвете лед начал слишком сильно двигаться, и все вокруг покрыл густой туман. Шеклтон вошел в палатку номер пять во время завтрака и сказал Маклину, что поездка отменяется. Весь лагерь был разочарован. Это чувство как будто пришло по следам влажной туманной ночи, на протяжении которой никому так и не удалось выспаться.

Не успел Шеклтон выйти из палатки, как Маклин разозлился на Кларка. Причина была какой-то сомнительной, но они начали кричать друг на друга. Напряжение передалось Орд-Лису и Уорсли, которые тут же затеяли перепалку, отчаянно богохульствуя при этом. Тем временем Гринстрит случайно разлил свое молоко и обвинил в этом Кларка, окликнувшего его в этот момент. Кларк попытался возразить, но Гринстрит накричал на него.

В следующее мгновение Гринстрит замолчал — буквально, чтобы перевести дух, — но в тот же момент его злость пропала, и он сник. Все остальные в палатке тоже замолчали, глядя на Гринстрита — лохматого, бородатого, грязного от жировой сажи, сжимающего в руках кружку и беспомощно взирающего на то, как снег жадно впитывает его драгоценное молоко. Потеря была для него настолько трагичной, что казалось, он сейчас разрыдается.

Не говоря ни слова, Кларк подошел и налил немного своего молока в кружку Гринстрита. Затем то же самое сделал Уорсли, после него — по очереди — Маклин, Рикинсон, Керр, Орд-Лис и наконец Блэкборо. В палатке надолго повисла тишина.

Сразу же после завтрака заметили двух тюленей и мгновенно распределились по командам. Первая группа стала окружать тюленя, который расположился к ним ближе всего. Остальные осторожно подходили ко второй жертве, как вдруг Шеклтон, почувствовав, что лед слишком опасен, приказал всем возвращаться в лагерь. На обратном пути Орд-Лис упал в обморок от голода. Он, как обычно, съел только половину порции, намереваясь сохранить оставшуюся часть на потом. После нескольких минут отдыха он встал на ноги и сумел самостоятельно дойти до лагеря.

В тот же день, немного позже, на смену туману пришел настоящий дождь, а температура поднялась до тридцати трех градусов. Почти все забрались в спальные мешки и оставались там, пока лило; дождь продолжался всю ночь и весь следующий день. Маклин описывал это так: «Потоки воды сливаются в один и просачиваются под мой спальный мешок, из-за чего он промокает

насквозь, а вместе с ним все мои рукавицы, носки и остальные вещи… Даже сейчас, когда я пишу это, вода кап-кап-капает с крыши палатки, и мы подставляем под струи все имеющиеся у нас емкости — пустые банки и прочее, — чтобы не замочить сумки. Получается не очень хорошо, потому что таких емкостей в четыре раза меньше, чем мест, откуда капает вода. Я разложил на своей сумке сапоги Барберри таким образом, чтобы туда стекала вода. И когда набирается достаточно большая лужа, я аккуратно поднимаю их и сливаю воду в снег с одной стороны. Очень утомительно постоянно следить за этим… Молюсь Богу, чтобы он послал нам хорошую погоду, поскольку то, что происходит сейчас, ужасно. Я никогда в жизни не видел такого уныния и такой депрессии, как сегодня в нашей палатке».

Ближе к вечеру дождь сменился снегом, и к пяти часам все прекратилось. Вечером с девяти до десяти дежурил Джеймс. Он, как обычно, ходил по льдине, но вдруг заметил какое-то движение льда. Приглядевшись, он увидел «совершенно точное колебание», поднимающее льдину, и помчался к Шеклтону, который распорядился, чтобы ночные дежурные были особенно внимательны.

В пять часов двадцать минут следующего утра льдина раскололась.

Глава 19

В это время на дежурстве был маленький Альф Читэм, который тут же бросился к палаткам. «Трещина! — кричал он. — Трещина! Всем встать!»

Через несколько секунд все выбежали из палаток. Они увидели две трещины: первая проходила по всей длине льдины, а вторая шла под прямым углом к первой. Более того, было явственно видно, что вся льдина поднималась.

Люди бросились к «Джеймсу Кэйрду», быстро сняли замороженные болты, соединявшие шлюпку с санями, и перетащили ее на середину льдины. К этому времени трещина в центре расширилась примерно до двадцати футов. Было видно, как она с каждым колебанием расползается и увеличивается. Все запасы мяса оставались на другой стороне. Тогда несколько человек перепрыгнули туда, выбрав место, где трещина еще не слишком расширилась, и стали бросать куски мяса прямо через открытую воду своим товарищам.

Без четверти семь закончили — все продукты удалось спасти. Решено было сделать короткий перерыв, чтобы немного подкрепиться. Пока все стояли и ждали своей порции, льдина снова разломилась, на этот раз прямо под «Джеймсом Кэйрдом», в каких-то ста футах от палаток. Не потребовалось никаких приказов. Все бросились к шлюпке и перетащили ее поближе к палаткам. Теперь они могли поесть и получили то, что обычно ели за завтрак, — кусок собачьего пеммикана, шесть кусочков сахара и полкружки молока.

Не успели они закончить свой завтрак, как сквозь туман заметили странную фигуру, двигавшуюся по той части льдины, где находился лагерь. Уайлд побежал в палатку за ружьем, затем, опустившись на одно колено, выстрелил. Животное медленно повалилось на лед. Несколько человек бросились к нему — их добычей оказался морской леопард длиной почти одиннадцать футов.

Казалось, Уайлд одной пулей изменил судьбу всей команды. У их ног лежала почти тысяча фунтов мяса и как минимум двухнедельный запас жира. Шеклтон объявил, что на обед в честь этой добычи все получат печень морского леопарда.

Трофей доставили в лагерь на собаках. При разделывании в желудке морского леопарда нашли около пятидесяти непереваренных рыбин. Их аккуратно отложили, чтобы съесть на следующий день. К девяти часам работа завершилась.

Затем Шеклтон позвал Маклина и сказал, что пришло время

застрелить его собак. Маклин не сопротивлялся, поскольку больше не было причин оставлять их в живых. Путешествие к Океанскому лагерю казалось просто нереальным, учитывая появление нового разлома. К тому же теперь у них был морской леопард. Необходимость в такой рискованной поездке отпала.

Маклин вместе с Уайлдом отвел собак по узкому перешейку через трещину туда, где раньше была кухня. По дороге они прошли мимо свалки мясных отходов. Певец, старый хитрый пес, схватил отрубленную пингвинью голову, а Боцман нашел косточку. Им обоим разрешили оставить добычу.

Маклин чувствовал себя отвратительно, распрягая одну за другой собак и уводя их за ледяной гребень. Уайлд, как и прежде, усаживал собак по одной на снег, приставлял дуло револьвера к голове и спускал курок. Так они и умерли: Певец с головой пингвина в зубах, а Боцман — с заветной косточкой. Когда все собаки были мертвы, Маклин освежевал и разделал их. Щенков Крина постигла такая же участь.

Вернувшись в лагерь, они оказались почти в праздничной атмосфере: все пребывали в радостном предвкушении первого за целых две недели горячего обеда. Поступило предложение попробовать собачье мясо, и Шеклтон согласился. Крин нарезал небольшие стейки из своего пса Нельсона, а Шеклтон проделал то же самое с Грасом.

Когда мясо поджарили, Крин побежал раздавать его всем желающим. Первым делом он направился к палатке Шеклтона — обветренное лицо ирландца появилось возле откинутого полога: «Я принес вам попробовать кусочек Нельсона».

Собачье мясо всем понравилось. Макниш отмечал: «Их мясо по вкусу, как деликатес, особенно после длительной тюленьей диеты». Джеймс нашел его «удивительно хорошим и вкусным». Уорсли заявил, что кусочек Граса, который он съел, был «вкуснее морского леопарда». А Херли даже позволил себе сказать, что мясо было «изысканно нежным и ароматным, особенно Нельсон, который напоминал телятину».

Все утро лед продолжал колебаться и вздыматься — то сильнее, то слабее. Поэтому во время обеда Шеклтон объявил, что они переходят на систему постоянного дежурства. Четыре часа дежурства — четыре часа отдыха. Шеклтон становится ответственным за одну половину дежурных, Уайлд — за вторую. Таким образом, половина команды будет находиться в постоянной готовности — собранная, одетая, способная выйти в любой миг. Двое дежурных должны регулярно обходить льдину в поисках трещин или какой-либо иной угрозы, остальным разрешалось стоять около своих палаток.

В течение дня появлялось все больше и больше признаков неизбежного раскрытия льдов. В небе люди увидели множество капских голубков и крачек, а Уорсли заметил чудесного гигантского буревестника, белого как снег, за исключением двух черных полосок на крыльях, — все это свидетельствовало о близости открытой воды. Кларк, завидев между льдинами медузу, сказал, что эти существа водятся только вблизи открытых морей. Эти приметы да еще темное небо, говорившее о наличии воды к северо-западу от них, а также колебания и высокая температура около тридцати четырех градусов дали Уорсли основания сделать вывод: «Все это кажется вполне обнадеживающим». Но потом он добавил: «Надежда дает нам силы поверить в желаемое».

К трем часам дня влажность воздуха заметно повысилась, а в восемь часов, когда Уайлд принял дежурство, пошел дождь. Уайлд и Макелрой на время дежурства перебрались в палатку номер пять, где, несмотря на тесноту и влажность, было вполне уютно. Все были рады послушать новые истории вместо постоянно повторяющихся баек своих товарищей по палатке.

Вскоре гостям позволили роскошь — зажечь спичку. «Все готовы?» — спросил Уайлд у курильщиков, державших наготове свои трубки и сигареты. Затем драгоценной спичкой чиркнули о коробок, и она озарила бородатые лица собравшихся в тесный круг людей. Ею же зажгли и самодельные «свечи», сделанные из просмоленной шерстяной веревки. После этого все, довольно пыхтя трубками и сигаретами, уселись обратно на свои места.

Уайлд рассказал несколько историй о своих прошлых авантюрных приключениях, связанных с девушками, а Макелрой, пытаясь соответствовать репутации самого космополитичного члена экспедиции, поведал внимательным слушателям рецепты нескольких коктейлей, в том числе и одного гарантированно имеющего свойства афродизиака под названием «Ласкающий грудь». В целом ночь прошла без особых событий. К рассвету дождь прекратился, а ветер подул в южном направлении, неся с собой холод и сухость. Колебания потихоньку прекращались.

Несмотря на все обнадеживающие знаки, состояние льда за весь день и до следующего утра почти не изменилось. Днем в небе на юго-западе снова появилась очень темная полоса, растянувшаяся до северо-востока. Однако из-за южного ветра внезапное раскрытие льдов казалось маловероятным, поэтому Шеклтон счел, что сейчас можно отменить наблюдение за морем. Но часовые дежурства по одному продолжались и днем и ночью.

Тем вечером ровно в восемь часов, когда Маклин помогал Орд-Лису скоротать время дежурства, их льдина внезапно поднялась и разломилась прямо в двух футах от палатки Уайлда.

Маклин и Орд-Лис поспешили сообщить тревожные новости всей команде.

Спящие люди были застигнуты врасплох, ведь они легли спать в полной уверенности, что ничего не произойдет. Пытаясь как можно быстрее одеться, отыскать свою одежду и влезть в замерзшие на двадцатиградусном морозе сапоги, они устроили настоящую суматоху и давку в кромешной темноте палаток. Даже выбравшись из них, они не сразу понимали, что произошло и откуда надвигается опасность. Перемещаясь в темноте, они постоянно сталкивались друг с другом и проваливались в невидимые дыры во льду. Наконец все пришли в себя и перетащили шлюпки поближе к палаткам. При этом запасы мяса отрезало от лагеря новой трещиной — и людям снова пришлось перебрасывать их в темноте на другую сторону.

Шеклтон приказал возобновить дежурства с наблюдением за морем. Кроме того, любой, кто не находился на дежурстве, теперь должен был спать полностью одетым, вплоть до рукавиц и шапки.

Уснуть было трудно. За ночь их плавучая льдина заметно — почти на фут — поднялась. То и дело ощущались толчки, слышались постоянные удары о другие льдины. Все знали: сейчас их льдина настолько мала, что, если по ней пройдет еще одна трещина, что-нибудь или кто-нибудь наверняка провалится под нее. И возможно, его раздавит льдами.

С наступлением утра южный ветер прекратился, и ближе к полудню давление спало. В полдень Уорсли впервые за шесть дней сделал замеры, и выяснил, что они находятся на 62°33′ южной широты и 53°37′ западной долготы. За шесть дней они проплыли двадцать восемь миль на север с учетом тех пяти дней, когда дули неблагоприятные северные ветры. Их льдина явно находятся под влиянием течения, уносящего ее на север.

Третьего апреля Маклеод отмечал свой сорок девятый день рождения. Как только команда во время обеда произнесла тост за его здоровье, на краю льдины появился морской леопард. Маклеод, невысокий, но коренастый мужчина, подошел поближе и начал хлопать руками, изображая пингвина. По всей видимости, это убедило морского леопарда, и он выпрыгнул из воды навстречу Маклеоду, которому пришлось спасаться бегством. Зверь сделал пару прыжков вперед и остановился, вероятно, осматривая остальных странных существ на льдине. Эта задержка стала для него фатальной. Уайлд уже выбежал из палатки с ружьем. Он прицелился, выстрелил — и еще тысяча фунтов мяса пополнила запасы.

Пищи стало больше. Вместе с этим увеличились порции и поднялся боевой дух всей команды. Печальное, угрюмое

настроение, появившееся несколько дней назад из-за перспективы есть сырое гнилое мясо, исчезло без следа. И более того, наконец мысли людей стало занимать что-то большее, чем просто выживание. В тот день, когда все поздравляли Маклеода с праздником, Уорсли и Рикинсон пустились в долгий шумный спор по, казалось бы, совершенно не имеющему к ним отношения вопросу об относительной чистоте новозеландских и английских молочных ферм.

Люди знали, что их положение с каждым часом становится все более критическим, но смотреть в лицо опасности было значительно легче с полным желудком.

Их льдина, раньше не менее мили в диаметре, теперь уменьшилась до каких-то двухсот ярдов. Большую часть времени она была окружена водой, и ей постоянно угрожало столкновение с другими льдинами. Остров Кларенс находился в шестидесяти восьми милях на север. Конечно, сейчас они направлялись прямо к нему, но боялись, что дрейф льдины на запад может усилиться. Если так произойдет, они пойдут по проливу Лопер шириной около восьмидесяти миль между островом Элефант[30] и островом Короля Георга.

Макниш писал: «Будет тяжело, если мы попадем в этот пролив, а потом нас вынесет в море». А Джеймс отмечал: «У нас царит дух ожидания. Нет сомнения, что мы сейчас на краю чего-то решающего. Если все пойдет хорошо, очень скоро мы окажемся на земле. Будет лучше всего, если льды разойдутся. Но страшно подумать, что нас может унести за те острова и зажать во льдах. Наша цель — острова Кларенс и Элефант…»

На следующий день невозможно было определить местоположение: все затянул густой туман, льды опасно поднялись. Но 5 апреля Уорсли сделал замеры, и стало ясно: они плывут прямо в открытое море.

Глава 20

Через два дня льдина стала дрейфовать на запад, и в результате их унесло на невероятное расстояние, двадцать одну милю, за сорок восемь часов, несмотря на встречный ветер.

Все были поражены такими новостями. За одну минуту все перевернулось с ног на голову. О высадке на островах Кларенс или Элефант теперь не могло быть и речи. Херли сказал: «Это доказывает наличие сильного западного течения и исключает надежду высадиться на острове Элефант».

Внимание всех полностью переключилось на остров Короля Георга, расположенный на западе. «Теперь мы надеемся на восточный или северо-восточный ветер, чтобы он отогнал нас на запад, пока мы не уплыли слишком далеко на север, — писал Джеймс. — Удивительно, как быстро могут поменяться предпочтения от самого желанного до самого нежеланного за какую-то пару дней… Все разговоры сейчас либо не клеятся вовсе, либо целиком сосредоточены на направлении ветра и течений».

Многие сомневались, что даже сильный восточный ветер сможет унести их довольно далеко на запад прежде, чем они попадут в залив, где льды, безусловно, разойдутся, в лучшем случае оставив им шанс плавать в шлюпках, под жестокими ударами штормов пролива Дрейка. «Боже, не допусти этого, — писал Гринстрит, — потому что, боюсь, в этом случае мы не выживем».

Ночью все лежали в спальных мешках и по зловещим звукам давления со всех сторон понимали, что льды продолжают двигаться. Следующий день был очень облачным, поэтому они не могли узнать ничего о своем положении. Однако ночью 6 апреля небо прояснилось, и днем было достаточно светло. Прямо к северу на небольшом расстоянии от своей льдины они заметили огромный айсберг. Когда солнце поднялось выше, все увидели, что верхушка айсберга скрывалась за облаками. Таких высоких айсбергов не бывает — это остров. Но какой?

Из-за сильного сдвига на северо-запад многие считали, что это остров Элефант, другие думали, что Кларенс. Больше всего их удивляло, что виден один остров и не виден другой, хотя они были равноудалены друг от друга. В конце концов победили те, кто считал, что это остров Кларенс, поскольку вершины, достигавшие в высоту пяти тысяч шестисот футов, были на две тысячи футов выше, чем любая вершина острова Элефант, и это делало их заметными даже на большом расстоянии.

К завтраку облака уплотнились, закрывая вид на землю. Но в

полдень Уорсли сделал замеры и рассеял сомнения, подтвердив, что они видели остров Кларенс, который находился в пятидесяти двух милях от них. Более того, их положение показывало, что западное направление дрейфа сменилось северным, и за последние два дня они прошли восемь миль почти ровно на север. Все почувствовали огромное облегчение.

Джеймс писал: «…в итоге острова Элефант и Кларенс все еще остаются нашей целью, а нынешний юго-западный ветер предвещает более обнадеживающие перспективы. За ночь льды немного сошлись, и сейчас просто кишат живностью. Мы слышим и видим китов, которые почти все время плавают неподалеку. Однажды одна особенно уродливая косатка высунула из воды голову и оглядела нашу льдину. Пингвины кричат… Иногда их стайки проносятся по воде со странными прыжкообразными движениями, как будто гигантские блохи прыгают по поверхности воды, что очень красиво смотрится в лучах солнца. Мы видели около двадцати тюленей… и все это сегодня утром за один раз. По небу то и дело пролетают снежные буревестники, а вместе с ними и чайки поморники».

Но проклятые льды не раскрывались. «Молюсь Богу, чтобы мы смогли высадиться на землю, — писал Маклин, — и наконец ушли из этих неконтролируемых льдов, которые уносят нас неизвестно куда, несмотря на все наши усилия… Сейчас мы в руках Высшей силы и, как все жалкие смертные, ничего не способны сделать против этих неуправляемых сил природы. Если не получится высадиться на землю, а это вполне вероятно, я считаю, что было бы неплохо высадиться на каком-нибудь айсберге. Действительно, многие из нас уже об этом говорили и хотели бы этого, но, конечно, находится и масса других весомых аргументов».

Все аргументы принадлежали Эрнесту Шеклтону. Он был категорически против высадки на айсберге до тех пор, пока не останется никаких других вариантов. Он хорошо знал, что айсберги, казавшиеся довольно устойчивыми, способны внезапно переворачиваться из-за того, что одна их часть тает быстрее, чем другая.

Всю ночь вокруг лагеря царил непередаваемый шум: жуткие крики пингвинов сливались со звуками, издаваемыми стаями китов. Когда наконец наступил рассвет, погода оказалась хорошей, с небольшим западным ветром, а небо — светлым и безоблачным. Все опять увидели остров Кларенс; слева от него едва виднелись вершины острова Элефант. Уорсли насчитал десять.

Но их местоположение относительно острова Кларенс

значительно изменилось с прошлого вечера. Сейчас остров находился почти ровно на север от них — значит, они уплыли восточнее. В полдень замеры, произведенные Уорсли, подтвердили этот факт. За последние двадцать четыре часа они почти не продвинулись на север — максимум на две мили. Вместо этого они проплыли целых шестнадцать миль на восток.

Это казалось невероятным. Направление движения изменилось почти на сто восемьдесят градусов. Два дня назад они были в шоке от того, что дрейфовали на запад, а сейчас пришлось смириться с тем фактом, что их льдина стремительно двигалась на восток, уходя все дальше от земли. Гринстрит сказал: «Если ветер снова не сменится, и льдина не начнет дрейф на запад, мы пропустим все острова».

С северо-запада нарастало давление льдов, усиливая колебание воды, которое время от времени поднимало их льдину почти на три фута вверх. Орд-Лиса даже настигла морская болезнь.

В сравнении с медлительными айсбергами было видно, как быстро движутся на восток паковые льды. Отдельные льдины разбивались на такие маленькие кусочки, что превращались в ледяное крошево, обволакивавшее все на своем пути, как сироп.

Вечером, примерно без четверти семь, Макниш записал в своем дневнике: «Со вчерашнего дня колебание заметно усилилось. Но это уже никому не мешает, так как наша льдина теперь стала такой маленькой. Она поднимается и опускается с…» Он так и не закончил предложение. Раздался сильный удар, и льдина раскололась прямо под «Джеймсом Кэйрдом». Уорсли, стоявший в это время на дежурстве, принялся звать на помощь. Все выбежали из палаток, с ужасом глядя на «Джеймса Кэйрда», но в этот миг трещина начала угрожающе расширяться. Две другие шлюпки, оказавшиеся теперь с другой стороны, срочно перетащили через воду. Когда все закончилось, льдина превратилась в треугольник, со сторонами примерно в сто, сто двадцать и девяносто ярдов.

Вскоре после полуночи западный ветер сменился юго-восточным и значительно ослаб. Почти тут же образовались бассейны с открытой водой, потому что льдины расходились в стороны. Но это продлилось недолго. К утру льды снова сошлись, несмотря на то что небо на севере стало темным, как чернила.

Во время завтрака лед таинственным образом снова разошелся. Маленькие льдинки превратились в одинокие белые пятнышки на темной холодной поверхности воды. Однако, пока люди с надеждой наблюдали за этими метаморфозами, льды снова сошлись. Колебание нарастало, их льдину со всех сторон

постепенно начинало заливать водой. К середине утра лед в третий раз разошелся. В половине одиннадцатого раздался громкий крик Шеклтона: «Собрать палатки и подготовить шлюпки!»

Все бросились выполнять свои обязанности. В считаные минуты палатки были собраны, а спальные мешки сложены в шлюпки. Затем шлюпки одну за другой подвезли на санях к самому краю льдины.

Трещина!

Льдина раскололась еще на две части, на этот раз ровно в том месте, где несколько минут назад стояла палатка Шеклтона. Обе льдины быстро расходились в стороны, унося от команды шлюпку «Стенкомб Уиллс» и большой запас провизии. Решение пришло мгновенно — почти все перепрыгнули через разраставшуюся трещину и быстро начали перетаскивать на свою сторону шлюпку и продовольствие.

Затем они ждали… разрываясь между непреодолимым желанием спустить на воду шлюпки, несмотря на риск, и стопроцентной уверенностью в том, что, как только они это сделают, дороги назад уже не будет. Какой бы маленькой ни была их льдина, сейчас она оставалась самой надежной в поле их зрения. Если они ее покинут и льды сомкнутся прежде, чем они найдут более подходящее место, им уже не спастись.

Несмотря на происходящее, Грин ответственно подходил к своим обязанностям. Он приготовил для команды маслянистый суп из тюленя и чайник горячего порошкового молока. Каждый взял свою порцию и съел ее стоя, пристально наблюдая за льдами. Уже было двенадцать тридцать, разводья постепенно расширялись. Все выжидающе смотрели на Шеклтона.

Сейчас их окружала открытая вода, но как долго это продлится? И как долго они смогут оставаться там, где находятся сейчас? Огромная ледяная плита, которая раньше была лагерем Терпения, превратилась в неправильный прямоугольник не более пятидесяти ярдов в длину. Сколько времени пройдет до того, как лед развалится на куски прямо у них под ногами?

В двенадцать сорок Шеклтон тихим голосом отдал приказ: «Спустить шлюпки».

Все оживились. Грин подбежал к своей госпоже Печке и потушил огонь. Некоторые взяли кусочки парусины и завернули в них небольшие порции мяса и жира. Остальные побежали к шлюпкам.

«Дадли Докера» сняли с саней и спустили на воду. Затем все начали передавать друг другу припасы. В эту шлюпку погрузили мешок мяса, жировую печь и сверху поставили то, что раньше

было палаткой номер пять. Пустые сани опустили в воду и привязали к носовой части шлюпки. Затем быстро спустили и загрузили «Стенкомба Уиллса» и последним «Джеймса Кэйрда».

В тринадцать тридцать каждый забрался на борт своей шлюпки. Все взялись за весла и поплыли к открытой воде.

Не успели они отплыть от лагеря Терпения, как лед начал смыкаться.

Часть IV

Глава 21

Первые несколько минут были решающими, и это сводило с ума. Гребцы делали все возможное, чтобы работать слаженно, но получалось как-то неуклюже, сказывалось отсутствие практики. Растущее беспокойство сбивало с ритма. Лед, окружавший со всех сторон, мешал веслам свободно двигаться, и, казалось, — столкновение неизбежно. Все, кто не сидел на веслах, разместившись в носовой части, пытались отталкиваться шестами от больших кусков льда, чем периодически провоцировали ощутимый крен шлюпок.

Высокие борта «Джеймса Кэйрда» и «Дадли Докера» стали дополнительным препятствием. Из-за них скамьи оказались слишком низкими для нормальной гребли, и, несмотря на то что под сиденья четырех гребцов в каждой шлюпке подложили ящики с припасами, грести по-прежнему было неудобно.

Сани, привязанные к «Дадли Докеру», постоянно застревали в ледяном месиве, и спустя несколько минут Уорсли, окончательно рассердившись, разрезал веревки, которыми они крепились к шлюпке.

И все же — к удивлению людей и почти без их участия, — несмотря на сопротивление льдов, они довольно успешно шли вперед. Шлюпка продвигалась — на корпус, еще на корпус — и с каждым рывком льды становились менее плотными. Невозможно было точно сказать: раскрывались ли сами льды или же они уплывали ото льдов, окружавших лагерь Терпения. В любом случае удача сейчас была на стороне экспедиции.

Пасмурное небо выглядело ожившим из-за обилия птиц: над шлюпками летали тысячи капских голубков, крачек, глупышей, антарктических серебристо-серых и снежных буревестников. Птиц было так много, что их помет летел прямо в шлюпки, заставляя гребцов плыть, опустив голову. Киты тоже мелькали повсюду. Они со всех сторон поднимались из воды, иногда приближаясь к людям опасно близко, словно убийца из-за угла.

«Джеймс Кэйрд» во главе с Шеклтоном шел первым. Он держал курс на северо-запад до тех пор, пока это было возможно. За ним шел Уорсли на «Дадли Докере», а следом Хадсон на «Стенкомбе Уиллсе». Их голоса, мерно повторявшие «раз… два-а-а… раз…», сливались с криками птиц над головами и шумом волн от движения льдов. Гребцы с каждым движением все четче попадали в ритм.

Через пятнадцать минут лагерь Терпения скрылся из виду в ледяном хаосе. Но теперь это было неважно. Покрытая сажей

льдина, ставшая их тюрьмой почти на четыре месяца — каждый ее участок они знали так же хорошо, как осужденные знают каждую трещинку в своей камере, — которую они почти возненавидели, но о сохранности которой так часто молились, осталась в прошлом. Теперь вся команда находилась в шлюпках… на самом деле в шлюпках, и только это сейчас имело значение. Люди не думали о лагере Терпения. Сейчас для них существовало только настоящее, а значит, грести… плыть… спасаться.

В течение получаса они вошли в область свободного льда, и уже к половине третьего ночи были в миле от лагеря Терпения. Теперь, даже при огромном желании, они не могли бы его найти. Они проплывали недалеко от высокого айсберга с плоской вершиной, на который с северо-запада то и дело яростно обрушивались волны, разбиваясь о его голубоватый лед и поднимая брызги до шестидесяти футов вверх.

Приближаясь к нему с траверза, они услышали постоянно усиливающийся глубокий хриплый шум. И справа увидели лавину ломающегося льда, похожую на водопад высотой не менее двух футов. В ширину это была настоящая небольшая стремительная река, катившая на них свои волны с востоко-юго-востока. Это было отбойное течение — поток воды, попавший в ледяную массу, отталкивался от берега и выносил ее назад в океан со скоростью около трех узлов в час[31].

Какое-то время они стояли, не веря своим глазам. Затем Шеклтон повернул «Джеймса Кэйрда» и крикнул рулевым двух других шлюпок, чтобы те следовали за ним. С утроенной энергией гребцы принялись за работу, стремясь уплыть от обрушивающегося на них льда. Но, несмотря на все усилия, лед стремительно догонял их и уже угрожающе надвигался на корму. Гребцы не сдавались. Остальные подбадривали их, топая ногами в ритм. «Дадли Докера» — из-за того что это была самая громоздкая, а потому наиболее трудно управляемая шлюпка, — дважды почти догонял ледяной поток, но команде удавалось увернуться.

Спустя пятнадцать минут, когда гребцы заметно выбились из сил, отбойная волна начала спадать. Через пять минут она потеряла свою силу и вскоре исчезла так же таинственно, как и появилась. Новые гребцы заняли место уставших, и Шеклтон снова повел «Джеймса Кэйрда» на северо-запад. Ветер постепенно сменился на юго-восточный и теперь дул с кормы, облегчая движение.

Садясь в шлюпки, они находились на 61°56′ южной широты, 53°56′ западной долготы, недалеко от восточных пределов пролива Брансфилда. Пролив Брансфилда, около двухсот миль

длиной и шестьдесят миль шириной, проходит между Антарктическим полуостровом и Южными Шетландскими островами, соединяя опасный пролив Дрейка с водами моря Уэдделла. Он назван в честь Эдварда Брансфилда, который в 1820 году на небольшой бригантине «Уильямс» впервые попал в эти воды, теперь носившие его имя. Таким образом, по свидетельству британских ученых, именно Брансфилд стал первым человеком, увидевшим Антарктиду.

За те девяносто шесть лет, которые разделяли открытие Брансфилда и день 9 апреля 1916 года, когда люди Шеклтона пробирались здесь сквозь льды, знаний об этих редко посещаемых водах, увы, не прибавилось. Даже сегодня лоция ВМС США по антарктическим водам, описывая условия пролива Брансфилда, виновато начинает с оправданий, говоря о недостаточной информации о данной территории. «Считается…» — продолжает лоция, что здесь бывают сильные непредсказуемые течения, достигающие иногда шести узлов в час. И поскольку они мало подвержены влиянию ветра, часто встречается явление, известное морякам как «перекрестное волнение», когда ветер дует в одну сторону, а течение движется в другую. В таких случаях мощные потоки воды — три, шесть, а то и десять футов высотой — поднимаются вверх. Перекрестное течение очень опасно для небольших лодок.

Мало того, погода в проливе Брансфилда почти никогда не бывает гостеприимной. По некоторым данным, небо здесь ясное не более десятой части года. Часто идет густой снег, и нередки бури, которые, начиная с середины февраля, становятся еще чаще и сильнее, потому что приближается антарктическая зима.

Шлюпки, в которых путешественники преодолевали воды этого грозного моря, были достаточно крепкими, но ни одной открытой шлюпке не справиться с тем, с чем им предстояло столкнуться. «Дадли Докер» и «Стенкомб Уиллс» — классические тяжелые шлюпки с квадратной кормой, сделанные из массива дуба. Норвежские кораблестроители называли их афалинскими шлюпками-убийцами, потому что изначально они предназначались для охоты на афалин[32]. В носовой части каждой из них располагался толстый столб, к которому привязывали гарпун. Каждая шлюпка была длиной двадцать один фут девять дюймов с траверзом шесть футов два дюйма. В каждой располагалось по три скамьи, или банки, а также имелся небольшой настил в носовой части и у кормы. На них были установлены короткие мачты, к которым крепились паруса; но в первую очередь такие шлюпки предназначались для гребли, а не для путешествия под парусом. Единственной существенной

разницей между этими двумя шлюпками было то, что Макниш оснастил «Дадли Докера» несколькими досками, подняв его борта на восемь дюймов.

«Джеймс Кэйрд» представлял собой двусторонний вельбот длиной двадцать два фута шесть дюймов и шириной шесть футов три дюйма. Его построили в Англии по специальному заказу Уорсли из американского вяза и английского дуба, обшитых древесиной балтийской сосны. «Джеймс Кэйрд» был немного крупнее двух других шлюпок, но, несмотря на это, оставался более легким и упругим из-за материалов, из которых был сделан. Макниш поднял его борта примерно на пятнадцать дюймов, поэтому даже доверху загруженный «Джеймс Кэйрд» поднимался из воды чуть выше, чем на два фута. Таким образом, из всех трех шлюпок эта была самой подходящей для мореплавания.

Что касалось веса, шлюпки не были перегружены. На «Уиллсе» плыли восемь человек, на «Докере» девять, а на «Кэйрде» одиннадцать. В менее опасных водах и с менее громоздким оборудованием каждое судно могло вместить по крайней мере в два раза больше путешественников. Но все же в шлюпках было тесно. Каркасы палаток и сложенные спальные мешки занимали непропорционально много места. Кроме того, здесь же стояли ящики с припасами и большое количество личных вещей. Все это почти не оставляло места самим людям.

Во второй половине дня — пока они шли на северо-запад — все три шлюпки продвигались отлично. Попадались участки, где лед был довольно плотным, но не настолько, чтобы заблокировать путь. После пяти часов вечера стало темнеть, и Шеклтон крикнул рулевым других шлюпок, чтобы они держались так близко друг к другу, как только возможно, пока не найдется подходящее место для лагеря. Так они плыли до половины шестого, пока не подошли к плоской тяжелой льдине площадью около двухсот ярдов, которую Шеклтон счел достаточно крепкой, чтобы разбить на ней лагерь. Преодолевая сопротивление бурных волн, они не менее шести раз пытались к ней приблизиться. Наконец все шлюпки были благополучно подняты на лед. Примерно в четверть седьмого вечера высадка завершилась. Грин тут же нашел место для своей печи, пока остальные устанавливали палатки — все, кроме палатки номер пять, настолько тонкой и хрупкой, что Шеклтон разрешил ее обитателям спать прямо в шлюпках.

Ужин состоял из четверти фунта собачьего пеммикана и двух бисквитов на каждого. Он закончился к восьми часам, и все, кроме дежурного, тут же легли спать. Это был утомительный, но

насыщенный день. По оценке Уорсли, они прошли добрых семь миль на северо-запад. Конечно, само по себе расстояние не было впечатляющим, но осознание того, что они наконец-то сели в шлюпки, сделало их давние мечты реальностью. После пяти с половиной месяцев во льдах они перешли к стадии «делать что-то для себя», как выразился Маклин. Все уснули почти мгновенно.

«Трещина!» — раздался крик дежурного вскоре после того, как все до единого провалились в глубокий сон. Уставшие люди выбежали из палаток, причем некоторые даже не потрудились одеться. Но тревога оказалась ложной; никакой трещины не было, и все снова забрались в спальные мешки.

К одиннадцати часам Шеклтон, почувствовав что-то странное, оделся и вышел из палатки. Он заметил, что волнение моря усилилось и их льдина развернулась таким образом, что сейчас находилась перед открытой водой. Несколько мгновений он пристально смотрел на воду, как вдруг раздался звук глубинного удара — и льдина раскололась прямо под его ногами и под палаткой номер четыре, в которой спали восемь человек.

Почти тут же две части льдины разошлись, палатка рухнула, раздался всплеск. Члены команды начали быстро выбираться из-под ее обмякших складок.

«Кого-то не хватает», — услышал Шеклтон. Он бросился вперед и начал разрывать палатку. В темноте он услышал приглушенные судорожные звуки, доносящиеся снизу, и наконец увидел что-то бесформенное, извивающееся в воде — человека в спальном мешке. Шеклтон протянул руку и одним резким сильным движением выдернул мешок из воды. В следующий момент две надломившиеся части льдины резко ударились друг об друга.

Человеком в спальном мешке оказался Эрни Холнесс, один из кочегаров. Он промок до нитки, но остался жив. Беспокоиться о нем времени не было, так как трещина снова расширилась, на этот раз очень быстро, отрезая тех, кто жил в палатке Шеклтона и спал в «Кэйрде», от остальных. Через трещину перебросили веревку, и две небольшие группки людей смогли на какое-то время соединить половины расколовшейся льдины. Затем, быстро перетащив «Кэйрда», оставшиеся члены команды перепрыгнули на большую льдину. Шеклтон к ним не присоединился, решив убедиться, что все остались целы. Но когда пришла его очередь прыгать, льдины опять разошлись. Он схватил веревку и попытался снова притянуть свою льдину к большой, но один человек не мог справиться с этим. Через девяносто секунд он исчез в темноте.

Повисло гробовое молчание. Казалось, прошла целая

вечность. Вдруг все услышали из темноты голос Шеклтона: «Спускайте шлюпку».

Уайлд мгновенно отдал приказ. «Уиллса» спустили на воду, и шесть добровольцев сели в шлюпку. Они опустили весла и поплыли на голос Шеклтона. Наконец в темноте показался знакомый силуэт. «Уиллс» подошел к льдине — и вскоре все благополучно вернулись в лагерь.

Теперь о продолжении сна не могло быть и речи. Шеклтон приказал разжечь жировую печь. Затем переключил внимание на Холнесса, который страшно дрожал в насквозь промокшей одежде. Но ни у кого не оказалось запасных вещей. Чтобы Холнесс не замерз, Шеклтон приказал ему двигаться, пока одежда не высохнет. До конца ночи все по очереди ходили с ним туда-сюда. Его товарищи слышали, как трещат на бедняге замороженные вещи, как звенят осыпающиеся с него кристаллики льда. Кстати, сам Холнесс ни разу не пожаловался на мокрую одежду, зато несколько часов кряду ворчал по поводу того, что потерял в воде свой табак.

Глава 22

В пять утра на небе появились первые светлые блики — изнурительная ночь наконец-то закончилась. Наступило 10 апреля.

Погоду на рассвете вряд ли можно было назвать ободряющей: пасмурно и туманно, сильный шквалистый восточный ветер, порывы снега, летевшего в ледяную воду. Не просматривались ни остров Кларенс, ни Элефант. Уорсли только примерно мог оценить, что они находились севернее, приблизительно на расстоянии тридцати и сорока миль от них. Восточный ветер пригнал к их льдине массу ледяных обломков, поэтому казалось, что они снова были заперты.

Вскоре появились первые участки открытой воды, и после завтрака все было готово к отплытию. Шеклтон решил облегчить шлюпки, оставив в лагере несколько инструментов для льда и ящиков с сушеными овощами. Где-то после восьми часов льды начали расходиться, и в восемь часов десять минут Шеклтон отдал приказ спустить шлюпки на воду.

По всему морю плавали куски льда, поэтому шлюпки постоянно кренились в разные стороны, грести было крайне сложно. Но вскоре лед стал раскрываться, и примерно через час они оказались на участке открытой воды, абсолютно свободной ото льда и настолько широкой, что люди с трудом различали льдины, проплывавшие где-то вдали. Это было долгожданное зрелище после целого года ожиданий, когда они не видели вокруг себя ничего, кроме льда. Шеклтон отдал приказ всем трем судам поднять паруса.

На «Кэйрде» было две мачты: для основного и косого паруса, — а также небольшой кливер у носа. «Докер» оснащался одним рейковым парусом, а «Уиллс» имел лишь маленький основной парус и кливер. Таким образом, шлюпки оказались в разных весовых категориях, что стало очевидно, как только все подняли паруса. «Кэйрд» поймал ветер и помчался вперед, уходя влево от других лодок. Несмотря на то что «Докер» двигался чуть быстрее «Уиллса», разница была не так уж заметна, и ни одна из шлюпок не смогла поймать ветер. «Кэйрду» ничего не оставалась, кроме как снизить скорость, чтобы не уйти слишком далеко от остальных.

К середине утра шлюпки подошли к границе паковых льдов, протянувшихся вдоль кромки открытой воды длинной плотной линией, по всей вероятности, ведомой течением. Эти явно старые льды — величественные ветераны — достойно выдержали годы

давления в море Уэдделла, чтобы затем расплавиться у берегов Антарктики. Их старые края были стерты водой. Они уже давно ничем не напоминали свежие и острые от недавних разломов края молодых льдин. Больше часа три шлюпки медленно огибали западный край древних льдов и где-то после одиннадцати часов обнаружили проход, по которому двинулись дальше.

Они сразу поняли, что находятся в открытом океане. Об этом моменте они страстно мечтали еще со времен жизни в Океанском лагере, но реальность очень отличалась от мечты. Как только шлюпки миновали защитный ледяной барьер, они тут же попали под удары сильного ветра, а на северо-востоке от них вовсю бушевало море. Они попытались пройти на северо-северо-восток под парусами. И тут же на них обрушились свирепые ледяные брызги, яростно хлеставшие по лицу. Леденящий ветер казался еще холоднее от недосыпания. Орд-Лис и Керр, плывшие на «Докере», ужасно страдавшие от морской болезни, скрючились на своих спальных мешках.

И все же почти никто не жаловался. Все знали, что где-то за туманами, вероятно, не более чем в двух дюжинах миль на север, была земля, и сейчас они к ней постепенно приближались. Когда пришло время обеда, Шеклтон разрешил выдать большие порции бисквитов, холодные пайки, предназначенные для санных походов, собачий пеммикан и по шесть кусочков сахара каждому.

Однако во второй половине дня ветер значительно усилился, и шлюпки стали опасно раскачиваться. Больше часа Шеклтон держался северо-восточного курса, надеясь, что суда смогут противостоять морю. Но к двум часам понял, что двигаться дальше безрассудно, и приказал всем вернуться назад, за пройденную ранее защитную линию льдов.

Шлюпки развернулись и поспешили на юг. Через несколько минут они достигли края льдов и двинулись дальше на запад, в поисках большой льдины. Самой крупной глыбой, найденной ими, стала та, которую Уорсли назвал «льдина-айсберг»: толстая масса сжатого давлением темно-голубого льда площадью около тридцати пяти ярдов в некоторых местах поднималась над водой на целых пятнадцать футов. Она дрейфовала в одиночестве, отдельно от основной линии льдов, и, по всей видимости, уже долго была на плаву. Море искромсало ее края, оставив свои отметины в виде свисающей кромки рыхлого льда.

Шеклтон прекрасно помнил о предыдущей бессонной ночи, чтобы снова пойти на такой же риск. На этот раз всем придется провести ночь в шлюпках. Остановившись у льдины-айсберга, они вогнали весла в лед. Затем привязали их веревками к бортам шлюпок и стали ждать наступления темноты.

Однако через несколько минут ветер сменился на северо-восточный, и на море началось волнение. Шлюпки стали сильно ударяться друг о друга и в любую минуту могли вырвать изо льда весла, к которым были привязаны. Ветер бесновался над поверхностью айсберга, сдувая с его вершины снег и бросая ледяные комья прямо в лицо людям. После получаса таких страданий у Шеклтона не осталось выбора. Если они хотели выспаться — а им это было крайне необходимо, — альтернативы привычному варианту не было. И тогда он нехотя отдал приказ разбить лагерь на льдине.

Шлюпки немного проплыли вдоль льдины-айсберга, и примерно половина команды выбралась на лед. Им тут же стали передавать припасы и оборудование. Затем пришла очередь заняться шлюпками. Рыхлый по краям лед поднимался из воды на пять футов и был опасен. Поэтому шлюпки приходилось ставить почти вертикально и затаскивать на льдину с безопасного расстояния от ее края.

«Уиллс» был первым, и его подняли без приключений. Поднять «Докер» оказалось сложнее. Когда его втянули приблизительно наполовину, рыхлый лед надломился, и Билл Стивенсон, один из кочегаров, упал в ледяную воду. Шесть человек тут же бросились к нему и вытащили беднягу на поверхность. «Кэйрд» был последним, на этот раз рыхлый лед снова сломался. К счастью, Шеклтон, Уайлд и Херли успели ухватиться за борт шлюпки. К тому времени, когда все шлюпки успешно подняли, было уже три тридцать, и все находились на грани изнеможения. Они почти не спали в течение последних тридцати шести часов. Их руки, не привыкшие к гребле, покрылись мозолями и уже были немного отморожены. Одежда промокла от брызг, то и дело попадавших в шлюпки, а спальные мешки вообще вымокли насквозь.

Но сейчас был важен лишь сон. Поужинав холодным собачьим пеммиканом, молоком и двумя кусочками сахара, они полностью одетыми забрались в свои спальные мешки. Несколько человек, перед тем как уснуть, потратили последние силы на то, чтобы быстро описать события дня в дневниках. Уорсли написал: «По моим расчетам мы сегодня прошли [на северо-запад] десять миль, и течение должно помочь нам продвинуться на запад, прежде чем нас унесет этот сильный восточный бриз». А Херли в своем дневнике выразил мысль, которая посещала почти всех: «… молюсь Богу, чтобы эта льдина не раскололась нынешней ночью».

К сожалению, их мольбы не были услышаны — еще задолго до рассвета они поняли, что происходит неладное. С рассветом их взорам предстала ужасающая картина.

За ночь ветер усилился почти до бури, а откуда-то с северо-востока в их сторону принесло огромное количество льда. И сейчас эти громадные глыбы окружали людей — во всех направлениях до самого горизонта. Куски айсбергов и сломанные льдины десятков тысяч самых разных форм покрывали всю поверхность воды. А на северо-западе от одного края горизонта до другого бушевали огромные тридцатифутовые волны, неумолимо напиравшие на толщу паковых льдов. Вода захлестывала льды, и на этих беспощадных волнах льдина-айсберг, приютившая людей, поднималась на головокружительную высоту, а затем падала вниз так низко, что не было видно горизонта. Воздух наполнился жутковатым ревом, в котором смешались все звуки: визг ветра, хрипы волн, закручивающих льды, и беспрестанный грохот перемалываемого льда.

Из-за своего размера айсберг плыл медленнее, чем остальные льды, которые свирепо бросались на него и ударяли со всех сторон, в то время как волны подмывали его края. Иногда то с одной, то с другой стороны от него отваливались куски льда, а некоторые из них просто отрывало ударами соседних льдин. С каждым ударом айсберг начинал лихорадочно дрожать.

Именно этого Шеклтон так боялся, когда началось движение паковых льдов еще там, в лагере Терпения. Айсберг трещал под ними и мог расколоться или перевернуться в любой момент. Но и сесть в шлюпки было сумасшествием: их разбило бы в мелкие щепки за полторы минуты.

Вся картина была ужасающей. Складывалось впечатление конца света. Люди стояли в напряжении, зная, что в следующее мгновение могут оказаться в море, где их раздавит, или они утонут, или будут барахтаться в ледяной воде, пока последняя искорка жизни не погаснет в их телах. И все же величие зрелища завораживало их.

Наблюдая за происходящим, они пытались описать свои чувства, но не могли найти подходящих слов. В голове Маклина вертелись строки из «Смерти Артура» Теннисона: «…таких чудес… я не видал и не увижу впредь, хотя б прожить три жизни довелось мне, не одну…»[33]

Шеклтон поднялся на ледяной холм высотой примерно двенадцать футов с одной стороны айсберга. Оттуда он увидел только бескрайние льды. Лишь иногда где-то вдалеке просматривалась черная линия или небольшой темный участок свободной ото льда воды. Единственной надеждой команды было то, что один из таких участков появится поближе к ним и окружит айсберг, чтобы они смогли выбраться. Но открытая вода то и

дело, приближаясь на небольшое расстояние, вдруг уходила в ту или иную сторону, а затем и вовсе исчезала, когда смыкались льды. Они ждали, время шло — часы показывали восемь, девять, десять… С самого рассвета шлюпки были наготове, припасы и оборудование лежали неподалеку, в любой момент готовые к погрузке.

Все смотрели на Шеклтона, стоявшего на холме. Снизу непокорная линия его подбородка выделялась еще сильнее, но по темным кругам вокруг глаз было видно, как он переживает. Иногда он кричал, чтобы все приготовились — появлялся шанс. Все тут же кидались к шлюпкам и ждали, но спустя какое-то время Шеклтон мрачно качал головой. Шанса больше не было.

Пока они ждали, айсберг постепенно разрушался. Поздним утром из-за сильного удара волны от него откололся двадцатифутовый кусок, соскользнувший в воду и частично оставшийся на поверхности. Этот ледяной шельф усиливал давление на айсберг, не давая ему возможности естественно держаться на волнах. Возникла большая вероятность, что айсберг расколется горизонтально, и его вершина просто сползет в воду.

Наступил полдень. Айсберг уменьшался на глазах, но льды не отступали. Волнение усилилось. Всем раздали походные пайки, и теперь люди, разделившись на небольшие группки, тихо разговаривали. Что будет, если с наступлением темноты лед так и останется плотным? Ходили разговоры, что айсберг не протянет до следующего утра. И тогда они окажутся в море прямо посреди ночи.

Они даже пытались отпускать шуточки по этому поводу, из последних сил стараясь не сдаваться или просто не думать об этом. Гринстрит открыл дневник и попробовал описать ситуацию: «…очень тревожное время, потому что наша льдина сильно качается из-за того, что…» Здесь запись обрывалась прямо на середине предложения. Не было ничего хорошего; он не мог продолжать думать об этом.

Незадолго до двух часов, когда впереди оставалось лишь три часа дневного света, все погрузились в траурное молчание. Разводье за разводьем возникали вдали, но все это было слишком далеко и не могло помочь. Все смотрели на Шеклтона, который следил еще за одним разводьем, приближавшимся с севера, но никто уже не верил, что оно даст им шанс.

Раздался взволнованный крик. Бассейн открытой воды внезапно появился с противоположной стороны айсберга. Они обернулись и изумленно уставились на него. Измученные ожиданием люди не могли поверить своим глазам. Лед волшебным образом уплывал, как будто на него действовала

какая-то невидимая сила. Пока они зачарованно смотрели, на поверхности воды появились небольшие водовороты и воронки. Странное течение, поднявшееся, по всей видимости, из глубин, столкнулось с нижней частью айсберга и отклонило его, благодаря чему появилась открытая вода. Все начали неистово прыгать, дикими движениями указывая друг другу на этот бассейн темной воды, расходившейся от айсберга.

«Спустить шлюпки! — закричал Шеклтон, сбегая со своего холма. — Забрасывайте припасы как придется». Дрожащими от волнения руками люди схватились за борта шлюпок, стараясь как можно быстрее подтащить их к краю айсберга. Поверхность воды находилась всего в пяти футах под ними, поэтому они просто сталкивали шлюпки со льда на воду. Часть экипажа забралась в них, остальные быстро передавали им вещи. В это время соседняя льдина внезапно поднялась и чуть не рухнула сверху на «Докера». Но его вовремя успели оттащить, и уже через пять минут шлюпки отплыли.

Они гребли к центру этого бассейна, откуда был виден еще один участок открытой воды, возникший за небольшим перешейком из осколков льда. Шлюпки осторожно лавировали между ними, как вдруг лед необъяснимым образом начал расступаться, создавая вокруг них внушительное свободное пространство.

До сих пор пунктом их назначения был один из островов — либо Кларенс, либо Элефант — в зависимости от того, куда они сумели бы быстрее доплыть. Самое логичное решение, поскольку это были два ближайших участка суши. Когда они садились в шлюпки у лагеря Терпения, остров Кларенс находился всего лишь в тридцати девяти милях почти ровно на север. По данным Уорсли, плывя на северо-запад, они сократили дистанцию до двадцати пяти миль на северо-северо-восток. Но последние замеры делали два дня назад, и, похоже, за это время сильные северо-восточные ветра значительно отогнали их на запад.

Более того, открытая вода сейчас была в основном на юго-западе, по направлению к острову Короля Георга, находившемуся на расстоянии восьмидесяти с лишним миль. Шеклтон тут же принял решение: они оставят попытки доплыть до островов Кларенс или Элефант, и вместо этого — благодаря попутному ветру — воспользуются шансом добраться до острова Короля Георга.

В любом случае это было самое предпочтительное место. Острова Кларенс и Элефант находились в отдалении, и, насколько было известно Шеклтону, к ним никогда никто не подплывал. Но от острова Короля Георга за несколько небольших

морских переходов от одного острова к другому, самый длительный из которых занял бы всего девятнадцать миль, они могли добраться до острова Десепшен. Там застывшая в свое время вулканическая лава образовала отличную гавань, и в это место часто заплывали китобои. Считалось, что на острове Десепшен есть тайник с едой для тех, кто потерпел крушение. Но самое главное — там была небольшая простенькая часовня, построенная китобоями. Даже если бы к острову не причалил ни один корабль, Шеклтон рассчитывал разобрать церковь и использовать ее древесину для постройки достаточно большой шлюпки, которая сможет вместить их всех.

Во второй половине дня они плыли на юго-запад. Около половины четвертого Шеклтон дал сигнал поднять паруса, и почти тут же неравенство сил трех шлюпок снова стало очевидным. «Кэйрд» ловко рассекал воду, за ним шел «Докер», а «Уиллс» плелся сзади, все сильнее отставая от остальных. Спустя какое-то время Шеклтон подвел «Кэйрда» под ледяное укрытие и крикнул Уорсли, чтобы тот вернулся за «Уиллсом». «Докеру» потребовалось около часа, чтобы проплыть против ветра, взять «Уиллса» на буксир и вернуться к «Кэйрду».

К тому времени, как все три шлюпки воссоединились, начало заметно темнеть. Шеклтон боялся, что в темноте они столкнутся со льдами. На всех шлюпках убрали паруса и взялись за весла. В последних лучах света нашли казавшуюся крепкой льдину и подплыли близко к ней. Но этой ночью они не стали разбивать лагерь — Шеклтон считал, что больше никогда не стоит этого делать. Они выучили урок, преподанный им дважды, и не хотели повторять прошлые ошибки. Единственным человеком, выбравшимся на льдину, был Грин, перетащивший с собой жировую печь и припасы. Он приготовил тюленью похлебку и подогрел молоко. Все ели, сидя в шлюпках.

Закончив, решили немедленно отплывать. Быстро подготовили шлюпки и выстроили их в ряд. «Докер» пошел первым. Они очень медленно двигались на юго-запад. Решили грести посменно, по два человека. Остальные члены экипажа выполняли функции дозорных. Сидя на носу шлюпки, каждый дозорный наблюдал за краем льдов, стараясь удержать свое судно за этой защитной линией. Кроме того, он внимательно следил за тем, чтобы не врезаться в айсберги и крупные льдины. Пошел снег: большие влажные снежные хлопья налипали на все поверхности, но тут же таяли. Из-за снега дозорным приходилось еще сильнее напрягать глаза, чтобы увидеть в темноте движение льдов.

Смены на веслах длились недолго, люди сменялись очень

часто. Это был единственный способ согреться. Любой, кто не стоял на веслах, вместе с дозорными делал все возможное, чтобы кровь продолжала течь в жилах. Не было и речи о том, чтобы уснуть, поскольку лечь было негде. Дно каждой шлюпки было завалено вещами, места едва хватало для ног. На носу много места занимали спальные мешки и палатки, а две банки, на которых сидели гребцы, должны были оставаться свободными. Поэтому тем, кто был не занят, приходилось сидеть на маленьком пятачке в центре шлюпки, прижавшись друг к другу, чтобы сохранять тепло.

Внезапные всплески воды, звучавшие вокруг всю ночь, больше всего напоминали звук парового клапана под действием сильного давления и говорили о присутствии китов. Именно они больше всего тревожили людей в течение этой долгой темной ночи. Поднимаясь на поверхность за очередным глотком воздуха, киты могли отбросить в сторону или вообще перевернуть любую большую льдину. К тому же способность китов отличать нижнюю часть льдин от белого дна шлюпок вызывала большие сомнения.

Около трех часов ночи все оцепенели от истерического крика Хадсона. «Свет! Свет!» — показывал он на северо-запад. Все вскочили с мест и впились взглядами туда, куда показывал Хадсон. Радость длилась всего лишь одно короткое жестокое мгновение — люди быстро пришли в себя, осознав абсурдность такого предположения. Все вернулись на свои места, проклиная Хадсона за то, что напрасно подал им надежду. Но Хадсон настаивал, что видел свет, и еще несколько минут обиженно ворчал себе под нос, поскольку никто ему не поверил.

К пяти часам 12 апреля небо начало светлеть. Вскоре рассвет озарил своим сияющим великолепием весь горизонт. Солнце постепенно взбиралось вверх по безоблачному небу. Казалось, один только этот вид менял все их взгляды на происходящее. Они подплыли к большой льдине, и Грин снова вышел на нее, чтобы приготовить похлебку и горячее молоко. После завтрака все продолжили двигаться на юго-запад, подняв паруса. Условия были отличными: шлюпки шли по широким разводьям, охраняемым линией льдов, на которых лежали сотни тюленей.

Около половины одиннадцатого Уорсли достал свой секстант. Держась за мачту «Докера», он сделал тщательные замеры — впервые с тех пор, как команда покинула лагерь Терпения. В полдень он снова повторил операцию. Все с нетерпением ожидали результатов. Пока Уорсли на «Докере» производил нужные расчеты, путешественники на трех шлюпках томились в беспокойном ожидании. Они видели выражение его лица, когда он замерял две линии, показывающие их

местоположение. Ему потребовалось больше времени, чем обычно, и выглядел он при этом весьма озадаченным. Люди волновались все сильнее, но Уорсли упрямо снова и снова перепроверял свои расчеты. Наконец он еще раз пробежал взглядом по цифрам и поднял голову. Шеклтон на «Кэйрде» приблизился к «Докеру», и Уорсли показал ему нынешнее положение команды — 62°15′ южной широты, 53°7′ западной долготы.

Они были в ста двадцати четырех милях от острова Короля Георга, находившегося на востоке, и в шестьдесят одной миле от острова Кларенс, лежавшего на юго-востоке, — то есть на двадцать две мили дальше от земли, чем когда три дня назад отплыли из лагеря Терпения!

Глава 23

Люди постоянно плыли на запад, подгоняемые сильными восточными ветрами и все-таки двигались в противоположном направлении. Они оказались на двадцать миль восточнее того места, откуда стартовали, и на пятьдесят миль восточнее той точки, в которой, как им казалось, находятся. Эти новости настолько ошеломили всех, что некоторые просто отказывались верить услышанному. Так не могло быть. Уорсли ошибся. Но нет. Вскоре он сделал замеры в третий раз — и стало ясно, что остров Жуанвиль, который они видели две недели назад, сейчас находился в восьмидесяти милях от них.

Они попали в какое-то неизвестное и непонятное течение — настолько мощное, что оно смогло снова затащить их назад, в пасть бури.

Чтобы добраться до острова Короля Георга, им следовало плыть против течения, поэтому Шеклтон в третий раз объявил о смене пункта назначения. На этот раз им стал залив Надежды, находившийся в ста тридцати милях от них на оконечности Антарктического полуострова, за островом Жуанвиль. Шлюпки стали продвигаться на юг. Уставшие и обескураженные, потерявшие надежду на скорую встречу с землей, люди сидели на своих местах в скорбном молчании.

Позже днем ветер с северо-северо-запада усилился, и шлюпки столкнулись с обломками льдов, что Шеклтон счел опасным в условиях темноты. Он отдал приказ сменить курс. Уорсли настаивал на том, чтобы они продолжили плыть на веслах, но Шеклтон отказался. Они попытались найти льдину, к которой смогли бы привязать шлюпки на ночь. Но поблизости не оказалось даже достаточно крупного куска льда, чтобы высадить туда Грина с его печью. Самое лучшее, что они нашли, — небольшая льдина, к которой сначала подошел «Докер», затем «Уиллс» и наконец «Кэйрд». Даже просто подплыть было трудно из-за волнения моря, побрасывавшего и шлюпки, и льдину. Прошло около часа до того момента, когда работа была окончена.

На каждую шлюпку натянули палаточный тент и с неимоверными усилиями растопили маленькие примусовые печи, чтобы разогреть молоко. Они сделали его обжигающе горячим, выпили и забрались под сотрясавшуюся от порывов ветра ткань. Увы, наслаждаться роскошью тепла довелось недолго, потому что возникла новая угроза. Большие куски льда начали дрейфовать вокруг их льдины с подветренной стороны, именно там, где были закреплены шлюпки.

Тент, укрывавший шлюпки, отбросили в сторону. Вооружившись веслами и багром, люди разместились по краям шлюпок и начали отталкивать приближающиеся куски льда, чтобы во время волнения те не ударились о борт судна. Эта борьба, возможно, продолжалась бы всю ночь. Но около девяти часов буквально за несколько минут ветер внезапно сменился на юго-западный. Оказавшись на наветренной стороне, льдина больше не могла защитить их; шлюпки неумолимо несло на ее острые края. Шеклтон крикнул, что надо уходить, и гребцы бросились занимать свои места. Все произошло так быстро, и ветер бушевал с такой силой, что не хватило времени даже отвязать трос «Докера», которым он был прикреплен к льдине, поэтому пришлось его отрезать. Люди гребли с отчаянием безумцев до тех пор, пока не отошли от льдины на безопасное расстояние.

Снова пошел густой мокрый снег. Температура начала снижаться из-за ветра, дувшего со стороны полюса. Вскоре поверхность моря буквально на глазах стала замерзать и трансформировалась в резиноподобную массу, которая позже превратилась в блинчатый лед[34].

Шеклтон приказал «Докеру» идти первым. «Кэйрд» должен был следовать за ним, а «Уиллс» — замыкать цепочку. К десяти часам им удалось выстроиться в такой последовательности.

И снова, уже вторую ночь подряд, измученные люди не спали. Некоторые пытались согреться, прижимаясь друг к другу, и хоть ненадолго уснуть. Но было невыносимо холодно. Термометры Хасси лежали где-то далеко, поэтому точные замеры он сделать не мог, но Шеклтон предполагал, что было около четырех градусов ниже нуля. Они даже слышали, как замерзает вода, превращающаяся в лед прямо у них на глазах. Это сопровождалось легким хрустом. Свежий лед на все лады скрипел и шипел, поднимаясь на волнах и тут же покрываясь падавшим снегом.

Одежда путешественников, промокшая от брызг и снега, буквально сразу дубела на морозе. К тому же она была невероятно изношенной и залоснившейся от естественных выделений человеческих тел за шесть месяцев постоянного ношения. Если человек двигался, пусть даже немного, его кожа тут же соприкасалась с твердой заледеневшей одеждой. Все пытались сидеть, не шевелясь, но это было невозможно. Усталость, недостаток еды, напряжение и тревога ослабили их настолько, что чем неподвижнее они старались сидеть, тем больше дрожали. Собственная дрожь не давала людям уснуть. Лучше было грести. Шеклтон сомневался, что все благополучно

переживут эту ночь.

Уорсли, казалось, уже раз сто спросили, который час. Каждый раз он запускал руку под рубашку и доставал хронометр, который носил на шее, прикрепив к веревке, и согревал теплом своего тела, чтобы не заморозить. Поднося его близко к лицу, он пытался рассмотреть стрелки в тусклом сиянии луны, проникавшем сквозь тонкие снежные облака. Это стало чем-то вроде страшной игры — кто продержится дольше, не спросив, который час. Когда, наконец, кто-то не выдерживал, все тут же поднимали голову в ожидании ответа Уорсли.

Но рассвет все же наступил. На каждом лице отчетливо отпечатались мучения прошедшей ночи. Белые, будто высушенные щеки; глаза, красные от соленых брызг и от того, что удалось поспать лишь один раз за последние четыре дня. На спутанные бороды падал снег, мгновенно замерзая в виде бесформенной белой массы. Шеклтон вглядывался в лица своих людей в поисках ответа на вопрос, беспокоивший его больше всего. Как долго они еще выдержат? Но он не находил ответа. Некоторые, казалось, были уже на грани, а на лицах других читалась твердая решимость выдержать все. По крайней мере они все пережили эту ночь.

Вскоре после рассвета ветер сменился на юго-восточный, и заметно посвежело. Шеклтон крикнул Уорсли, чтобы тот подвел «Докера» к «Кэйрду». После небольшого совещания они объявили о смене места назначения в четвертый раз. Появился юго-восточный ветер — значит, они снова попробуют добраться до острова Элефант, который находился сейчас в ста милях на северо-запад от них, и будут молиться Богу, чтобы ветер не менялся значительно до тех пор, пока они туда не доберутся.

После перераспределения припасов, рассчитанного на то, чтобы «Уиллс» стал легче, все шлюпки подняли паруса и выстроились в ряд. Первым шел «Кэйрд». Перегнувшись за борт, люди отталкивали куски льда, чтобы было легче плыть. Несмотря на это, не обошлось без столкновений, и борт «Кэйрда» слегка проломился от удара одной особенно большой льдины. К счастью, дыра была выше уровня воды, но Шеклтон все же приказал убрать паруса, чтобы избежать дальнейших повреждений.

Примусовые печи снова зажгли, чтобы приготовить еще немного горячего молока. Кроме того, Шеклтон разрешил людям есть все, что они хотят, чтобы повысить сопротивляемость холоду и восполнить недостаток сна. Но ободряюще это прозвучало не для всех, поскольку некоторые страдали еще и от морской болезни. Хуже всего приходилось Орд-Лису, по крайней мере он больше всех жаловался. Но ему никто не сочувствовал. С тех пор

как они пересели в шлюпки, Орд-Лис работал меньше остальных. Часто, когда подходила его очередь грести, он умолял Уорсли отпустить его, ссылаясь на то, что ему плохо, или на то, что он не умеет хорошо это делать. Уорсли было трудно оставаться суровым, а желающих грести, чтобы согреться, и так было предостаточно. Поэтому Орд-Лису часто разрешали пропустить свою очередь. В тех редких случаях, когда его стыдили и заставляли грести, он демонстрировал полную неспособность справиться с веслами — и его быстро освобождали. Несколько раз, садясь грести перед Керром, он слегка сбивался с ритма. Благодаря этому, отклоняясь назад после каждого гребка, он ударялся спиной о пальцы Керра. Проклятия, угрозы — ничто не могло на него повлиять. Казалось, он просто не слышит. В конце концов Керр просил Уорсли заменить Орд-Лиса.

Когда Шеклтон разрешил без ограничений есть любые имеющиеся продукты, все на «Докере» дразнили Орд-Лиса. Каждый хотел убедиться в том, что Орд-Лис видит, как они наедаются, чтобы ему от этого стало еще хуже.

К одиннадцати часам потрескавшийся лед начал истончаться. Но, несмотря на это, шлюпкам все еще приходилось преодолевать большие участки замерзшей в очередной раз снежной каши. В это же время команда наблюдала за тем, как на блинчатый лед выбросило тысячи мертвых рыбок длиной около семи дюймов, которые, по всей видимости, погибли из-за холодного течения. С неба на лед спускались глупыши и снежные буревестники, чтобы съесть нежданную добычу.

Все это время ветер усиливался. Ближе к полудню он почти превратился в бурю и очень быстро помог шлюпкам развить невиданную скорость.

Незадолго до полудня их вынесло изо льдов в открытое море.

Перемены происходили с невероятной быстротой. До этого удары волн, накатывавших с северо-запада, смягчались льдами. Но теперь преград не существовало, и волны подхватывали шлюпки с неукротимой яростью. Тем не менее приходилось держать курс прямо на них, и спустя несколько минут шлюпки уже подбрасывало на волнах. Картина разбушевавшейся стихии открывалась взглядам по меньшей мере на четверть мили вперед. На самых вершинах волн, куда забрасывало шлюпки, ветер взвизгивал, завывал, обдавал их легкими моросящими брызгами. Затем шлюпки уносило вниз. Они опускались медленно, но по очень крутой траектории, готовясь к столкновению со следующей волной. И этот цикл повторялся снова и снова. Вскоре льды совсем исчезли из поля зрения. А шлюпки безостановочно продолжало швырять на гигантских волнах.

Они будто окунулись в бесконечность, оказавшись на пустынном и враждебном просторе океана. Шеклтон вспомнил строки из Кольриджа:

Один, один, всегда один
Один среди зыбей!

Как плачевно они выглядели: три шлюпки с людьми, которые раньше были грандиозной экспедицией, а теперь превратились в команду из двадцати восьми человек в отчаянном, почти нелепом положении, из последних сил боровшихся за выживание. Но на этот раз пути назад уже не было, и они об этом знали.

Все мертвой хваткой вцепились в края шлюпок. Несмотря на то что они отлично продвигались, прогресс давался нелегко. Из «Докера» и «Уиллса» постоянно приходилось вычерпывать воду. Все сидели лицом к корме, прямо навстречу порывам ветра, но это было едва ли лучше, чем смотреть вперед и попадать под жалящие брызги воды.

Во второй половине дня ветер усилился, поэтому Шеклтон приказал подтянуть паруса, уменьшив их площадь. Так они шли, пока не стемнело. На закате Уорсли подвел «Докера» к «Кэйрду» и попытался убедить Шеклтона двигаться дальше, но тот наотрез отказался, ведь даже днем шлюпкам было тяжело держаться вместе, а ночью это будет просто невозможно. Предложение Уорсли привязать шлюпки на ночь друг к другу и грести в таком положении тоже не вызвало одобрения.

Шеклтон был убежден, что в целях безопасности они должны держаться вместе. Благополучное продвижение «Кэйрда» и «Уиллса» прямо зависело от навигаторских способностей Уорсли, и Шеклтон осознавал, что за «Уиллсом» постоянно нужно присматривать. Не только потому, что это была наименее приспособленная к такому путешествию шлюпка, но и потому, что командовавший ею Хадсон из-за постоянного напряжения начал ослабевать как физически, так и морально. Шеклтон был уверен, что, отстав от остальных, «Уиллс» непременно сразу же затеряется.

Он решил, что все три шлюпки проведут ночь дрейфуя, и потому приказал «Докеру» стать на якорь. Затем «Кэйрда» привязали к корме «Докера», после чего таким же образом закрепили «Уиллса». Окоченевшими пальцами Уорсли, Гринстрит и Маклеод крепко связали три весла, протянув поверх них кусок ткани. Эту конструкцию привязали к длинному тросу и закрепили вдоль бортов шлюпок. Когда все было готово, люди снова заняли свои места, чтобы дождаться утра.

У них еще не было ночи хуже этой. Тьма сгущалась, ветер усиливался, температура падала. Сделать замеры по-прежнему не представлялось возможным, но сейчас, вероятно, было около восьми градусов мороза. Царил ужасный холод, брызги волн, ударявшихся о борта шлюпок, замерзали прямо в воздухе, на лету. Задолго до наступления темноты стало ясно, что якорь не удержит их при таком ветре. Волны то и дело подбрасывали шлюпки то вверх, то вниз, атакуя мощными ударами их борта. Люди, вещи, шлюпки — все сначала промокало, а затем замерзало. Большинство пыталось укрыться под парусиной палаток, но безжалостный ветер проникал и туда.

В носовой части «Кэйрда» выделили место, где сразу четыре человека могли греться в куче спальных мешков, и люди по очереди менялись местами, тщетно пытаясь там поспать. На «Докере» хватало места лишь на то, чтобы сидеть прямо, прижавшись друг к другу, причем ноги людей были зажаты ящиками. В шлюпку постоянно проникала вода. Войлочные сапоги насквозь пропитались ледяной влагой. Чтобы ноги не окоченели, приходилось постоянно шевелить пальцами. Боль в ногах была отрадным признаком, потому что ее отсутствие означало бы, что началось обморожение. Из последних сил им приходилось сосредотачиваться и заставлять себя продолжать шевелить пальцами — ведь остановиться было так ужасающе легко и заманчиво.

Время тянулось мучительно долго, страдания людей усиливались с каждой минутой, и экипаж «Докера» отбивался единственным до смешного жалким оружием — проклятиями. Они проклинали все, что можно: море, шлюпки, брызги, холод, ветер, иногда друг друга. В их проклятиях звучала мольба, будто бы они молили об избавлении от страданий, которые становились совсем невыносимыми из-за воды и мороза. Больше всего они проклинали Орд-Лиса, который оказался обладателем единственной штормовки и ни за что не желал ни с кем ею делиться. Более того, отпихнув Мэрстона, он протиснулся в самое удобное место и занял там надежную оборону, открыто игнорируя сыпавшиеся на него ругательства возмущенных товарищей. Наконец Мэрстон сдался и перебрался на корму, приютившись у румпеля рядом с Уорсли. Какое-то время был слышен лишь стон ветра в снастях. Затем, чтобы дать выход эмоциям, Мэрстон начал петь. Он спел одну песню, помолчал немного, затем затянул другую. Усталым высоким голосом он повторял тоскливый припев:

Тванкедилло, Тванкедилло,

И ревущие волынки
Сделаны из плакучей ивы.

Всю ночь путешественники мучились от постоянного желания мочиться. Конечно, главной причиной был холод, но оба врача считали, что ситуация усугублялась и другим фактором: люди все время были промокшими, поэтому их кожа интенсивно поглощала воду. Тем не менее, какой бы ни была причина, всем по несколько раз за ночь приходилось покидать относительно комфортное укрытие из парусины и пробираться к подветренной стороне шлюпки. К тому же у многих началась диарея из-за того, что приходилось постоянно есть сырой пеммикан, поэтому им приходилось внезапно подскакивать, бежать к бортику и, держась за канаты, сидеть на холодном планшире. При этом их неизбежно окатывало снизу ледяной водой.

Хуже всего сейчас было на «Уиллсе». Вода, проникавшая в него, иногда поднималась до коленей. Маленький моряк Уолли Хоу испытывал настоящий ужас — он боялся, что косатка может перевернуть их шлюпку вверх дном. Кочегар Стивенсон то и дело плакал, закрывая лицо руками. Блэкборо, настоявший на том, чтобы носить кожаные сапоги, оставив войлочные «про запас» на будущее, через несколько часов совсем перестал чувствовать ступни. А у Хадсона, простоявшего у руля почти семьдесят два часа без перерыва, развилась сильная боль в левой ягодице, которая с каждым часом только усиливалась, потому что часть мягких тканей начала опухать. Все чаще из-за боли Хадсону приходилось сидеть боком, поэтому малейшее покачивание шлюпки оборачивалось для него ужасным мучением. Помимо этого у него были серьезно отморожены руки.

Крепкий трос, связывавший «Уиллса» с «Кэйрдом», каждый раз опускался в воду и снова поднимался вверх, на ледяной воздух. Спустя какое-то время на нем образовалась толстая корка льда. Жизнь восьми человек экипажа «Уиллса» зависела от прочности этого троса. Если он разорвется, что было очень вероятно, «Уиллс» тут же окажется во власти моря и погибнет задолго до того, как команда успеет сбить лед с паруса и поднять его.

Шлюпки все больше тяжелели от намерзавшего на них льда, но «Уиллс» страдал сильнее других. Попадавшая в него вода насквозь пропитывала спальные мешки в носовой части, и они тут же начинали покрываться льдом. С каждым погружением в воду носовая часть шлюпки все сильнее обрастала новыми слоями льда, которые тянули ее вниз, изменяя центр тяжести. Поэтому

каждые полчаса и даже чаще приходилось посылать вперед человека, чтобы сбить лед, пока шлюпка из-за него не пошла ко дну.

Последним из мучений была жажда. Они так быстро и неожиданно покинули зону паковых льдов, что совсем не успели взять с собой запас льда, который можно было растопить и превратить в воду. С прошлого утра им нечего было пить, и жажда лишь усиливалась. Рты пересохли, полуобмороженные губы начали опухать и трескаться. Некоторые, пытаясь есть, не могли глотать, а из-за голода усиливалась морская болезнь.

Глава 24

К трем часам ночи ветер начал затихать, а к пяти утра превратился в легкий бриз. Море стало постепенно успокаиваться.

Небо прояснилось, и солнце засияло незабываемым блеском, поднимаясь все выше в розовом тумане, который вскоре растворился в пылающем золоте.

Это был больше чем просто восход солнца. Казалось, он наполнил души измученных людей светом, вдохнул в них жизнь. Все завороженно смотрели, как отступает тьма, как под действием солнечного света исчезают темные дикие несчастья ночи, которая наконец была позади.

Когда солнце поднялось еще выше, по правому борту все заметили вершины острова Кларенс, а чуть позже и Элефант — землю обетованную, которая находилась сейчас не более чем в тридцати милях. Радуясь этому долгожданному моменту, Шеклтон поблагодарил Уорсли за отличную навигацию. Сильно замерзший Уорсли отвернулся, пытаясь скрыть гордость.

Они смогут достичь земли до наступления ночи, если не будут терять времени. Шеклтон тут же отдал приказ продолжать путь. Но это было не так легко. С наступлением рассвета проявились ужасные последствия ночи. На многих лицах появились уродливые белые круги — результат обморожения. Почти все покрылись нарывами из-за соленой воды, которые, лопаясь, выделяли серую, похожую на творог массу. Макелрой с «Уиллса» окрикнул Шеклтона и доложил, что ступни Блэкборо, скорее всего, окончательно отморожены и отмирают, потому что он так и не смог восстановить в них кровообращение. Да и сам Шеклтон выглядел изможденным. Его голос, который всегда был громким и ясным, теперь охрип от изнеможения. На «Докере» и «Уиллсе» было очень много льда, как снаружи, так и внутри. На то, чтобы отодрать его и подготовить шлюпки к отплытию, потребовалось больше часа.

Когда пришло время поднимать якорь, Читэм и Холнесс перегнулись через борт «Докера», пытаясь замерзшими пальцами, которыми едва могли двигать, развязать ледяной узел.

В этот момент «Докер» поднялся на волне, а затем резко устремился вниз. Холнесс не успел поднять голову, и ему морским якорем выбило два зуба. Из глаз невольно хлынули слезы, которые, стекая на бороду, мгновенно превращались в ледяные капли. Читэм и Холнесс так и не смогли отвязать якорь. Пришлось разрезать трос и поднять его на борт вместе с якорем и

намерзшим на нем льдом.

Весла тоже примерзли к бортам, и их пришлось отдирать. Попытались сбить с весел ледяную корку, но два из них все еще оставались очень скользкими, а потому просто выскользнули из уключин и упали за борт. К счастью, «Кэйрду» удалось отыскать одно весло, но второе все-таки унесло в открытое море.

Наконец к семи часам шлюпки были готовы. На завтрак выдали орехи и печенье, но мало кто мог есть — жажда стала просто невыносимой. Шеклтон предложил жевать сырое тюленье мясо, чтобы попробовать глотать кровь. Всем быстро раздали небольшие кусочки замороженного мяса. Спустя несколько минут жевания и высасывания кровяного сока люди смогли глотать и набросились на еду с такой жадностью, что Шеклтон понял: такими темпами припасы очень скоро закончатся. Поэтому он приказал выдавать сырое мясо только в случае, если для кого-то жажда станет совершенно невыносимой.

Они подняли паруса, и в то же время работали веслами, двигаясь к западной оконечности острова Элефант, чтобы компенсировать занос из-за юго-западного ветра.

На «Докере» Маклин и Гринстрит сняли обувь и поняли, что ноги отморожены, причем у Гринстрита гораздо сильнее, чем у Маклина. Как ни странно, Орд-Лис сам предложил разогреть с помощью массажа ноги Гринстрита. Он долго их разминал, затем расстегнул рубашку и приложил полуотмерзшие ноги Гринстрита к своей теплой голой груди. Спустя какое-то время Гринстрит почувствовал боль: кровь снова прилила к сосудам.

Они гребли час за часом, очертания острова Элефант становились все четче. К полудню прошли почти половину расстояния, а в час тридцать находились менее чем в пятнадцати милях от заветной цели. Они не спали почти восемьдесят часов и были ужасно истощены. Казалось, из людей уходит жизнь. Но уверенность в том, что они будут на земле еще до наступления темноты, придавала сил. Сейчас они могли или плыть, или погибнуть, и потому, несмотря на тошнотворную жажду, изо всех сил налегали на весла.

К двум часам дня прямо по курсу показались величественные заснеженные пики острова Элефант высотой около трех с половиной тысяч футов, находившиеся не более чем в десяти милях от них. Однако спустя час они по-прежнему оставались на том же расстоянии от острова, не приближаясь и не отдаляясь. Они гребли изо всех сил, но стояли на месте. Сам собой напрашивался вывод: вероятнее всего, они попали в сильное течение, уносившее их от берега. Подул северный ветер, поэтому пришлось убрать паруса.

Шеклтон с каждой минутой все больше волновался о том, как доставить людей на берег. Поэтому он приказал связать шлюпки, выстроив их цепью — одну за другой во главе с «Докером». Ему казалось, что это поможет увеличить скорость. Но его надежды не оправдались. Около четырех часов дня ветер снова сменился на западный. Они тут же взялись за весла и подняли паруса, пытаясь поймать его. Но «Уиллсу» это было не под силу, поэтому «Кэйрду» пришлось взять его на буксир. И все равно они практически не продвигались против течения.

К пяти часам вечера ветер ослабел. В сгущавшихся сумерках они снова взялись за весла и начали отчаянно грести, надеясь достичь берега до наступления темноты. Но спустя полчаса снова поднялся ветер с западо-юго-запада и за пятнадцать минут разогнался до пятидесяти миль в час. Уорсли подвел «Докера» к «Кэйрду». Перекрикивая ветер, он попытался убедить Шеклтона разделить шлюпки и попробовать добраться до острова Элефант по отдельности.

Шеклтон впервые согласился разделиться; по крайней мере он получил на это одобрение Уорсли. Тем не менее «Уиллса» все-таки оставили привязанным к «Кэйрду», и Шеклтон попросил Уорсли сделать все возможное, чтобы оставаться в зоне видимости. К тому времени, как «Докера» отвязали, стало совсем темно. Остров близко, но насколько? Определить было невозможно — может, десять миль, может, меньше.

Высоко в небе виднелся призрачно бледный лунный диск. Его свет просачивался сквозь облака, отражаясь от ледников острова, которые оставались единственным ориентиром. Иногда порывы ветра были настолько сильными, что экипажу «Кэйрда» приходилось все время сидеть скрючившись, чтобы укрыться от жалящих брызг. Но на «Докере», и особенно на «Уиллсе», от них спрятаться было просто невозможно.

Тем, кто стоял у руля, приходилось тяжелее всего, и около восьми часов вечера напряжение начало сказываться на состоянии Уайлда, который находился у румпеля «Кэйрда» вот уже двадцать четыре часа без перерыва. Шеклтон приказал Макнишу сменить его, но плотник и сам уже еле стоял на ногах. Примерно полчаса Макниш продержался в качестве рулевого, а затем, несмотря на разрывающий одежду ледяной ветер и жалящие лицо брызги, резко уронил голову на грудь и уснул. Задняя часть шлюпки тут же угрожающе качнулась параллельно попутному ветру, и огромная волна захлестнула палубу. Это разбудило Макниша, но Шеклтон приказал Уайлду снова занять место у руля.

Их ближайшей целью была юго-восточная часть острова.

Завернув туда, они окажутся под защитой береговой полосы и смогут спокойно найти место, куда можно подойти на шлюпках. Примерно в половине десятого вечера отражение луны в ледниках острова показалось им очень близким, и все поняли, что находятся почти у берега.

Вдруг необъяснимым образом они снова стали терять землю из виду. Глядя по сторонам, они видели, что быстро плывут к земле, но при этом земля постепенно ускользает от них. Ничего не оставалось делать, кроме как пытаться плыть еще быстрее.

Около полуночи Шеклтон взглянул направо и не увидел «Докера». Вскочив на ноги, он стал напряженно всматриваться вдаль, пытаясь разглядеть шлюпку среди бушующих вод, но напрасно. С тревогой в голосе он приказал зажечь свечу в нактоузе и поднять его повыше к парусу. Ответного сигнала не последовало.

Шеклтон приказал найти коробку спичек и попросил Хасси зажигать их по одной каждые несколько минут. При этом нужно было держать их так, чтобы пламя освещало парус. Хасси принялся по одной зажигать спички, а Шеклтон напряженно вглядывался в темноту. Сигнала от «Докера» не было.

Но они пытались ответить. Их разделяло расстояние не более полумили, и многие на «Докере» видели в темноте сигнал «Кэйрда». По приказу Уорсли они достали свою единственную свечу и зажгли ее под парусом. Затем, пытаясь ответить на сигнал Шеклтона, они держали свечу таким образом, чтобы свет проходил сквозь парусину, но его так никто и не увидел.

Мгновение спустя все попытки ответить «Кэйрду» были оставлены — «Докера» сильно подбросило на мощной волне. Уорсли едва смог удержать контроль над шлюпкой. Все бросились убирать парус и даже сняли мачту, которая могла в любую секунду сломаться из-за страшной качки. Они достали весла и начали грести, пытаясь выровнять шлюпку. Но она то взлетала на невидимых в темноте волнах, но падала в темную пропасть.

Уорсли приказал Орд-Лису взять весло, но тот начал умолять избавить его от такой работы. Он убеждал Уорсли, что гребет недостаточно хорошо для столь опасной ситуации. И вообще, сейчас слишком мокро. В конце концов, эти двое начали кричать друг на друга в кромешной темноте, а из каждого угла шлюпки слышались проклятия в адрес Орд-Лиса. Но все было тщетно, и наконец Уорсли с отвращением махнул рукой — жест, означавший «иди-ка ты отсюда». Орд-Лис тут же с готовностью забрался на дно и отказывался перебраться в другое место, несмотря на то что своим весом нарушал равновесие шлюпки.

Гринстрит, Маклин, Керр и Мэрстон, сидевшие на веслах, буквально падали от изнеможения, силы их были на исходе. Спустя какое-то время Уорсли решил рискнуть и снова поднять парус. Он бросал «Докера» прямо в пасть кровожадному ветру, держа парус как можно ниже, чтобы они более или менее ровно закрепились на волнах. Уорсли воспользовался всеми своими способностями и опытом, накопленным за двадцать восемь лет в плаваниях, чтобы развернуть и выровнять шлюпку, но ее почти не удавалось контролировать. Более того, из-за воды, просачивающейся внутрь, она стала медленной и неповоротливой. Орд-Лис, до этого лежавший на дне, вдруг сел и выпрямился. Казалось, он внезапно осознал, что шлюпка тонет, поэтому схватил чайник и принялся вычерпывать воду. Читэм присоединился к нему, и они вдвоем стали упорно бороться с подступавшей водой, выливая ее за борт. Через какое-то время «Докер» снова выровнялся и поднялся над водой.

Было уже около трех часов ночи, и Уорсли начал слабеть. К этому моменту он просидел лицом к ветру так долго, что теперь уже не мог нормально видеть и правильно оценить расстояние. Он изо всех сил боролся со сном, но все-таки начал засыпать. Вот уже пять с половиной дней люди находились в шлюпках, и за это время имели возможность увидеть Уорсли в совершенно ином свете. Раньше его считали восторженным, диковатым и даже безответственным. Но сейчас все изменилось. За последние дни он продемонстрировал почти феноменальный талант навигатора и все необходимые навыки для командования небольшой шлюпкой. Ни один другой человек в команде не мог бы с ним сравниться, поэтому Уорсли поднялся в их глазах на совершенно новую высоту.

И вот теперь, сидя на корме, он засыпал от усталости. Заметив это, Маклин предложил сменить его. Уорсли согласился, но, попытавшись встать, понял, что не может выпрямиться. Он просидел в одном положении почти шесть дней. Маклеод и Мэрстон помогли ему встать, перетащив с кормы на скамью и ящики с припасами. Уорсли уложили на дно шлюпки и начали растирать бедняге живот и бедра до тех пор, пока мышцы не стали разогреваться. К этому моменту он уже глубоко спал.

Гринстрит тоже воспользовался небольшой паузой для отдыха, но в нужный момент проснулся и сменил Маклина у румпеля. Никто из них не подозревал, где они могли быть. Все боялись одного — открытого моря. Между островами Элефант и Кларенс существовал небольшой проход шириной примерно четырнадцать миль, а за ним начинался пролив Дрейка. Они давно не понимали, где находятся, а именно с тех пор, когда

сгущались сумерки и до острова Элефант оставалось примерно десять миль. Но теперь стало совсем темно, и ветер дул на юго-запад, толкая их прямо к злополучному проходу. Если их пронесет по нему, то шанс развернуться против ветра и попытаться доплыть до острова был практически равен нулю. Как бы то ни было, Гринстрит и Маклин откровенно признались друг другу: они уверены, что «Докер» уже давно находится в открытом море и положение его безнадежно.

Незадолго до этого разбился компас «Докера», и единственным ориентиром оставался небольшой серебряный карманный компас Уорсли. Маклин и Гринстрит натянули над головами парусину. Маклин зажигал спички, одну за другой, а Гринстрит пытался снять показания компаса. Но даже в таком укрытии ветер безжалостно гасил спички, едва их зажигали. Тогда Маклин достал нож и стал разрезать головки спичек, чтобы они горели дольше, — и тогда Гринстрит увидел наконец стрелки компаса. Каждые несколько минут они ныряли в свое укрытие и сверялись с компасом, надеясь, что шлюпку уносит на юго-запад, и уповая на то, чтобы их хотя бы не вынесло в открытое море.

Все люди на «Докере» были на грани изнеможения, им казалось, что даже ветер начал кричать на каких-то новых частотах. Но вот наконец на востоке небо начало слегка светлеть, очень медленно. Как долго осталось ждать настоящего рассвета, никто не знал. Время тянулось нестерпимо медленно. Даже невыносимая жажда после сорока восьми часов, проведенных без воды, отошла на задний план — все ждали восхода солнца, чтобы узнать свою судьбу. Втайне каждый готовился увидеть перед собой лишь море или в лучшем случае далекие, недостижимые острова там, откуда дул ветер.

Постепенно показалась сначала поверхность моря, а потом прямо по курсу, за туманами, высокие серо-коричневые скалы острова Элефант — менее чем в одной миле от них. Это расстояние казалось таким маленьким, как будто оставалось не более нескольких сотен ярдов. Счастью изможденных людей не было предела. И только изумление уступило место долгожданному огромному облегчению.

Со скал на них внезапно обрушились мощные порывы ветра, скорость которого составляла не менее ста миль в час. Они набрасывались на поверхность моря, создавая волны чудовищной высоты. Мгновение спустя одна такая волна понеслась на «Докера».

Гринстрит отдал приказ убрать паруса. Тут же достали весла и пошли прямо на волны. Каким-то образом удалось направить «Докера» прямо на них, но это требовало больших усилий, а люди

были изможденны. Впереди они увидели новую волну высотой не менее шести футов, она неслась прямо на них.

Кто-то окрикнул спящего Уорсли, и Маклеод начал его трясти, пытаясь разбудить. Но Уорсли, больше похожий на мертвеца, распластавшегося в центре шлюпки, крепко спал на ящиках под промокшей до нитки парусиной. Маклеод встряхнул его еще раз. Уорсли даже не пошевелился. Тогда Маклеод пнул его ногой, снова и снова. Наконец Уорсли открыл глаза, сел и тут же понял что происходит.

«Ради Бога! — закричал он. — Разверните шлюпку! Уходите он нее! Поднять паруса!»

Гринстрит опустил румпель, и все лихорадочно бросились поднимать парус. Как только он поймал ветер, их настигла первая волна, хищно хлынувшая через корму. Гринстрита почти сбило с ног и едва не унесло в море. Через мгновение их накрыло второй волной. Наполовину затопленный «Докер» резко просел под тяжестью воды, его ход значительно замедлился. Люди принялись хватать все, что попадалось под руку, и вычерпывать воду. Кружками, шапками, даже голыми руками, сложенными «лодочкой». Остальное было не важно. Постепенно им удалось вычерпать почти всю воду. Уорсли взял румпель и повернул на север, уходя от надвигавшейся сзади бури. Он вел шлюпку прямо к прибрежным ледникам, окружавшим остров. На волнах плавали куски льда, и люди склонялись за борт, чтобы поймать их руками.

Как только это удавалось, они принимались жадно грызть и сосать лед — и долгожданная восхитительная вода наконец-то струилась по горлу.

Глава 25

Всю ночь Шеклтон, стоя на борту «Кэйрда», высматривая «Докер». И с каждой минутой его беспокойство усиливалось. Он знал о прекрасных навигационных способностях Уорсли, но такая ночь требовала чего-то большего, чем простое умение.

Несмотря на эту тревогу, у него было достаточно забот и на борту «Кэйрда». Уайлд оставался у румпеля и, когда с юго-запада на них начала надвигаться буря, он постарался держать шлюпку максимально точно по ветру, чтобы их не пронесло мимо острова. Шлюпку подбрасывало на волнах, а, когда она падала вниз, из-под нее на людей обрушивались потоки воды, укрыться от которых было невозможно. Хасси пытался привязать к парусу трос, но ветер несколько раз вырывал его из рук, поэтому Винсенту пришлось подменить уставшего товарища.

На борту «Уиллса», привязанного к «Кэйрду» условия были еще хуже. Хадсона терзала невыносимая боль в боку, и он больше не мог стоять у румпеля. Его сменил Том Крин, которого, в свою очередь, иногда сменял Билли Бэйквелл. Тщедушный Рикинсон в полуобморочном состоянии сидел чуть поодаль, прижавшись к борту. Когда Хоу и Стивенсон заканчивали вычерпывать воду, они прижимались друг к другу, пытаясь хоть немного согреться.

«Уиллса» накрывало почти каждой волной, поэтому всем приходилось сидеть по колено в воде. Как ни странно, это было даже почти комфортно, потому что вода оказалась теплее воздуха. Ступни Блэкборо уже давно не болели. Он никогда не жаловался, хотя прекрасно понимал, что развитие гангрены теперь оставалось лишь вопросом времени. Даже если выживет, мало шансов на то, что этот юноша, проникнувший полтора года назад на корабль безбилетником, когда-либо сможет ходить. Однажды посреди ночи Шеклтон обратился к нему, пытаясь подбодрить:

— Блэкборо, — раздался его окрик в темноте.

— Здесь, сэр, — ответил Блэкборо.

— Завтра мы будем на острове Элефант, — прокричал Шеклтон. — Никто из людей еще никогда не бывал там, и ты будешь первым, кто ступит на этот берег.

Блэкборо не ответил.

Шеклтон сидел на корме рядом с Уайлдом, держа руку на тросе, который связывал их с «Уиллсом». Еще до наступления темноты он проинструктировал Хадсона на случай, если «Уиллс» все-таки оторвется от них. Ему нужно будет двигаться с подветренной стороны, вероятно, к острову Кларенс, и ждать там,

пока к ним не придет помощь. Но этот приказ был простой формальностью. Шеклтон знал, что, если «Уиллс» от них оторвется, они его никогда больше не увидят. И сейчас, сидя на корме, он чувствовал, как трос, которым был привязан «Уиллс», натягивается каждый раз до предела, когда шлюпка неохотно поднимается на волне. Оглядываясь назад, он едва различал его очертания в темноте. Несколько раз трос опускался и провисал, а «Уиллс» исчезал из виду, но затем к общему облегчению появлялся снова, четко выделяясь на фоне белой пены волн.

Появились первые признаки серого рассвета, но трос, соединявший «Уиллса» с «Кэйрдом» по какому-то волшебному стечению обстоятельств пока еще был цел. Обе шлюпки шли в связке. А по левому борту над ними возвышалась земля — огромные черные скалы появились в тумане, всего в четверти мили от них. Шеклтон тут же приказал повернуть и плыть на запад против ветра. Прошло минут пятнадцать или даже меньше — и ветер внезапно прекратился. Они двигались вдоль северо-восточной оконечности острова, и теперь, наконец, были слева от земли. Шлюпки продолжали держаться западного курса, проплывая мимо огромных скал и ледников, возвышавшихся над ними. В небе кричали доминиканские чайки, пролетавшие мимо высоких скал, вулканических образований и камней, о которые яростно разбивались морские волны. Но не было никаких признаков пригодного для высадки места — ни одной маленькой бухты или подходящего участка береговой линии.

Зато везде простирался лед. Целые глыбы ледников, рухнувшие в воду и плававшие по ее поверхности. Все хватали маленькие кусочки и с наслаждением рассасывали их. Место, куда можно было причалить на шлюпке, искали около часа. Вдруг кто-то заметил крошечный, спрятавшийся за горой камней берег, покрытый галькой. Шеклтон привстал со своей скамьи, чтобы получше рассмотреть его: это было не очень надежное место. Недолго поколебавшись, он все-таки приказал обеим шлюпкам идти туда.

Когда они были примерно в тысяче ярдов от берега, Шеклтон подал знак «Уиллсу», чтобы тот подошел ближе и взял его к себе на борт. Из двух шлюпок эта была немного уже, и Шеклтон вначале хотел подойти к берегу на ней, чтобы посмотреть, сможет ли «Кэйрд» беспрепятственно пройти мимо прибрежных камней.

В то же время с запада вдоль острова плыл «Докер» в поисках подходящего берега. По оценке Уорсли со времени наступления рассвета они проплыли около четырнадцати миль, но так и не нашли места, пригодного для высадки. К тому же до сих пор они ничего не знали о судьбе «Кэйрда» и «Уиллса», хотя на часах была

уже почти половина десятого. Команда «Докера» была уверена, что только им удалось пережить эту ночь. «Бедные парни, — шептал Гринстрит Маклину. — Они все погибли».

Продолжая двигаться вдоль берега, «Докер» обогнул очередной небольшой выступ. Вдруг прямо перед ним возникли мачты «Кэйрда» и «Уиллса», покачивающихся на волнах. По какому-то невероятному стечению обстоятельств то, что «Докер» никак не мог найти подходящего места, позволило воссоединиться команде. Если бы он нашел его раньше, хоть на одну милю, обе части команды могли бы высадиться на берег недалеко друг от друга в полной уверенности, что вторая часть экспедиции погибла.

Экипаж «Докера» трижды хриплыми голосами прокричал приветствие, но их крики заглушил грохот волн. Несколько минут спустя на «Кэйрде» заметили их парус. Шеклтон поднял голову и увидел, что прямо к ним плывет «Докер». К этому времени «Уиллс» был уже недалеко от берега. Проход к нему преграждал узкий риф, о который, пенясь и шипя, бились волны. Шеклтон немного выждал, а затем отдал приказ идти вперед, и «Уиллс» спокойно проскочил мимо рифа. Со следующей волной он уже достиг берега.

Помня о своем обещании, Шеклтон разрешил Блэкборо первому выйти на берег, но тот не смог встать на ноги. Казалось, он вообще не понимает, о чем говорит Шеклтон. Тогда Шеклтон, не в силах терпеть, сам поднял парня на руки и помог ему перебраться через борт. Блэкборо упал на руки, встал на колени, затем перекатился и сел прямо у кромки прибрежных волн.

«Вставай», — приказал Шеклтон.

Блэкборо посмотрел на него снизу. «Я не могу, сэр», — ответил он.

Шеклтон внезапно вспомнил о ногах Блэкборо. В волнении и под впечатлением от высадки на берег он забыл об этом и теперь чувствовал себя виноватым. Хоу и Бэйквелл перепрыгнули через борт и оттащили Блэкборо подальше от берега.

С «Уиллса» быстро выгрузили припасы, и он подошел к «Докеру». Всех людей вместе с припасами благополучно переправили на берег. Затем с «Кэйрда» забрали необходимое количество вещей, чтобы он налегке смог миновать риф.

Пока все шлюпки благополучно причаливали к берегу, Рикинсон внезапно побледнел и через минуту осел на руках подоспевшего Гринстрита — у него случился острый сердечный приступ.

Гринстрит, еле стоявший на отмороженных ногах, с большим трудом смог удержать Рикинсона. Наконец его удалось

перетащить на берег и усадить рядом с Блэкборо. Хадсон из последних сил преодолел приливные воды, а затем просто сполз на землю. Стивенсон продолжал сидеть в шлюпке с отсутствующим выражением лица до тех пор, пока ему не помогли выбраться на берег и не усадили подальше от воды.

Они находились на земле.

Это был совсем небольшой клочок суши, около ста футов в ширину и пятидесяти в длину. Скудное место на диком побережье, всецело во власти яростного субантарктического океана. Но разве это имело значение? Они были на земле! Впервые за четыреста девяносто семь дней они ступили на землю. Твердую, непотопляемую, непоколебимую, благословенную землю.

Часть V

Глава 26

Многие бесцельно бродили по берегу, спотыкаясь о гальку или наклоняясь, чтобы поднять горсть камней. Некоторые просто ложились на землю, чтобы почувствовать ее твердость и надежность. А несколько человек какое-то время просто сидели, неудержимо дрожа и бормоча что-то невнятное себе под нос.

И тут взошло солнце. В его свете лица людей казались мертвенно бледными от истощения и обморожения, а также постоянного воздействия соленой воды. Круги под глазами были настолько темными, что казалось, будто глаза запали неправдоподобно глубоко.

Грин приготовил молоко так быстро, как только смог, и вскоре каждая кружка была полной. Они выпили его обжигающе горячим, почти кипятком, и постепенно тепло начало растекаться по телам, успокаивая напряженные до предела нервы, заставляя оттаивать заледеневшую кровь.

От того места, где они сидели у жировой печи, до скал на краю острова было около пятнадцати ярдов. Эти скалы поднимались ввысь на восемьсот футов, далее их рельеф слегка сглаживался, а потом они снова взлетали вверх примерно на две с половиной тысячи футов. Небольшой клочок земли, убежище команды, был усыпан гравием и относительно насыщен жизнью. «Жирная земля по антарктическим меркам», — писал Джеймс. Ближе к берегу, у кромки воды, грелись на солнце около десятка тюленей. Высоко на скале люди увидели небольшую колонию антарктических пингвинов, а из воды иногда выныривали папуанские пингвины, чтобы посмотреть, что за странные существа вышли из моря. Были там и другие птицы: чайки-поморники, бакланы и капские голубки.

Шеклтон стоял посреди команды. Он снял шапку, и длинные, давно не стриженные волосы упали ему на лоб. Он поник и ссутулился от навалившихся на него забот, а голос так охрип от крика, что он мог говорить только шепотом. И все же Шеклтон был счастлив. Это победа, успех, потому что он, наконец, стоял на твердой земле в окружении своих людей.

Они мало разговаривали, пока пили молоко. Казалось, каждый думает о чем-то своем. Многие плохо держались на ногах из-за усталости и длительной качки — вестибулярный аппарат с большим трудом справлялся с такими нагрузками. После передышки все отправились на охоту. Добычей стали четыре тюленя, туши которых тут же разделали, нарезав на толстые стейки, и сразу же извлекли из них жир для печи. Грин принялся

жарить мясо, пытаясь уложить на жаровню сразу как можно больше кусков. Остальные ставили палатки и выгружали вещи из шлюпок.

Когда все было готово, сели есть. Это был не завтрак, не обед, не ужин — а один большой и долгий прием пищи. Как только съели первую порцию стейков, Грин принялся жарить следующую. Когда новая порция была готова, все бросали свои занятия и снова садились есть. К трем часам дня они наелись до отвала.

Наступило время сна. Расправили и отжали вымокшие спальные мешки, что не очень помогло, поскольку они все еще были очень влажными. Джеймс писал: «Легли, уснули и спали так, как никогда еще не спали: абсолютно мертвым сном, без сновидений, убаюкиваемые криками пингвинов, не обращая никакого внимания на влажные спальные мешки». То же самое чувствовали и остальные. «Как прекрасно, — писал Херли, — проснуться среди ночи, услышать пение пингвинов под музыку моря, снова уснуть, снова проснуться и понять, что все это реально: мы на земле!»

Многих той прекрасной ночью будили, отправляя на дежурство, но даже это казалось едва ли не приятным времяпрепровождением. Ночь была спокойной, на небе ни облачка. Луна освещала компактный каменистый пляж, омываемый волнами, — картина полного умиротворения. Более того, Уорсли писал, что за час дежурства каждый дежурный успевал «поесть, погреться у огня в жировой печи, пока следил за ним, высушить одежду, поесть и еще раз поесть, перед тем как снова идти спать».

Шеклтон разрешил всем спать до половины десятого утра. Но уже во время завтрака по лагерю поползли неприятные слухи, а когда все закончили есть, Шеклтон подтвердил тревожные предположения. Его решение шокировало людей. Им придется идти дальше.

Вряд ли можно было представить более деморализующее развитие событий. Всего двадцать четыре часа назад им удалось избежать мертвой хватки моря, а сейчас приходилось снова туда возвращаться… Но необходимость действовать так даже не подвергалась сомнению. Они знали, что смогли высадиться здесь лишь по счастливому стечению обстоятельств. На скалах выше берега виднелись следы приливных волн и шрамы от бурь, говорившие о том, что эту часть острова очень часто затапливает. Место, где находился сейчас их лагерь, было надежным только в хорошую погоду, пока уровень воды оставался довольно низким.

Шеклтон приказал Уайлду собрать команду из пяти человек и пройти на «Уиллсе» на запад вдоль берега в поисках более

надежного места для лагеря. «Уиллс» вышел в одиннадцать часов. Остальная часть команды весь день неторопливо занималась рутинными делами. Палатки разобрали и переставили выше по берегу, отыскав небольшой утес, на котором было достаточно места. Припасы подняли еще выше на случай непредвиденного шторма.

Большую часть дня все просто наслаждались жизнью. Многие до сих пор слегка прихрамывали после шести дней, проведенных в скрюченном состоянии на шлюпках, и сейчас впервые осознали, в каком ужасном напряжении находились так долго. Они поняли это по странному нараставшему в глубине души чувству, которое не испытывали с тех пор, как покинули «Эндьюранс». Это было чувство безопасности. Осознание того, что в принципе теперь можно ничего не бояться. Конечно, опасность и сейчас могла подстерегать их, но разве сравнишь ее с тем постоянным ощущением катастрофы, которое так долго их преследовало? Людям в буквальном смысле было тяжело впустить эту мысль в сознание, привыкшее постоянно быть начеку.

Например, теперь они могли просто спокойно и радостно наблюдать за птицами, не рассматривая их как предвестников чего-то хорошего или плохого — раскрывающихся льдов или надвигающейся бури. Сам остров заслуживал большего, чем беглый осмотр. Скалы, тянувшиеся вдоль береговой линии, напоминали огромную стену, выросшую перед морем. Ледники сползали вниз со всех сторон до самой воды, и яростные волны постоянно отламывали от них новые куски. То и дело в воду падали либо совсем маленькие, либо похожие на небольшие айсберги обломки льда.

Свирепость этой земли, по всей видимости, усугубляла суровость погоды. По каким-то неясным метеорологическим причинам дикие, напоминающие небольшие торнадо вихри то и дело срывались с вершин скал, разбиваясь о воду и превращая ее в пенные водовороты. Хасси считал, что это «вилливау» — внезапные потоки ветра, характерные для прибрежных территорий в полярных районах. Один из них, по всей видимости, едва не поймал «Докера» предыдущим утром.

Возвращения отряда Уайлда ждали весь день, но уже стемнело, а их все еще не было. Те, кто оставался в лагере, поужинали и легли спать. При этом они оставили жировую печь зажженной, открыв дверцу в сторону моря, чтобы получилось нечто вроде маяка. Но уснуть не успели — дежурный услышал крики со стороны моря. Это возвращался «Уиллс». Все поспешили к воде. Уайлд подвел «Уиллса» к самой кромке прибоя, и вскоре его вытащили на берег.

Уайлд и пятеро измученных парней подтвердили, что этот остров действительно не слишком гостеприимен. За девять часов поисков они нашли только одно казавшееся надежным место для лагеря — вполне защищенный берег примерно сто пятьдесят ярдов длиной и тридцать ярдов шириной, в семи милях на запад вдоль берега. Уайлд видел там довольно большую колонию пингвинов, а остальные разглядели нескольких тюленей и морских слонов. Неподалеку находился ледник, который можно было использовать в качестве источника питьевой воды. Шеклтон был доволен и объявил, что с рассветом они выдвинутся в путь. Все проснулись в пять утра и сели завтракать при свете жировой печи. Когда поднялось солнце, погода была ясной и спокойной. Шлюпки спустили на воду и загрузили всем, кроме десяти ящиков с пайками для санных походов и небольшого запаса керосина. Их оставили, чтобы избежать перегруза на борту. За ящиками можно было вернуться позже, если возникнет такая необходимость. Приливная вода прибывала очень медленно и покрыла рифы только к одиннадцати часам.

Чтобы облегчить нагрузку на «Уиллса», Блэкборо перешел на «Кэйрд», а Хадсон на «Докер». Первые две мили шлюпки шли довольно легко. Затем внезапно, почти без предупреждения, разбушевалась стихия — она как будто сошла с ума. Ветер яростно засвистел в ушах, а море, которое еще минуту назад было относительно спокойным, покрылось пеной. Они попали в один из мощных нисходящих потоков ветра со скал. Все длилось около трех-четырех ужасающих минут, а затем так же внезапно прекратилось. Но это оказалось лишь предупреждением. Через пятнадцать минут южный ветер сменился юго-западным, затем бриз превратился в бурю, потом — в шторм, и наконец — в настоящий ураган. Люди рассчитывали, что шлюпки, находившиеся справа от острова, будут защищены скалами, высота которых достигала двух тысяч футов. Но вместо этого ветер проносился вдоль скал, с удвоенной силой отталкивался от них и со свистом устремлялся в море.

Такими порывами ветра их легко могло вынести в открытый океан, поэтому следовало постоянно держаться берега. Слева земля так резко вырастала из воды, что казалось, будто она нависает над ними. Огромные беснующиеся зеленые волны бросались на скалы, и брызги наполняли воздух. По правому борту ветер закручивал воду в бешеные водовороты. И лишь посередине оставался небольшой безопасный коридор, по которому медленно плыли вперед шлюпки. Но они продвигались невыносимо медленно. Вскоре после полудня начался прилив, и течение еще затормозило их движение. Они могли определять

свою скорость по расположению относительно земли; казалось, что шлюпки продвигаются на считаные дюймы, а иногда совсем стоят на месте. Нельзя было даже думать о поднятии парусов, поэтому приходилось грести. У «Кэйрда» все еще оставался полный комплект из четырех весел, но у «Докера» и «Уиллса» было только по три.

С тех пор как сменился ветер, температура упала примерно до пятнадцати градусов, и теперь колебалась в районе пяти. Брызги со снегом замерзали на лету, укрывая собой все вещи, головы и плечи путешественников. Во время погрузки вещей в шлюпки Гринстрит дал Кларку подержать свои рукавицы. Но когда вода поднялась до нужного уровня, Кларк в суматохе забрался в «Кэйрд», оставив Гринстрита на веслах в «Докере» без рукавиц. Теперь его руки начинали замерзать. На ладонях от обморожения стали появляться волдыри, жидкость внутри которых тоже замерзала. Волдыри смахивали на небольшие камни, которые вживили под кожу.

Примерно после часа дня, преодолев почти половину пути до нового места, они подошли к высокой скале, выступавшей в море на четверть мили от берега. «Кэйрд» с Уайлдом у руля и «Уиллс» под командованием Крина приняли казавшееся очевидным решение — обогнуть эту скалу и подойти за ней к земле. Но Уорсли, руководствуясь одним из своих внезапных импульсов, решил плыть дальше от скалы. «Уиллс» и «Кэйрд» направились к берегу, а «Докер» исчез из виду.

Отойдя слишком далеко от скалы в сторону открытого моря, он попал под шквальный ветер. Здесь поверхность воды сбивалась в пену, закручивающиеся волны тут же резко устремлялись вниз. Уорсли мгновенно понял, что принял неправильное решение, и развернул «Докер» к берегу. «Гребите изо всех сил!» — прокричал он людям, сидевшим на веслах. Но как противостоять такому ветру? Вряд ли они могли долго продержаться.

Уорсли тут же вскочил и приказал Гринстриту занять место у румпеля, а сам схватил его весло. Уорсли не так сильно устал, как остальные гребцы, а потому смог задать прекрасный ритм. Маклин и Керр, сидевшие на других веслах, как-то успевали поддерживать его, и они медленно, фут за футом, начали приближаться к скале, пока наконец не доплыли до нее. Но тут шлюпка снова попала под волны, на этот раз разбивавшиеся о камни. «Обратная волна! Обратная волна!» — закричал Уорсли.

Они смогли сдержать шлюпку, но не полностью. «Докера» три раза поднимало на волне, а затем бросало на камни. Внезапно ветер утих, после чего Гринстрит вернулся на свое место, и они продолжили путь к берегу.

Во время борьбы со стихией Маклин уронил в воду правую рукавицу, и сейчас заметил, что его пальцы стали белыми от обморожения. Но он не посмел бросить весло, чтобы согреть или спрятать руку.

Было уже больше трех часов. «Кэйрд» с «Уиллсом» благополучно добрались до земли. На берегу их добычей сразу же стали два тюленя, туши которых разделали, чтобы с помощью животного жира разжечь огонь. Шеклтон стоял у воды и вглядывался вдаль в поисках «Докера». Наконец где-то вдалеке в сером тумане показалась крошечная точка. Это «Докер» прорывался к земле наперекор ветру. Казалось, он вот-вот достигнет берега, как вдруг со скалы сорвался еще один яростный вихрь.

Уорсли снова сел на место Гринстрита, а Маклеод схватил сломанный кусок весла и понемногу начал помогать остальным. Как ни странно, это сработало, и они смогли добраться до рифов. Схватив румпель, Уорсли начал прокладывать путь вдоль камней.

Едва шлюпка коснулась земли, Гринстрит перебрался через борт и поковылял прямо по воде, с трудом передвигая обмороженные ноги. Он увидел, что от недавно забитых тюленей идет пар, подбежал к ним, упал на колени и погрузил руки в еще теплые внутренности.

Глава 27

Снова, живые, они стояли на земле. Но на этот раз люди не чувствовали той же радости, с какой высадились на берег всего тридцать часов назад. Теперь они поняли, как сказал кто-то из них, что «остров Элефант дал им надежду лишь для того, чтобы обмануть». Он показал им свое настоящее лицо, и оно было ужасным.

Кроме того, исследование нового места для лагеря натолкнуло их на мысль: а стоило ли вообще плыть к нему? Это был каменистый участок земли всего в тридцать ярдов шириной, уходивший в глубь острова к огромному леднику на сто пятьдесят ярдов. Он достаточно высоко поднимался над морем, и по отметкам воды казалось, что плато, на котором разместился новый лагерь, находится выше ее уровня. Но с другой стороны здесь совсем ничего не было. Вдоль береговой линии не было ни валунов, ни даже больших камней, чтобы укрываться от ветра.

«Вряд ли можно представить себе более негостеприимное место, — писал Маклин. — Ветра стали настолько сильными, что при встречных порывах мы едва можем передвигаться, а вокруг нет никаких укрытий». Пока матросы и кочегары ставили свою палатку номер четыре, ветер вторгся в нее, разорвав непрочную ткань. Спустя несколько минут старую палатку номер пять, крепившуюся на обручах, подхватил еще один порыв ветра и разорвал практически в клочья. Никто даже не пытался привести их в порядок, потому что к тому времени было уже темно и это больше никого не волновало. Как могли, расстелили ткань палаток прямо на земле и прижали камнями. Затем развернули спальные мешки, которые снова промокли во время небольшого путешествия, забрались в них и уснули.

Всю ночь ветер продолжал завывать в скалах. Вцепившись в «Докера» — самую тяжелую из шлюпок, он перевернул ее вверх дном. Во время дежурства Макелрой беспомощно наблюдал за тем, как ветер поднимает мешок со старыми рваными одеялами и уносит в море. Между тем все люди, спавшие на земле, постепенно за ночь покрылись слоем снега. А к четырем часам уже вся команда спала на земле, потому что палатки постоянно пытался унести ветер и пришлось их свернуть.

Метель продолжалась и на следующий день. Никто не выбирался из слабого укрытия спальных мешков до одиннадцати утра, когда Шеклтон приказал всем выйти для охоты на пингвинов. Орд-Лис писал: «Метель ужаснее всего. Невозможно развернуться лицом к ветру. Снег залетал нам в глотки, поэтому

человек, пытаясь вздохнуть, начинал сразу же задыхаться». Всего они увидели около двухсот пингвинов, из которых им досталось в общей сложности семьдесят семь. «Снимать с них шкуры замерзающими пальцами было ужасно больно, потому что быть без рукавиц в такую метель равносильно гарантированному обморожению, — продолжал Орд-Лис. — Мы старались как-то укрыться от ветра… но наши руки спасало лишь тепло мертвых пингвинов».

Погода ночью ненадолго прояснилась, силуэт нависающих скал четко выделялся на фоне звездного неба. К утру началась новая метель, но она была уже не столь ужасна, как предыдущая.

Наступило 20 апреля. Этот день запомнился всем лишь одним: Шеклтон официально объявил то, чего все давно ждали. Он соберет команду из пяти человек и поплывет с ними на «Кэйрде» в Южную Георгию за помощью. Они отправятся в путь, как только шлюпка будет готова и в нее загрузят все необходимые для плавания припасы.

Такая новость никого не удивила. На самом деле официальное заявление было ни к чему. Этот вопрос открыто обсуждался еще до того, как они покинули лагерь Терпения. Все знали, что до какого бы острова они ни добрались, придется отправить одну шлюпку, чтобы доплыть до людей и организовать спасательную операцию. Даже выбрали место назначения, которое всех устраивало, как бы нелогично это ни выглядело на карте.

У них было три возможных варианта. Ближайший — мыс Горн на острове Огненная земля, который находился в пятистах милях на северо-запад. Еще один — поселение Порт-Стенли на Фолклендских островах, до которого почти ровно на север было пятьсот пятьдесят миль. И наконец, в восьмистах милях на северо-восток от них находился остров Южная Георгия. Конечно, это намного дальше, чем мыс Горн, но погодные условия делали такой выбор наиболее разумным.

Все знали, что скорость восточного течения в проливе Дрейка достигает шестидесяти миль в день, там почти никогда не прекращаются яростные бури и свирепые ветры, дующие в том же направлении. Чтобы доплыть либо до мыса Горн, либо до Фолклендских островов, надо было противостоять этим двум чудовищным стихиям. Маршрут до Южной Георгии, по их расчетам, должен был в основном сопровождаться попутными ветрами, по крайней мере в теории.

Все это уже не раз обсуждалось. И несмотря на то что шансы «Кэйрда» доплыть до Южной Георгии были ничтожно малы, многие искренне хотели, чтобы их взяли в плавание. Перспектива

постоянного ожидания при отсутствии какой бы то ни было информации, а потом и возможная зимовка на этом неприветливом острове мало кого могли порадовать.

После долгих переговоров с Уайлдом о том, кого следует взять и кого нельзя оставлять, Шеклтон принял окончательное решение. Уорсли был незаменим. Ведь вполне возможно, что им придется пройти не менее тысячи миль по водам самого бурного океана на земном шаре. Их конечной целью был остров, размер которого не превышал двадцати пяти миль в самой широкой своей части. Чтобы удачно преодолеть на открытой шлюпке такое расстояние в условиях, которые даже страшно себе представить, а затем еще и попасть в нужное место, без навигаторских способностей Уорсли нельзя было обойтись. Помимо Уорсли Шеклтон решил взять Крина, Макниша, Винсента и Маккарти.

Крин, суровый опытный моряк, выполнял все, что ему прикажут. К тому же Шеклтон сомневался, что грубость и бестактность Крина позволят ему благополучно пережить вынужденный и, возможно, длительный период ожидания. Макнишу было уже пятьдесят семь лет — серьезный аргумент «против». Но Шеклтон и Уайлд считали, что он может стать источником неприятностей на берегу, поэтому оставлять его нельзя. Кроме того, если обшивку «Кэйрда» пробьют льды и его придется чинить — что было очень даже вероятно, — он наверняка пригодится. Джека Винсента брали по той же причине, что и Макниша: было много сомнений по поводу того, выдержит ли он долгое ожидание и не станет ли причиной серьезных проблем, если его оставить. Притом он хорошо показал себя в путешествии из лагеря Терпения и был очень силен. Тимоти Маккарти, наоборот, никогда не становился источником проблем, и его все любили. Шеклтон решил взять его по весьма банальной причине: он был очень опытным моряком и обладал недюжинной силой.

Как только Шеклтон официально объявил о своем выборе, Макниш и Мэрстон отправились отрывать ранее добавленные к бортам «Докера» доски, чтобы смастерить из них подобие палубы на «Кэйрде». Из-за метели работать было очень тяжело.

Остальные пытались придать своему лагерю хоть какой-то уют. Новую кухню построили их ящиков, камней и нескольких кусков парусины. Из-за физического состояния Блэкборо и Рикинсона, который все еще неважно себя чувствовал после сердечного приступа, Шеклтон разрешил перевернуть «Докера», соорудив из него укрытие для обитателей палатки номер пять. Они делали все что могли, пытаясь защитить свой приют от непогоды. С одной стороны затыкали зазоры снегом и глиной, с

другой — завешивали одеялами, одеждой и оставшимися от старой палатки кусками ткани. Но ничего нельзя было сделать, чтобы земля под шлюпкой стала сухой. Более того, она представляла собой дурно пахнущую смесь тающего снега и пингвиньего помета. В этих ужасных условиях спать было почти невозможно. Буря продолжалась следующие три дня и три ночи. Ветер, судя по замерам, сделанным Хасси, достигал ста двадцати миль в час и заносил все вокруг пылеобразным снегом, который забивался даже в спальные мешки, так и не высохшие с момента последнего плавания от лагеря к лагерю.

Из-за огромной силы ветра было опасно даже выглядывать наружу. Иногда по воздуху проносились небольшие куски льда. Однажды из-за шквального ветра люди лишились десятигалонного[35] котелка, стоявшего рядом с кухней. Он просто улетел в открытое море. Матросы тоже потеряли свой котелок с похлебкой: буквально на минуту поставили на камень — и он попросту исчез. Еще как-то раз Маклеод, пытаясь высушить свою парку «Барберри», разложил ее на земле, прижав двумя камнями «размером с голову на своих плечах». Как только он на секунду отвернулся, ветер сбросил груз и унес с собой парку. Более того, он не брезговал даже рукавицами. Несмотря на то что ткань, под которой люди ютились, была натянута на штабеля ящиков и прижата по кругу большими камнями, ветер все равно приникал внутрь и уносил вещи.

В таких страшных условиях продолжалась работа над подготовкой «Кэйрда» к плаванию. На следующий день Макниш, Мэрстон и Маклеод прикрепили полозья от разобранных саней к верхней части шлюпки, чтобы сделать раму для палубного покрытия. К ним прибили куски фанеры от ящиков, таким образом получилось что-то вроде настила. С «Докера» сняли основную мачту и приделали ее к килю «Кэйрда» в надежде, что он не переломится, когда им придется столкнуться с непогодой.

Уорсли то и дело забирался на выступ скалы, возвышавшейся над уровнем моря примерно на сто пятьдесят футов, и наблюдал за формированием льда. Недалеко от берега образовался небольшой пояс рыхлых паковых льдов, но он казался не очень плотным и по нему можно было пройти. Основной заботой Уорсли стала ухудшающаяся погода и повышенная облачность, из-за которой он не мог снять показания хронометра. Без должного освещения оставалось только надеяться, что хронометр был точен.

Обмороженные руки Гринстрита стали болеть меньше, и он вместе с Бэйквеллом начал готовить для «Кэйрда» балласт. Зашили в мешки из парусины сланцевую глину так, чтобы каждый

мешок весил около ста фунтов. Парусина из-за воды и мороза превратилась в ледяные пластины, поэтому приходилось отогревать ее у жировой печи. Из-за тепла и грубых камней волдыри на руках Гринстрита лопались и кровоточили.

Были и другие значительные приготовления к плаванию. Шеклтона ненадолго отвлек Херли просьбой подписать в его дневнике следующее письмо:

21 апреля 1916 года

Уважаемые исполнители моей воли, правопреемники и все остальные лица. Своей подписью подтверждаю следующие указания. В случае моей гибели во время плавания в Южную Георгию сим назначаю Фрэнка Херли полностью ответственным за использование всех пленок, фотографических репродукций и негативов, сделанных во время этой экспедиции. Вышеупомянутые пленки и негативы должны стать собственностью Фрэнка Херли после надлежащей эксплуатации, при которой моим правопреемникам будут выплачены все деньги в соответствии с контрактом, подписанным в начале экспедиции. Право эксплуатации истекает по прошествии восемнадцати месяцев с момента первой публичной демонстрации. Я завещаю большой бинокль Фрэнку Херли.

Э. Шеклтон

Свидетель

Джон Винсент

На следующий день метель набрала новую силу. Несколько человек были ранены: их лица пострадали от ударов летавших вокруг кусков льда и камней. Любая работа, кроме готовки, была невозможна. Весь день провели в спальных мешках. Уайлд боялся, что, если погодные условия в ближайшее время не улучшатся, некоторые из наиболее слабых людей не выживут. Втайне от команды Шеклтон посовещался с Маклином, чтобы понять, как долго, по его мнению, при таких условиях продержатся те, кому придется остаться. Маклин сказал, что, по его расчетам, примерно один месяц. К счастью, за ночь ветер значительно утих, но обильный снегопад продолжался. Температура заметно упала. С утра Макниш опять занялся «Кэйрдом». Оставалось только закончить покрытие. Альф Читэм и Тимоти Маккарти должны были сшить куски парусины, но из-за ужасного холода ткань настолько замерзла, что им приходилось каждый раз

проталкивать иглу щипцами.

В то же время вопрос об условиях жизни тех, кто будет ждать помощи на берегу, оставался открытым. Какое-то время они думали построить хижину из камней. Но все камни на этом берегу так долго пролежали в воде, что стали очень круглыми, а у экспедиции не было ничего, похожего на цемент. Идею пришлось забросить. Вместо этого несколько человек с кирками и лопатами принялись выкапывать пещеру в леднике. Но лед оказался твердым, как камень, поэтому дело продвигалось очень медленно.

Шеклтон провел день, наблюдая за работой людей. Когда «Кэйрд» был почти готов к отплытию, он объявил, что отправится в путь, как только позволит погода. Когда наступил вечер, а погода немного улучшилась, Шеклтон приказал Орд-Лису и Винсенту растопить лед и наполнить водой две бочки для «Кэйрда». Они сделали все возможное, чтобы найти самый чистый лед, но почти вся поверхность ледника пропиталась солеными морскими брызгами. Когда все было готово, Орд-Лис отнес Шеклтону немного растопленной воды на пробу. Тот ощутил слегка солоноватый вкус, но сказал, что вода вполне подходит.

Почти всю ночь перед отплытием Шеклтон обсуждал с Уайлдом сотню разных тем: от того, что предпринять, если спасательная операция не подоспеет в разумные сроки, до распределения табака. Когда больше не осталось не рассмотренных тем, в своем дневнике, который он оставлял Уайлду, Шеклтон написал письмо:

23 апреля 1916 года, остров Элефант
Дорогой сэр,

если я не выживу в плавании к Южной Георгии, Вы должны сделать все, что в Ваших силах, чтобы спасти команду. С того момента, как моя шлюпка покинет остров, Вы становитесь полностью ответственным за команду. Все члены команды окажутся в Вашем распоряжении и обязаны будут выполнять Ваши приказы. По возвращении в Англию Вы должны будете связаться с Комитетом. Я бы хотел, чтобы Вы, Лис и Херли написали книгу. Прошу Вас соблюдать мои интересы. В другом письме Вы найдете описание всех договоренностей, согласно которым имеете право прочесть ряд лекций в Великобритании и на Континенте, а Херли — в США. Я полностью доверяю Вам и всегда доверял. Да благословит Господь Вашу работу и нас с Вами. Вы можете передать мою любовь всем людям и сказать, что я всегда делал все, что было в моих силах.

Искренне Ваш

Э. Шеклтон

Фрэнку Уайлду

Глава 28

Всю ночь дежурные внимательно следили за изменениями погоды, и наконец рано утром она все-таки улучшилась. Ветер значительно утих. Шеклтона тут же оповестили об этом, и он приказал разбудить команду с первыми лучами солнца. Все собрались к шести утра.

Макниш отправился на борт «Кэйрда», чтобы закончить покрытие настила шлюпки парусиной. Грин и Орд-Лис растапливали тюлений жир — требовалось определенное количество масла, которое можно было вылить в море, если шлюпка застрянет из-за очень плохой погоды. Остальные переносили в шлюпку припасы и оборудование.

Команда «Кэйрда» брала с собой припасов на шесть недель: три ящика с тщательно отобранными пайками для санных походов, два ящика орехов и печенья, а также сухое молоко и бульонные кубики, чтобы обеспечить людей горячим питьем. Готовить собирались на примусе, и на всякий случай брали еще один запасной. Из дополнительной одежды решили взять носки и рукавицы, а также шесть спальных мешков из оленьей шерсти.

Кроме того, команда «Кэйрда» брала с собой бинокль, компас с призмой-отражателем, небольшую аптечку, изначально подготовленную для санных походов, четыре весла, черпак, насос, сделанный Херли, ружье с несколькими патронами, морской якорь, леску, а также несколько свечей и коробков спичек. Уорсли взял все навигационные инструменты, которые у них были, в том числе свой секстант и секстант Хадсона, а также необходимые навигационные таблицы и диаграммы. Все это сложили в ящик и сделали его максимально водонепроницаемым. И конечно же, Уорсли забирал свой хронометр, который всегда носил на шее. Это был единственный уцелевший за время экспедиции хронометр из всех двадцати четырех приборов, доставленных на борт «Эндьюранс» в Англии.

Прощальный завтрак был готов, и по такому случаю Шеклтон разрешил каждому съесть на два печенья больше, а также выделить по четверти фунта варенья на человека. В основном все старались держаться бодро и вовсю шутили. Команде «Кэйрда» советовали следить за тем, чтобы ноги сильно не промокали во время путешествия. Уорсли предупреждали, чтобы он не переедал, когда вернется к цивилизации, а Крина заставили дать обещание, что он оставит остальным хотя бы несколько девушек, после того как они спасутся. Но все равно в воздухе чувствовалось напряжение. Обе части команды знали, что могут больше никогда

не увидеться.

Вскоре после завтрака выглянуло солнце. Пользуясь случаем, Уорсли поспешил достать свой секстант и сделать замеры, которые подтвердили, что хронометр вполне точен. Это было похоже на хорошее предзнаменование.

К девяти часам Шеклтон с Уорсли поднялись на обзорную площадку, чтобы оценить состояние льдов подальше от берега. Они увидели несколько льдин примерно в шести милях от берега, развернувшихся почти параллельно ему, но оставалось достаточно места, чтобы «Кэйрд» с легкостью прошел между ними. Вернувшись в лагерь, они узнали, что Макниш уже закончил работу и шлюпка готова.

В таких трудных условиях Макниш сделал все великолепно. Вся шлюпка была покрыта парусиной за исключением люка в кормовой части, размер которого составлял четыре фута в длину и два фута в ширину. Небольшие тросы, как вожжи, были привязаны к румпелю, чтобы им было легче управлять. Что касается внешнего вида, шлюпка выглядела достаточно крепкой для морского путешествия.

Все собрались, чтобы спустить ее на воду. Шлюпку развернули кормой к морю и привязали к камням на берегу длинной веревкой. Судно попытались столкнуть с берега, но вязкий и плотный вулканический песок у линии воды препятствовал продвижению. Мэрстон, Гринстрит, Орд-Лис и Керр зашли по колено в ледяные волны прибоя и, пока все остальные продолжали толкать, попытались раскачать и освободить шлюпку из песчаной ловушки. Но она упорно отказывалась двигаться. Уайлд попробовал поднять ее, используя весло в качестве рычага, пока все остальные продолжали толкать. Весло сломалось, а шлюпка осталась стоять на том же месте. Почти вся команда «Кэйрда» за исключением Шеклтона поднялась на борт в надежде оттолкнуться от берега с помощью весел. Как только люди забрались туда, на берег накатила большая волна и на обратном пути затащила их на глубокую воду.

Наконец они оказались на плаву. Однако вес пятерых мужчин, сидевших на бортах, сильно накренил шлюпку влево. Винсент и Макниш упали в море, но быстро выбрались на берег, извергая ужасные проклятия. Винсент выменял у Хоу пару полусухого нижнего белья и штанов, а Макниш, отказавшийся меняться одеждой с кем-либо, снова забрался в шлюпку.

Затем «Кэйрд» прошел мимо рифов, остановился и стал ждать, когда к нему подойдет «Уиллс», груженый примерно половиной тонны балласта. Весь этот груз перетащили на борт.

Во время второго захода «Уиллс» привез еще четверть тонны мешков с балластом и не менее пятисот фунтов больших камней.

Теперь Шеклтон был готов к отплытию. Последний разговор с Уайлдом, прощальное рукопожатие. После этого на борт «Уиллса» погрузили все припасы, а затем туда забрались Шеклтон и Винсент. «Уиллс» снова направился к «Кэйрду».

«Удачи, Босс!» — закричали люди на берегу. Шеклтон повернулся к ним и махнул рукой.

Добравшись до «Кэйрда», Шеклтон с Винсентом перешли на борт и быстро приняли припасы.

«Уиллс» вернулся за последней частью груза — двумя восемнадцатигалонными бочками воды и несколькими кусками льда, которые в целом весили около ста двадцати пяти фунтов и предназначались для того, чтобы готовить из них воду. Из-за большого веса бочки не грузили на «Уиллс», а привязали к его борту и тащили, как на буксире. Но как только «Уиллс» начал обходить риф, под него хлынула большая волна. Шлюпка спокойно преодолела ее, но одна бочка оторвалась и поплыла к берегу. «Уиллс» быстро передал оставшийся груз и вернулся за ней. Бочку успели подобрать и в целости и сохранности доставили на борт «Кэйрда».

Несколько минут шлюпки стояли рядом, сильно ударяясь друг о друга. Шеклтону не терпелось отплыть, и он торопливо указывал, куда складывать балласт и оборудование. Наконец обе команды, перегнувшись через борта своих шлюпок, пожали друг к другу руки. Снова прозвучало несколько нервных шуток. Затем «Уиллс» развернулся и направился в сторону берега.

Часы показывали двенадцать тридцать. Над «Кэйрдом» взметнулись три паруса. Оставшиеся на берегу трижды выкрикнули напутственный клич и в ответ издалека сквозь порывы ветра услышали три тихих крика.

«Кэйрд» поймал ветер, и стоявший у руля Уорсли развернул его на север.

«Они очень быстро разогнались для такого маленького судна, — писал Орд-Лис. — Мы наблюдали за ними, пока они не скрылись из виду. Это было недолго, потому что такая крошечная шлюпка быстро исчезла из поля зрения в огромном бушующем море. Мы видели, что какое-то время она качалась на волнах, а затем все словно растворилось — и шлюпка, и паруса».

Глава 29

Для двадцати двух человек, снова повернувшихся лицом к земле, волнение оставалось позади — начиналось испытание терпения. Они были полностью беспомощны и знали об этом. «Кэйрд» ушел, забрав с собой лучшее, что у них было.

Спустя какое-то время они подвели «Уиллса» ближе к берегу, перевернули вверх дном и забрались внутрь. Маклин писал: «И вот, сидя там в мокром и темном пространстве, мы думали о том, как проведем предстоящий месяц… самый короткий срок, на который можем надеяться, ожидая спасения». По его признанию, это «наиболее оптимистичное» предположение, основанное на многих размышлениях и допущениях, и основным было то, что «Кэйрду» все-таки удастся доплыть.

На этот счет все были, по крайней мере внешне, уверены. Но что еще им оставалось? Любая другая версия означала признание того, что они обречены. Неважно, каковы были шансы, ведь человек в отчаянной надежде выжить не может довериться чему-то одному и затем смиренно ждать своей участи.

Поужинали рано, после чего все почти сразу легли спать. На следующее утро, проснувшись, увидели лишь мрачный холодный туман со снегом. Из-за плохой погоды вопрос о надежном жилище стал еще более актуальным, и они продолжили пробивать пещеру в леднике. Работали три дня подряд. К утру двадцать восьмого, через четыре дня после отплытия «Кэйрда», стало очевидно, что идею придется забросить. Если кто-то заходил в пещеру — а в ней уже было достаточно места для нескольких человек, — тепло их тел растапливало лед, и по стенам начинали течь потоки воды.

Оставалось лишь одно средство — шлюпки. Гринстрит и Мэрстон предложили перевернуть их, сделав некое подобие крыши. Уайлд согласился. Они принялись собирать камни, чтобы выложить из них основание. Это был очень утомительный труд. «Мы все ужасно ослабли, — писал Орд-Лис. — Камни, которые раньше мы с легкостью подняли бы, сегодня нам не по силам. Приходится вдвоем или втроем тащить то, что когда-то мог поднять один… Наша слабость больше всего похожа на то ощущение, когда встаешь после долгой болезни».

К сожалению, большая часть подходящих камней лежала ближе к морю, поэтому их приходилось перетаскивать к тому месту, где решили строить убежище, — то есть почти сто пятьдесят ярдов! Наконец, когда стены основания уже выросли до четырех футов, сверху на них положили шлюпки, одну рядом с другой. Ушло еще немного времени на то, чтобы законопатить все

дыры в стенах и немного их выровнять. Несколько оставшихся кусков дерева разместили между шлюпками, и сверху на все это натянули ткань от палатки, закрепив ее тросами с каждой стороны. В качестве последнего штриха натянули вокруг основания парусину, чтобы ветер не проникал в щели между камнями. В основании со стороны берега оставили отверстие, служившее входом, и завесили его двумя одеялами внахлест, чтобы защитить жилище от непогоды.

Наконец Уайлд объявил, что хижина готова к заселению. Все взяли спальные мешки и заползли внутрь. Каждому разрешалось занять любое место. Несколько человек сразу же выбрали некое подобие второго этажа, образованное перевернутыми скамейками обеих шлюпок. Остальные расположились на земле в тех местах, где она казалась наиболее пригодной — самой сухой или теплой. Ужинать сели без пятнадцати пять, и после ужина сразу забрались в спальные мешки. Первые несколько часов уставшие люди спали мертвым сном, лишенным сновидений. Но вскоре после полуночи начались новая снежная буря, и с этого момента до самого рассвета их сон в лучшем случае был очень прерывистым и неспокойным. Буря, с криком срываясь с вершин, свирепо трясла утлую хижину; и с каждым новым порывом ветра казалось, что она вот-вот сорвет шлюпки с камней. Ветер проникал в тысячи крохотных щелей, неистово задувая туда снег. Но каким-то образом к рассвету их жилище все еще оставалось целым.

«…Это было ужасное утро, — писал Маклин. — Все покрылось глубоким снегом; обувь заморозилась настолько, что в ней было тяжело согнуть ногу. К тому же ни у кого не оказалось пары теплых рукавиц. Мне кажется, что именно тогда я пережил самые несчастные утренние часы в моей жизни — все выглядело таким безнадежным. Судьба определенно была настроена против нас. Люди сидели и вполголоса проклинали все вокруг, напряженность их лиц выражала всю ненависть к этому острову, на котором нам придется жить».

Но, если они хотели выжить, нужно было работать. Несмотря на холод и ветер, иногда столь суровые, что приходилось то и дело забираться внутрь хижины, чтобы переждать, пока порывы ветра хоть немного ослабеют, люди начали дополнительно укреплять свое жилище. Одни поправляли крышу и крепче привязывали тросы. Другие подтыкали основание одеялами, укрепляя его мокрой глиной и прибрежной галькой.

Но ночью метель разбушевалась с новой силой. Снег все равно каким-то образом залетал внутрь, хоть и не так сильно, как прошлой ночью. Утром 30 апреля Джеймс, Хадсон и Херли,

пытавшиеся до этого спать в своей палатке, сдались и перешли в общую хижину. Херли писал: «Жить вне хижины и без оборудования здесь просто невыносимо». Как только ветер находил в хижине уязвимые места, их тщательно закрывали, и с каждым днем убежище становилось все более и более пригодным для жизни.

Они попытались готовить внутри, но уже через два дня Грин начал слепнуть от дыма, и его временно подменил Херли. Проблему с дымом частично удалось устранить — соорудили трубу между двумя шлюпками. Но иногда по какой-то дикой причуде природы ветер врывался в трубу. Тогда в хижину резко задувало весь дым, и люди, задыхаясь, со слезящимися глазами выбегали на улицу.

В течение дня свет немного проходил сквозь тканевую крышу, но уже задолго до заката становилось так темно, что никто ничего не мог разглядеть. Мэрстон и Херли долго экспериментировали, пока не выяснили, что, наполнив небольшую емкость маслом, полученным из тюленьего жира, опустив в него один конец хирургического бинта и оставив снаружи другой, можно получить слабый огонек, вполне пригодный даже для чтения, если лежать не слишком далеко. Таким образом, избавляясь от маленьких неприятностей, они постепенно облегчали свою жизнь.

Наконец, 2 мая, через восемь дней после отплытия «Кэйрда» и спустя две недели с тех пор, как они оказались здесь, появилось солнце. Все тут же бросились выносить спальные мешки наружу для просушки. И 3, и 4 мая погода оставалась ясной. Но даже после трех солнечных дней спальные мешки высохли не до конца. Однако перемены были значительными. «…Мы даже не ожидали, что когда-нибудь сможем стать настолько сухими», — писал Джеймс.

Все время велись длительные дебаты о том, как скоро «Кэйрд» доплывет до Южной Георгии и как долго после этого им ждать прибытия спасательного корабля. По самым оптимистичным расчетам, уже через неделю, 12 мая, они могли увидеть на горизонте корабль. По более пессимистичным — это вряд ли случится раньше 1 июня. Но при этом всегда оставался вопрос о продлении надежды. Уже утром 8 мая, задолго до того как могла прийти помощь, они начали беспокоиться: сможет ли корабль подойти к острову из-за состояния окружающего его льда?

На самом деле для подобных опасений имелись веские основания. Месяц май по погодным условиям соответствует ноябрю в северном полушарии. Приближение этого периода

означало, что еще одна четверть года подходит к концу. Зима наступала всего через несколько недель, а возможно, и дней. С ее приходом росла вероятность, что море вокруг острова покроется льдом, и к ним нельзя будет подойти на корабле. И 12 мая Маклин писал: «Ветер с востока. Не исключено, что у берега снова появятся льды — нам это сейчас не нужно; мы каждый день надеемся на то, что приплывет спасательный корабль».

Несмотря на то что у них была масса дел, все постоянно краем глаза следили за морем. Нужно было охотиться на пингвинов, а иногда и на тюленей, собирать лед, чтобы делать из него воду. Долгие часы проводили, пытаясь заманить в ловушку ржанок — небольших, похожих на голубей птиц, питающихся падалью. Из весла сделали флагшток и установили его в самой высокой части острова, до какой только смогли добраться. На нем развевался треугольный вымпел Королевского яхт-клуба — сигнал спасательному кораблю, которого они так ждали.

Маклин и Макелрой были заняты пациентами. У Керра ужасно разболелся зуб, и Маклин его выдернул. «Я, наверное, выглядел как неотесанный стоматолог-шарлатан, — писал Маклин. — Никаких изысков. “Выйди на улицу и открой рот” — ни кокаина, ни анестезии».

На руке Уорди появилось заражение, у Холнесса на глазу развился ячмень. Рикинсон постепенно оправлялся от сердечного приступа, случившегося в день их высадки, но волдыри от соленой воды на запястьях упрямо отказывались заживать. Гринстрита мучили ноги, отмороженные во время перехода на шлюпках, поэтому он все время проводил в спальном мешке.

Хадсон был очень болен. С руками наметилось заметное улучшение, но воспаление в левой ягодице, которое началось еще в шлюпке, переросло в серьезный абсцесс, постоянно причинявший ему боль. К тому же после перехода на шлюпках он никак не мог восстановиться психологически. Большую часть времени он проводил, лежа в своем спальном мешке, и часами отказывался говорить. Казалось, он совершенно ни в чем не заинтересован и страшно далек от всего, что происходило вокруг.

Хуже всех было состояние Блэкборо. Наконец-то появилась чувствительность в правой ноге, и даже затеплилась надежда на то, что ее можно будет спасти. Но пальцы левой уже поразила гангрена. Макелрой, следивший за его состоянием, все время посвящал тому, чтобы не дать развиться так называемой мокрой гангрене, при которой омертвевшая плоть остается мягкой, и инфекция распространяется на другие части тела. При сухой гангрене пораженная часть тела чернеет и становится хрупкой. Через какое-то время организм как будто возводит стену между

живой и мертвой плотью, и вероятность дальнейшего заражения заметно снижается. Макелрой постоянно следил за тем, чтобы процесс на этой ноге Блэкборо оставался в «сухой» стадии до тех пор, пока можно будет сделать какую-нибудь операцию.

С каждым днем они все больше и больше погружались в рутину жизни на острове. По вечерам перед ужином долго всматривались вдаль, чтобы убедиться, что не пропустили силуэт корабля или струйку дыма на горизонте. Убедившись в том, что никакого спасательного судна нет, возвращались ужинать в свою хижину.

Обычно после этого Хасси какое-то время играл на банджо. Но каждый вечер, перед тем как потушить жировые лампы, они разговаривали. Практически любая сказанная кем-то фраза перерастала в настоящую дискуссию или спор, несмотря на то что основной темой было спасение, а следом за ним — еда.

У Мэрстона была поваренная книга Пенни, и она пользовалась большой популярностью. Каждую ночь то одни, то другие брали ее почитать, долго сидели над ней, придумывая воображаемые блюда, которые съедят, как только вернутся домой. Орд-Лис как-то вечером записал в своем дневнике: «Мы бы хотели, чтобы нас кормили большими деревянными ложками и хлопали по животам задней стороной ложки, как корейских детей, чтобы поместилось чуть больше еды, чем обычно. Короче говоря, мы мечтаем, чтобы нас перекармливали, ужасно перекармливали, да, очень ужасно перекармливали. Причем только кашей, сахаром, пудингами из черной смородины и яблок, пирогами, молоком, яйцами, вареньем, медом и маслом — и все это пока мы не лопнем. И мы пристрелили бы любого, кто предложит нам мясо. Мы больше не хотим видеть мясо или слышать о нем до конца своих дней».

Семнадцатого мая Макелрой провел общий опрос на тему, что именно хотел бы съесть каждый из них, если бы ему разрешили выбрать одно блюдо на свой вкус. Судя по результатам, Орд-Лис оказался прав: почти все единогласно жаждали сладкого, и чем слаще, тем лучше.

Вот небольшая выборка предпочтений:

Кларк — Девонширские клецки со сливками
Джеймс — Пудинг с патокой
Макелрой — Мармеладный пудинг и девонширские сливки
Рикинсон — Пирог из ежевики и яблок со сливками
Уайлд — Яблочный пудинг со сливками
Хасси — Каша с сахаром и сливками
Грин — Яблоко, запеченное в тесте

Гринстрит — Рождественский пудинг
Керр — Тесто с сахарным сиропом

Но нашлись и те, чьим выбором оказались отнюдь не сладости.

Маклин — Яичница на хлебе
Бэйквелл — Запеченная свинина с бобами
Читэм — Свинина в яблочном соусе с картошкой и репой
А Блэкборо вообще хотел обычного хлеба с маслом.

Грина очень волновала эта тема, потому что когда-то он был кондитером и его не уставали расспрашивать о той работе. Особенно всех интересовало, разрешали ли ему там есть все, что он хочет.

Однажды ночью Херли, лежа в своем спальном мешке, услышал, как Уайлд и Макелрой обсуждают еду.

— Ты любишь пончики? — спрашивал Уайлд.

— Вполне, — отвечал Макелрой.

— Очень легко делаются, — продолжал Уайлд. — Я люблю их есть холодными, немного полив вареньем.

— Неплохо, — отвечал Макелрой. — А как насчет огромного омлета?

— Чертовски согласен.

Позже Херли услышал, как двое матросов увлеченно «обсуждали какую-то невероятную смесь рагу, яблочного соуса, пива и сыра». Затем Мэрстон, взяв за основу свою поваренную книгу, ввязался в ожесточенный спор с Грином по поводу того, являются ли хлебные крошки главным ингредиентом всех пудингов.

Тем или иным способом им удавалось поддерживать боевой дух. Лучше всего в этом помогали мечты о будущем. Но с каждым днем чувствовалось приближение зимы — продолжительность светового дня неумолимо сокращалась. Теперь солнце вставало над горизонтом после девяти часов, а садилось в три часа дня. Поскольку они находились почти в трехстах милях к северу от Южного полярного круга, солнце в этих широтах не должно было исчезнуть полностью. Но становилось заметно холоднее.

Двадцать второго мая Маклин писал: «В пейзаже происходят большие изменения: теперь все покрыто снегом, а наш берег заблокирован неподвижным льдом. В последние несколько дней он постоянно прибывал, и теперь, куда ни посмотри, все покрыто льдами, что значительно снижает шансы на спасение. Ни один корабль, кроме специально созданного для продвижения во

льдах, не сможет уцелеть в таких условиях: железный пароход раздавило бы очень быстро. Кроме того, сейчас у нас очень мало солнечного света…»

И действительно, постепенно все осознавали, насколько мала вероятность того, что до начала зимы за ними придет спасательный корабль. Более того, это было почти невозможно. И 25 мая, спустя месяц после того, как ушел «Кэйрд», Херли писал: «С востока дует ветер и летит снег. Наступление зимы открывает перед нами самые неутешительные перспективы, которые только можно представить. Но все уже полностью смирились и морально готовы к тому, что придется зимовать».

Глава 30

Отрицать скорое спасение было вполне логично, учитывая, что шансы на прибытие корабля в ближайшем времени казались просто ничтожными. И все же люди не сдавались. На карту было поставлено слишком много.

Шестого июня Маклин писал: «Каждое утро я поднимаюсь на вершину скалы и, несмотря ни на что, надеюсь увидеть, как к нам плывет спасательный корабль». Даже Херли, который всегда позитивно ко всему относился, написал, что «все каждый день подолгу смотрят на горизонт в надежде увидеть мачту или шлейф дыма».

Шли дни, корабля по-прежнему не было, но люди упорно списывали это на массу разных причин: лед, бури, туман, подготовка и поиск подходящего корабля, официальные задержки — а то и все сразу. Но почти никто и никогда не упоминал самую вероятную причину — «Кэйрд» погиб.

Орд-Лис, известный своей откровенностью, писал: «Мы не перестаем волноваться за сэра Эрнеста. Можно только гадать, через что он прошел к этому моменту, где он сейчас и почему все еще не спас нас. Но на эту тему практически наложено табу. Все делают свои выводы и думают о разном. Никто не знает, как считают остальные, и, вполне очевидно, никто не осмеливается вслух рассказать о своих мыслях».

Какие бы мысли их ни посещали, ничего не оставалось, кроме как ждать и надеяться. Жизнь шла своим чередом. Каждый день назначался один кочегар, в чьи обязанности входило весь день поддерживать огонь, подбрасывая в него пингвиньи шкуры. При этом он должен был следить, чтобы в хижине не скапливалось слишком много дыма. Существовала также должность «мальчика на побегушках», ему приходилось добывать лед для воды и приносить замороженное мясо для готовки. Оба занятия были очень утомительными, и, для того чтобы избежать своей очереди, придумали довольно честную систему обмена. Например, за половину стейка из пингвина можно было на весь день избавиться от обязанностей кочегара, купив себе замену.

Установилась неплохая система обмена едой, и сами собой возникли «объединения по еде». Одним из наиболее популярных стало «сахарное объединение», каждый из членов которого ежедневно отдавал на хранение своим товарищам один из трех положенных ему кусочков сахара, чтобы каждый шестой или седьмой день устраивать себе праздник, съедая их. Уайлд ничего не имел против подобных уловок. На самом деле он предоставлял

всем довольно большую свободу действий. Это помогало избегать конфликтов и давало людям пищу для размышлений.

В целом для тех условий, в которых им приходилось существовать, наблюдалось удивительное отсутствие серьезных противоречий. Возможно, серьезных конфликтов не было потому, что люди постоянно ссорились по каким-то незначительным поводам. В течение дня неоднократно вспыхивали споры, что помогало всем постепенно выпускать пар, который в противном случае стал бы накапливаться. Кроме того, в команде практически исчезло расслоение на классы и по социальному статусу, из-за чего многие получили возможность говорить более свободно — и пользовались ею. Тот, кто случайно наступал на голову соседа, пытаясь ночью выйти из хижины, получал такое же наказание, как и другие, несмотря на его прежнее положение.

Потребность выйти ночью по нужде была, вероятно, самой неприятной стороной жизни. Человеку приходилось пробираться между спящими в скудном свете жировой лампы, специально оставленной для этой цели. Просто нереально было пройти, не задев при этом никого на своем пути. Затем предстояло выползать наружу, где часто подстерегала метель. Выйдя, человек не всегда мог удержаться на ногах — буря поднимала в воздух и швыряла в разные стороны камни со скал и куски льда, летавшие вокруг хижины в полной темноте. Поэтому многие предпочитали исследовать пределы возможностей организма, пытаясь контролировать свой мочевой пузырь.

Спустя какое-то время Уайлд, ощутив нараставшее в команде напряжение, решил использовать двухгалонную канистру из-под бензина в качестве ночного горшка. Правило было таким: человек, из-за которого уровень жидкости в канистре поднимался на два дюйма выше допустимого, должен был выйти на улицу и опорожнить ее. Многие, особенно в плохую погоду, шли на хитрость: лежа с открытыми глазами, терпеливо ждали, когда кто-то подойдет к канистре, чтобы по звуку определить уровень жидкости в ней. Если казалось, что уровень приближается к допустимому, человек пытался терпеть до утра. Но не всегда это получалось, и тогда приходилось вставать. Некоторым удавалось очень тихо наполнять канистру до предела и как ни в чем не бывало забираться в спальный мешок. Поэтому следующий, подходивший к ней, к своему несчастью обнаруживал, что она заполнена. Именно этому бедняге приходилось выбираться наружу и опорожнять канистру, чтобы ее можно было снова использовать.

Но несчастной жертве обычно не сильно сочувствовали. Многие считали это своего рода розыгрышем, и тот, кого

подобная забава раздражала, вскоре сдавался, потому что над ним все начинали смеяться.

Настроение команды менялось в зависимости от погоды и того, сколько паковых льдов было видно с берега. Когда светило солнце, остров превращался в место суровой красоты. Солнечные лучи переливались и мерцали тысячами разноцветных, постоянно менявшихся бликов на поверхности ледников. В такие дни члены команды не чувствовали себя несчастными. Но бо́льшую часть времени остров нельзя было назвать красивым. Хотя бурь становилось меньше, подолгу держалась мрачная и влажная погода, которая однажды заставила Гринстрита сделать такую запись: «Все гниют в своих спальных мешках в дыму жира и табака — так проходит еще один проклятый гнилой день».

Весь май самые пессимистичные члены команды во главе с Орд-Лисом предсказывали, что пингвины мигрируют и уже не появятся до конца зимы. Орд-Лис был настолько уверен в своей правоте, что даже заключил ряд пари по этому поводу. Однажды в июне он проиграл сразу целых три таких пари.

Он ставил на то, что, во-первых, в этот день не будет ни одного пингвина, во-вторых, после первого июня им ни разу не попадется более десяти пингвинов за день и, в-третьих, за месяц они смогут добыть не больше тридцати пингвинов. Но именно в этот день их добычей стали сразу сто пятнадцать птиц.

Разумеется, в таких условиях еда точно не была причиной острого беспокойства. Но оставались другие вопросы, требовавшие скорейшего решения, в первую очередь нога Блэкборо. В начале июня Макелрой подтвердил, что произошло полное разделение мертвой и живой ткани, а значит, откладывать операцию на более долгий срок опасно. Нельзя больше ждать спасательный корабль, который доставил бы Блэкборо в больницу, где ему провели бы такую операцию. Ее решили сделать самостоятельно в ближайший теплый день.

Утро 15 июня было спокойным и туманным. Макелрой, проконсультировавшись с Уайлдом и Маклином, решил приступать к операции. Блэкборо уже давно был морально к ней готов. Подготовили несколько имевшихся у врачей хирургических инструментов. После завтрака тщательно помыли котелок из-под похлебки, наполнили его льдом и вскипятили воду, чтобы простерилизовать инструменты. Недалеко от печи сложили несколько ящиков, накрыв их одеялом, — это должно было стать хирургическим столом.

Закончив приготовления, все вышли на улицу ожидать конца операции. В хижине остались только двое других больных: Хадсон и Гринстрит. Хадсон лежал в дальнем углу, а Гринстрит — на

одной из скамей «Докера», прямо над местом проведения операции. Уайлд и Хоу остались ассистировать, а Херли должен был поддерживать огонь. Как только все вышли, он начал подбрасывать туда пингвиньи шкуры.

Когда температура в хижине начала подниматься, Блэкборо подняли на операционный стол. Зажгли все имевшиеся жировые лампы, и стало довольно светло. Когда печь хорошо разогрелась, Макелрой и Маклин разделись до нижних рубашек — самых чистых вещей, которые у них были.

В качестве обезболивающего применили хлороформ — не лучший анестетик, особенно с учетом его применения вблизи открытого огня. Но это было все, что они имели, — жалкие шесть унций. Маклин, отвечавший за использование хлороформа, подождал, пока хижина прогреется, чтобы анестетик мог испаряться. Херли продолжал подкидывать в печь шкуры, и температура стала расти. За двадцать минут она поднялась до восьмидесяти градусов, присутствующие потихоньку начали изнемогать от жары. Маклин откупорил бутылочку с хлороформом и налил немного жидкости на кусок хирургической марли. Затем он ободряюще похлопал Блэкборо по плечу и поднес марлю к его лицу, приказав парню закрыть глаза и глубоко дышать. Блэкборо послушно выполнял все, что ему говорили. Через пять минут он уже был без сознания, и Маклин кивнул Макелрою: можно начинать.

Нога Блэкборо слегка свисала со стола, под нее положили большую пустую консервную банку. Когда с ноги сняли бандаж, все увидели, что пальцы Блэкборо почти мумифицировались: они были черные и хрупкие. Уайлд достал из кипящей воды скальпель и передал его Макелрою.

В дальнем конце хижины Хадсон отворачивался, чтобы не видеть происходящего. А Гринстрит, наоборот, внимательно наблюдал за операцией с верхней койки. Он был полностью поглощен процессом.

Макелрой разрезал край ступни Блэкборо, а затем слегка отодвинул кожу. Маклин взглянул на Уайлда и отметил про себя, что тот даже не вздрогнул. «Крепкий орешек», — подумал Маклин.

Между тем Макелрой попросил дать ему пару щипцов, и Уайлд незамедлительно достал их из воды. Гринстриту они напомнили ножницы для работы по металлу. Макелрой осторожно просунул их под кожу, туда, где пальцы соединялись со ступней. Затем отрезал их по одному. Каждый палец с металлическим звоном падал в пустую консервную банку, стоявшую снизу.

После этого Макелрой тщательно соскоблил остатки почерневшей мертвой плоти и, когда рана стала чистой, принялся зашивать ее. Наконец все было готово. На всю операцию ушло пятьдесят пять минут.

Вскоре Блэкборо начал стонать и еще спустя какое-то время открыл глаза. Он чувствовал себя как будто немного пьяным, «Мне бы сигаретку», — улыбнулся он докторам.

Вырвав страничку из энциклопедии «Британника», Макелрой насыпал на нее горсть табака и свернул своему пациенту сигарету. Напряжение в хижине спало, и Уайлд, заметив, что в котелке есть еще много теплой воды, предложил врачам умыться.

Идею встретили с энтузиазмом. Нашли крошечный кусочек мыла, сняли рубашки и с удовольствием помылись до пояса. Оставалось еще немного теплой воды, поэтому они взяли три кусочка сахара из порции, предназначенной на следующий день, и приготовили себе немного настоящей горячей сахарной воды.

Остальные тем временем сидели в маленькой пещере, вырубленной в леднике. Они провели это время с пользой, подстригая друг другу волосы.

Глава 31

Зимой паковые льды почти полностью покрывали океан, так что корабль — даже если бы он приплыл — вряд ли смог бы подойти близко к острову. Но шанс оставался, иногда — пусть и очень редко — льды расходились. Поэтому все лелеяли надежду на то, что спасательное судно сможет подойти. В душе каждого из них теплился крохотный лучик надежды, который заставлял людей ежедневно забираться на смотровую скалу. Но эта надежда как будто тормозила ход времени.

Томительные дни ожидания медленно тянулись один за другим. В их череде лишь одна памятная дата разбавила эту монотонность — день зимнего солнцестояния 22 июня. Его отметили, с утра съев плотный завтрак, а на ужин — чудесный ореховый пудинг, сделанный из двадцати трех печений, четырех пайков для санных походов, двух коробок сухого молока и двенадцати порций орехов.

После этого, когда все забрались в спальные мешки, началась праздничная программа, состоявшая из двадцати шести актов. Многие целыми днями репетировали, и, как оказалось, больше всего шуток придумали о Грине и Орд-Лисе.

Хасси, конечно же, сыграл на банджо, а Керр, как и год назад на «Эндьюранс», спел своего «Тореадора Спагони». Но настоящим хитом вечера стала песня Джеймса на мотив «Соломона Леви»: «Мое имя Фрэнки Уайлд-о; на острове Элефант моя хижина. В стенах моих нет кирпичей, без черепицы крыша. Но, как бы то ни было, больше не видно на многие-многие мили дома богаче и дома красивей, чем эта прекрасная хижина».

Вечер закончился тостами за скорое возвращение солнца, а также за успех Босса и его команды на «Кэйрде». Пили коктейль «Заворот кишок — 1916»: гремучую смесь из воды, имбиря, сахара и этилового спирта, взятого из запасов топлива для примусов. «Ужасный вкус, — писал Маклин. — Это пойло подходило лишь для того, чтобы сделать почти всех нас трезвенниками на всю жизнь, кроме нескольких, кто притворялся, будто им нравится… Многие потом плохо себя чувствовали».

После проводов дня зимнего солнцестояния больше не было никаких памятных дат, ничего, кроме вечного ожидания и — размышлений.

Шестого июня Маклин писал: «Мы все еще можем терпеть такую жизнь, и, несмотря на ужасную скуку, время идет довольно быстро. В моей голове почти ничего не происходит — я могу часами лежать, абсолютно ни о чем не думая».

Несколькими днями позже Орд-Лис сделал такую запись: «Уайлд постоянно твердит, что “корабль” прибудет на следующей неделе, но, очевидно, он говорит так лишь для того, чтобы поддержать тех, кто почти отчаялся. Это простой оптимизм, и, если его не слишком много, это даже хорошо. …Он говорит… что не будет беспокоиться за сэра Эрнеста по крайней мере до середины августа».

Шестнадцатого июля Херли записал: «Отправляюсь на воскресную прогулку. Все те же до боли знакомые сто ярдов. Возможно, все это было бы не так утомительно, если бы мы знали, что сэр Э. и экипаж “Кэйрда” в порядке и нас обязательно спасут. Мы предполагаем, что это произойдет в середине августа».

Таким образом, середина августа стала самым важным переломным моментом — с этого времени они могли официально начинать волноваться. Уайлд специально сделал эту дату настолько далекой, насколько возможно.

Но людям приходилось очень тяжело. Условия жизни постепенно становились все более и более примитивными. Ценные орехи закончились, а вместе с ними и порошок для приготовления молока. Конечно, это была ощутимая потеря. Но она не могла сравниться с отсутствием табака. Тем не менее наступил момент, когда он закончился. Это произошло не сразу. Некоторые бережнее относились к собственным запасам, чем те, кто спокойно выкуривал свою долю, надеясь, что они пробудут тут всего около месяца.

Джок Уорди особенно долго, с истинной шотландской бережливостью растягивал свои запасы, оказавшись последним обладателем ценного табака. Целую неделю он находился в эпицентре всеобщего внимания и непрекращающихся торгов. Моряки неутомимо исследовали каждый клочок побережья в поисках хоть сколько-нибудь необычных камней, которые могли пробудить в Уорди геологический интерес. А затем, держа свою находку так, чтобы он не видел, пытались выпросить у него трубку, полтрубки, четверть трубки — две затяжки? И хотя сам Уорди постоянно исследовал берег в поисках интересных видов камней, любопытство все равно брало в нем верх.

Но припасы Уорди вскоре тоже закончились, и наступил период депрессии, доходившей чуть ли не до траура. Желание курить было настолько сильным, что вскоре начались эксперименты по поиску замены табаку. Маклеод первым придумал доставать из сапог осоку, которая предотвращала промокание обуви, и набивать ею трубку. Джеймс писал: «Запах напоминает скорее пожар в прерии, чем аромат табака».

Как бы то ни было, привычка прижилась, и вскоре многие начали курить осоку. Бэйквелл пытался придать ей нормальный вкус. Он собрал как можно больше трубок и прокипятил их на плите вместе с небольшим количеством осоки. Теоретически, после того как осока просохнет, ее вкус должен был напоминать табак, но «результат не стоил всей этой возни», — писал Джеймс.

«Попробовали курить лишайник, — продолжал Джеймс, — и уже побаиваемся, что кто-то может начать курить водоросли».

Оставался и ряд других не столь значительных проблем, включая вопрос о храпе. Херли писал: «Уайлд разработал прекрасное устройство для лечения хронического храпа. Лис, который постоянно нарушает наш сон своим ревом, стал первым подопытным в эксперименте. На его руку накинули петлю, а к ней привязали несколько веревок, протянутых вдоль спальных мест. Когда спящих начинал беспокоить его храп, они дергали за веревку, примерно так же, как останавливают такси. По идее, это должно было остановить и его, но Лис оказался неисправим, он едва замечал наши сигналы. Некоторые предлагали привязать эту петлю к его шее. Я уверен, что тогда многие стали бы тянуть изо всех сил».

Большую часть июля погода была сравнительно неплохой, и лишь несколько раз со скал срывались мощные порывы ветра. Однако нависающий над берегом недалеко от лагеря ледник угрожал реальной опасностью. Иногда от него внезапно откалывались целые куски.

Орд-Лис однажды описал один из особенно больших обвалов: «Огромный кусок, размером с церковь, покатился по леднику и со звуком, равным удару сразу нескольких молний, разбился о землю. Он поднял мощную волну высотой около сорока футов, и та двинулась в нашу сторону, и, несомненно, затопила бы хижину, если бы не огромные камни в заливе, которые погасили ее на полпути… Тем не менее пару огромных кусков льда весом, возможно, в несколько тонн упали прямо напротив нашего берега. Мэрстон был абсолютно уверен, что нас затопит, а хижину разрушит. Он закричал: “Берегитесь!” — но это было излишней предосторожностью и лишь напугало двух бедных инвалидов — Хадсона и Блэкборо».

Судьба избавила их от участи быть смытыми волной, но остров продолжал делать все возможное, чтобы затопить их. В начале июля они заметили, что вода просачивается сквозь камни и растекается по полу хижины. Сложно было понять, откуда она взялась, но, по всей вероятности, где-то на глубине под их хижиной протекали воды ледника.

Осознав это, они попытались проделать дыру в одной из стен

в надежде, что вода будет уходить именно туда. Но это не помогло. С тех пор как вода появилась, ситуация начала планомерно ухудшаться. Вскоре стало ясно: чтобы их не затапливало, в самом низком месте хижины нужно выкопать яму около двух футов глубиной. Вода устремилась туда — оставалось лишь вовремя вычерпывать ее. За первый раз вынесли около семидесяти галлонов. С тех пор люди постоянно были наготове, как только погода становилась теплой, или влажной.

А 26 июля Джеймс сделал такую запись: «Около полуночи проснулся от жалоб остальных на то, что вода в хижине уже достигала камней. Ничего не оставалось делать, кроме как встать и пойти ее вычерпывать, иначе мы все рисковали промокнуть до нитки. Херли, Макелрой, Уайлд и я вынесли более пятидесяти галлонов. Примерно столько же пришлось вычерпать в пять утра и потом еще больше перед завтраком».

Мало того что это было очень утомительно, еще и сама вода, смешанная с жидким пометом пингвинов, представляла собой тошнотворную жидкость. И так уж сложились обстоятельства, что яма, из которой они вычерпывали воду, находилась прямо перед плитой для приготовления пищи.

За несколько месяцев хижина стала ужасно убогой и грязной. Все называли ее Свинарником или Уютной комнатой. По мере возможности они пытались что-то улучшить, приносили новые камни, чтобы покрыть ими пол, но вскоре все камни на берегу намертво примерзли к земле. В довершение всего в постоянной темноте убежища маленькие кусочки пищи во время еды иногда падали на землю. Найти их было невозможно. И теперь, в условиях тепла и вечной сырости, они стали гнить, распространяя неприятный запах.

К концу июля абсцесс на ягодице Хадсона дорос до размеров футбольного мяча. Макелрою не хотелось вскрывать его из-за высокого риска заражения, но он причинял Хадсону такую сильную боль, что сделать это было необходимо. Наконец Макелрой провел операцию, правда, без анестезии, и удалил более двух пинт[36] зловонной жидкости.

«Ужасно осознавать, где мы сейчас находимся, — писал Маклин. — Живем в грязной, дымной, разваливающейся хижине, где слишком мало места для всех нас: пьем из одного котелка… и лежим рядом с человеком с огромным лопающимся нарывом — ужасное существование, но мы вполне счастливы…»

И позже: «Я отдал Блэкборо свой спальный мешок из оленьей шкуры, который когда-то забрал из Океанского лагеря… Его мешок совсем прогнил, не то что мой; бедный парень, у него все меньше шансов выжить».

Июль подходил к концу, тщательно скрываемая тревога вырывалась наружу, нарастала, и с этим тяжело было справиться.

Тринадцатого числа Херли писал: «Кажется, сегодняшний день тянется особенно долго, и чувствуется дикое великолепие крутых скал, которые частично закрывают мыс Уайлд, виднеющийся сквозь туман. Они высятся, словно тюремные стены, зловещие и неприступные. Если бы можно было заняться чем-нибудь полезным, ожидание не казалось бы таким тягостным. А сейчас наше единственное занятие — прогуливаться туда-сюда по жалким восьмидесяти ярдам земли или взбираться на скалу и наблюдать за горизонтом в ожидании увидеть вдали мачту. Мы с нетерпением ждем следующего месяца, когда, возможно, придет помощь. Я уже устал предполагать и подсчитывать, сколько дней должно пройти с момента отплытия «Кэйрда» до ожидаемого прибытия [спасательного корабля]».

В той или иной степени все чувствовали то же самое. В бесконечных дискуссиях о том, когда придет корабль, практически никогда не упоминали лишь одну вероятность — потерю «Кэйрда». Казалось, что если даже просто заговорить на данную тему, то это может произойти. Поэтому на каждого, кто пытался намекнуть на подобный исход, смотрели так, будто он сказал что-то дурное и не к месту или посмел осквернить святыню.

Из суеверия люди еще пока боялись открыто говорить о гибели «Кэйрда». Но все труднее становилось отрицать тот факт, что с судном, возможно, могло произойти что-то ужасное. Шеклтон уплыл уже девяносто девять дней назад… и многие начинали чувствовать, что ждут того, чему никогда не суждено случиться.

Если это так, размышлял Маклин в своем дневнике 31 июля, «значит придется плыть на “Стенкомбе Уиллсе” к острову Десепшен. Это будет очень тяжелое плавание, но, надеюсь, я буду на борту».

Крайний срок, который они поставили сами себе — середина августа, — еще не наступил. Казалось, время почти замерло.

Первого августа исполнилось два года с того момента, как «Эндьюранс» отчалила из Лондона, и год с тех пор, как ее впервые начали сильно сжимать паковые льды. Херли суммировал все события. Воспоминания об этом, писал он, «мелькали перед глазами как какой-то ужасный непонятный кошмар. Последние двенадцать месяцев пролетели довольно быстро, несмотря на то что мы уже четыре месяца здесь в безопасности и заняты только тем, что ждем. Но именно этот последний период ожидания сейчас кажется более длительным, чем весь остальной год, из-за

того что мы постоянно считаем дни и каждый день надеемся на скорое спасение. К тому же у нас нет… никаких дел… День ото дня мы лишь всматриваемся вдаль, надеясь, что наши товарищи на “Кэйрде” сейчас в безопасности, но это только отягощает наше пребывание здесь».

С каждым днем они все больше времени поводили на скале в ожидании появления долгожданного корабля. Третьего августа Орд-Лис писал: «…все еще окружены льдами… У нас скоро закончатся топливо и мясо, но, кажется, это мало кого волнует… Сейчас уже открыто обсуждается то, что сэр Эрнест мог не доплыть. Никому не нравится эта мысль, но подобные предположения подкрепляются тем, что Уайлд отдал приказ сохранять все возможные куски веревок, шерсть и гвозди на случай, если придется плыть до острова Десепшен…»

Для предстоящей поездки у них было слишком мало оборудования. Из парусов остался только до смешного маленький кливер «Уиллса», поэтому в случае выхода в море пришлось бы делать основной парус, сшивая куски прогнившей ткани от палаток. У них даже не было мачты, к которой можно было бы его прикрепить. Основную мачту «Уиллса» использовали на создание бизань-мачты «Кэйрда», а мачту «Докера» пожертвовали на укрепление киля «Кэйрда». Но оставшиеся у них пять весел вполне можно было как-то использовать.

Так все и шло.

Четвертое августа (Джеймс): «Ужасная монотонность жизни».

Пятое августа (Херли): «…сижу, как инвалид, в спальном мешке и перечитываю все те же несколько книг».

Шестое августа (Херли): «Отличная погода для того, чтобы приплыл корабль».

Седьмое августа (Маклин): «Хадсон сегодня встал и ненадолго вышел; он очень слабо стоял на ногах и при попытке помахать Макелрою упал на спину».

Восьмое августа (Орд-Лис): «…сегодня выходили из хижины четыре раза… намного больше, чем обычно».

Девятое августа (Гринстрит): «Уорди нашел старую газету (точнее, ее часть) от 14 сентября 1914 года, которую все жадно читали и перечитывали».

Десятое августа (Маклин): «Я наблюдал за снежными буревестниками — это прекрасные небольшие птички. Иногда они попадают в отбойные волны, и их выбрасывает на берег, но почти сразу они приходят в себя и отправляются рыбачить».

Одиннадцатое августа (Орд-Лис): «Мэрстон поднялся сегодня в пять утра, но берег был пуст…»

Двенадцатое августа (Маклин): «Не могу перестать

волноваться о тех, кто ждет меня дома. Если бы только знать, что до них дошли новости… я был бы спокоен; ведь они сейчас так переживают…»

Тринадцатое августа (Джеймс): «Начинаем тревожно высматривать корабль. Пора бы…»

Четырнадцатое августа (Джеймс): «Недавно ели вареные водоросли. Вкус специфический, но вполне годится, чтобы разбавить однообразие».

Пятнадцатое августа (Орд-Лис): «Сегодня с перерывами шел снег».

Шестнадцатое августа (Маклин): «…нетерпеливо высматриваем спасательный корабль — многие из нас то и дело поднимаются на скалу и жадно вглядываются в горизонт в поисках хоть каких-то признаков. Некоторые уже оставили надежды на то, что он вообще придет…»

Семнадцатое августа (Херли): «Начал снова появляться лед …»

Восемнадцатое августа (Гринстрит): «Со всех сторон уже много льдин, они везде, куда ни посмотри».

Девятнадцатое августа (Орд-Лис): «Не стоит больше себя обманывать».

Часть VI

Глава 32

Понедельник, 24 апреля… В двенадцать тридцать мы попрощались с нашими товарищами и отправились в путешествие до Южной Георгии длиной в восемьсот семьдесят миль, а уже в два часа дня попали в ледяной затор, который нам удалось преодолеть всего за час. И вот наконец мы оказались в открытом море. Насквозь мокрые, но счастливые, потому что прошли через все это — и победили.

Из дневника Макниша

Понедельник, 24 апреля.
Лагерь Уайлда, по данным хронометра 192/262.
Мы отчалили на "Джеймсе Кэйрде" в двенадцать тридцать, проплыли восемь миль на северо-северо-восток, затем еще одну милю на восток и прошли через поток льда, который двигался с востока на запад. Ветер по состоянию на четыре часа дня: западно-северо-западный 26 [примерно тридцать миль в час]…

Из дневника Уорсли

Небольшая группа людей, прощально махавших им руками, виднелась крошечным черным пятном на фоне белого снега. «Кэйрд» уходил все дальше, покачиваясь на волнах, и вскоре эта жалкая картина начала пропадать из виду.

Уорсли вел корабль на север, а Шеклтон стоял за ним, вглядываясь вперед в поисках приближающегося льда и периодически оборачиваясь назад, на тех, кого они оставляли на острове. Через какое-то время их уже невозможно было разглядеть.

Вскоре, стоя на корме, можно было увидеть весь остров Элефант с его большими скалистыми мысами и стенами ледников, от которых отражались солнечные лучи. Справа виднелся крошечный остров Корнуоллис, возвышавшийся за мысом Валентина; хорошо просматривались заснеженные вершины острова Кларенс, наполовину скрытые фиолетовыми туманами. В воде иногда проплывали тюлени или небольшие стайки пингвинов, которые с интересом наблюдали за странными созданиями, движущимися по поверхности воды.

В два часа дня «Кэйрд» достиг широкой линии старых льдов,

расколовшихся на множество кусков разной формы и слегка подтаявших. Они шли с запада, величественно покачиваясь на волнах.

Уорсли повернул шлюпку на восток, параллельно льдам, чтобы найти то разводье, которое они с Шеклтоном видели со скалы. Им потребовалось около часа, чтобы доплыть до него, но оно оказалось почти полностью забито небольшими кусками льдин и маленькими ледяными осколками. Тем не менее Уорсли развернул шлюпку в сторону разводья, и она двинулась сквозь льды.

Почти сразу ее движение затормозилось кусками льда разной формы. Причем некоторые из них были в два раза больше, чем высота мачты. Лениво покачиваясь в такт колебанию волн, над водой они казались кристально чистыми, белыми как снег, а внизу, в глубине, отливали темно-синим.

Уорсли старался аккуратно маневрировать между льдинами, но несколько раз, пытаясь увернуться от одного куска льда, врезался в другой, поэтому Шеклтон решил, что лучше грести.

Паруса убрали, все осторожно выбрались из-под палубы и достали весла. Грести было очень неудобно, потому что люди сидели на одном уровне с уключинами. К счастью, ветер затих. Взявшись за румпель, Шеклтон попутно поторапливал гребцов. Уже было больше четырех часов и начинало темнеть.

Но спустя час лед стал истончаться, и вскоре, оказавшись по ту сторону ледяного потока, они вышли в открытое море. Гребцы с радостью забрались обратно под палубу и смогли с облегчением вздохнуть.

Постепенно поднялся ветер с юго-запада, что прекрасно им подходило, поскольку они шли на север. Шеклтон приказал поднять паруса и после этого разрешил отправиться спать Крину, Макнишу, Винсенту и Маккарти, решив, что они с Уорсли будут дежурить всю ночь на случай, если на их пути появится лед.

Когда все успокоилось, Шеклтон повернулся назад — там еще виднелась серая громада острова Элефант. Несколько минут он молча смотрел на его очертания. Это место выглядело грозно, что делало его еще более жалким. Оно стало прибежищем для двадцати двух человек, которые прямо в этот момент находились в небольшом лагере на ненадежном берегу, в эпицентре штормов, беспомощные и отрезанные от всего мира, словно на другой планете. Об их положении было известно всего шестерым, сидевшим сейчас в маленькой шлюпке и имевшим единственную задачу — победить все законы вероятности и вернуться назад с помощью. Это было ошеломляющее доверие.

Все вокруг окутала тьма, в сине-черном небе зажглись

десятки тысяч звезд. Шлюпка покачивалась на волнах, и небольшой вымпел, трепетавший на верхушке главной мачты «Кэйрда», описывал неровные круги в тусклом сиянии звезд.

Два человека оставались на корме. Уорсли управлял шлюпкой, Шеклтон сидел рядом, напротив него. Южный ветер был холодным, волны становились все выше. Главной проблемой оставался лед, и Шеклтон с Уорсли внимательно осматривали все вокруг. Ранним вечером они проплыли мимо одинокой льдины, но к десяти часам вечера море вокруг было чистым.

Время от времени Шеклтон скручивал сигареты, и они с Уорсли разговаривали о многих вещах. Было очевидно, что бремя ответственности, которое он нес на своих плечах все шестнадцать месяцев, заметно повлияло на его когда-то непоколебимую уверенность в себе. Он хотел высказаться и нуждался в поддержке. Ему нужно было услышать, что он поступает правильно.

Шеклтон признался Уорсли, что решение разделиться далось ему ужасно тяжело и ему было очень неприятно принимать его. Но ведь кто-то должен отправиться за помощью, и ответственность за это нельзя перекладывать на чьи-то плечи.

Он очень сомневался в успехе экспедиции и прямо спросил, что Уорсли думает об их шансах. Тот ответил, что верит в благополучный исход, однако Шеклтона его слова не убедили.

Сейчас он чувствовал себя не в своей тарелке. Да, он с лучшей стороны показал себя на берегу. Продемонстрировал несомненное упорство в борьбе со стихией. На земле смелость и воля к победе могут очень помочь человеку. Но сражение с морем всегда превращается в физическую борьбу, которой нельзя избежать. В битве с неутомимым и неуязвимым врагом единственной надеждой остается только одно — не оказаться побежденным самому.

Все эти мысли заставляли Шеклтона беспокоиться. Теперь он столкнулся с таким могущественным врагом, в борьбе с которым его собственные силы ничего не значили. Ему претило такое положение: здесь смелость и решимость не имели значения, а победа заключалась лишь в выживании.

К тому же он ужасно устал и хотел лишь одного: чтобы это путешествие закончилось как можно быстрее. Он сказал Уорсли, что, если бы им удалось доплыть до мыса Горн, они срезали бы треть пути. Хотя он и сам хорошо знал ответ, но все же спросил, верит ли Уорсли, что, если юго-восточный ветер продержится еще дольше, у них все может получиться. Уорсли с сочувствием взглянул на него и отрицательно помотал головой. Никаких шансов, считал он.

Незадолго до шести часов утра в небе появились первые лучи, стало светать, и оба путешественника смогли немного расслабиться. Теперь, если на пути встретится лед, они его заметят.

Шеклтон подождал до семи часов, а затем разбудил остальных. Крин достал примус, и после нескольких попыток зажечь его и установить котелок с похлебкой им удалось позавтракать.

После еды Шеклтон объявил о том, что вводится система дежурств: четыре по четыре часа. Предполагалось, что первые четыре часа будет дежурить он сам вместе с Крином и Макнишем, а затем их сменят Уорсли с Винсентом и Маккарти.

Глава 33

Невозможно было представить, какие опасности их поджидают впереди, но, несомненно, самым страшным врагом оставался лед, особенно ночью. Всего одно столкновение с невидимым в темноте куском льда — и путешествие закончится навсегда. Поэтому Шеклтон планировал с максимально возможной скоростью идти на север и лишь потом свернуть на восток к Южной Георгии.

Следующие два дня им везло. Ветер стабильно дул с юго-запада, и почти все время с огромной силой. К полудню 26 апреля они проплыли уже сто двадцать восемь миль и за все время не встретили никаких признаков льда.

Но эти два дня все равно стали тяжелым испытанием, потому что людям приходилось бороться с бесконечной чередой неудобств жизни на борту шлюпки. Всегда и повсюду их окружала вода — всепроникающая вода, от которой никуда нельзя было деться. Иногда это ограничивалось лишь брызгами волн, ударявшихся о шлюпку и не причинявших сильного вреда никому, кроме тех, кто находился у румпеля. Хуже было, когда шлюпка зачерпывала немного воды, которая затем стекала под палубу через спуск у кормы. Но совсем невыносимо становилось в те редкие моменты, когда шлюпка резко падала вниз, как только над ней вздымалась новая волна. Тогда по палубе текли целые потоки зеленоватой вспененной воды, которая начинала струиться вниз через многочисленные отверстия в настиле. Именно так протекает дождь сквозь ветхую крышу какой-нибудь лачуги. Через двадцать четыре часа после отплытия от острова Элефант настил стал провисать и в нем появилось около десятка небольших углублений, в которые затекала вода.

Больше всего, конечно, страдал тот, кто сидел на корме, поэтому через каждые час двадцать минут во время дежурства меняли рулевого. Но и двум другим дежурным приходилось немногим легче. Они вычерпывали воду, подтягивали паруса, двигали балласт, перетаскивая камни по дну шлюпки… и все это сопровождалось постоянными, почти бесполезными попытками уклониться от льющейся сверху воды. В любом случае они вымокали до нитки, поскольку вода все равно струями стекала по их спинам.

Все были одеты более или менее одинаково: теплое шерстяное нижнее белье, шерстяные штаны, толстый свободный свитер и сверху — пара легких габардиновых комбинезонов «Барберри». На голове у каждого — вязаные шерстяные шапки и

капюшоны «Барберри», прикрывавшие шею. На ногах — по две пары носков, валенки до лодыжек и финнеско — сапоги из оленьей шкуры, вывернутой шерстью наружу. Вся шерсть давно вытерлась, сапоги стали лысыми и мягкими. На борту совсем не было штормовок.

Такая одежда прекрасно подходила для очень холодной сухой погоды, но не для корабля с его бесконечной водой и брызгами. Здесь она только ухудшала положение, добросовестно впитывая каждую ледяную капельку воды, пропитываясь насквозь и оставаясь мокрой надолго.

Лучшее, что они могли сделать, чтобы пережить подобное испытание водой — как и на пути к острову Элефант, — сидеть как можно неподвижнее, чтобы тело по возможности не соприкасалось со «свежевымокавшими» частями одежды. Однако сидеть неподвижно в шлюпке двадцати двух футов длиной в бушующем море было очень трудно.

Довольно часто приходилось откачивать воду из шлюпки — примерно два или три раза в течение каждого дежурства. Для этого всегда требовались усилия двух человек: один работал у поршня, а второй опускал ледяной медный цилиндр под воду и должен был держать его как можно ближе ко дну шлюпки. Даже в перчатках руки того, кто держал цилиндр, немели через пять минут, и людям приходилось меняться местами.

Дискомфорт ощущали не только те, кто находился на дежурстве. С самого начала все поняли, что даже попытка поспать сопряжена с преодолением препятствий. Спальные мешки разместили в носовой части шлюпки, как предполагалось, в самом сухом месте. Чтобы добраться до них, приходилось на четвереньках проползать по камням, лежавшим на дне. И чем ближе человек подползал к носовой части, тем уже становилось пространство вокруг него, пока в конце концов не приходилось ложиться на живот, буквально протискиваясь вперед между обратной стороной скамеек и балластом. Когда же он все же доползал до носа, ему нужно было забраться в спальный мешок и постараться уснуть. Конечно, усталость помогала, но в носовой части шлюпки качка ощущалась сильнее, чем в любом другом месте. Иногда спящих людей подбрасывало вверх, а потом они приземлялись на камни, лежавшие на дне. Получить ощутимый удар можно было и тогда, когда шлюпка подпрыгивала на новой волне. На «Кэйрде» было шесть спальных мешков, поэтому каждый мог спать в своем, но Шеклтон предложил всем свободным от дежурства спать в трех мешках, используя остальные в качестве матрасов, чтобы защититься от ударов о камни. Все сразу же согласились.

Стало понятно, что под настилом недостаточно места, чтобы сидеть ровно. В первые дни во время еды люди сидели, согнувшись, так что подбородки упирались в грудь. Однако в таком состоянии было трудно глотать, и они стали ложиться вниз на камни.

В каком бы положении они ни находились — сидя, полулежа или лежа в спальных мешках, им приходилось постоянно бороться с качкой. Две тысячи фунтов балласта на дне «Кэйрда» не обеспечивали устойчивость шлюпки, и ее вертикально подбрасывало вверх с каждой волной. Уорсли считал, что шлюпка перегружена балластом, и уговаривал Шеклтона выбросить несколько камней за борт. Но Шеклтон подходил к этому вопросу с характерной для него осторожностью. Был только один способ узнать, прав ли Уорсли, — выбросить балласт; но тогда его уже не вернешь. Шеклтон считал, что уж лучше смириться с ужасной качкой, чем рискнуть двигаться дальше налегке.

Они отплыли от острова Элефант в очень хорошем настроении, зная, что плывут к цивилизации, как писал Макниш: «Насквозь мокрые, но счастливые, потому что прошли через все это — и победили». Однако после двух дней бесконечных трудностей и неудобств их радость быстро пропала. И когда в полдень 26 апреля Уорсли подсчитал, что они преодолели всего сто двадцать восемь миль, испытание, через которое они должны были пройти, показалось очень суровым. Единственным утешением стало то, что они медленно, но все же продвигались, — примерно по одной миле в полчаса.

Итак, 26 апреля они находились на 59°46′ южной широты и 52°18′ западной долготы, то есть всего в четырнадцати милях севернее шестидесятой параллели. Они шли между «бушующими пятидесятыми» и «кричащими шестидесятыми», которые назывались так из-за погоды, характерной для этих мест.

Затем их ждал пролив Дрейка — самая зловещая часть мирового океана, и она не зря так называлась. Здесь стихия показывала все, на что способна, если дать ей волю в полной мере.

Все начиналось с ветра. Путешественники попадали в огромную область стабильно низкого давления недалеко от Южного полярного круга, примерно на 67° южной широты. Гигантский отстойник, который под влиянием фронтов высокого давления, двигавшихся с более далекого севера, становился похожим на огромное болото с почти непрекращающимися западными ветрами, часто доходившими до бурь.

В лоции ВМС США по антарктическим водам, где все описано сухим канцелярским языком и намеренно преуменьшено, эти

ветра описываются весьма категорично: «Они часто достигают интенсивности ураганов с порывами ветра от ста пятидесяти до двухсот миль в час. Ветры такой силы не встречаются нигде, кроме, пожалуй, зоны тропических циклонов».

К тому же в этих широтах — чего нет больше нигде на земле — море, ни в одном месте не прерываемое землей, опоясывает весь земной шар. Именно здесь с давних времен ветры безжалостно заставляли моря крутиться по часовой стрелке вокруг земли, а затем возвращаться обратно, туда, где они бесконечно усиливали друг друга.

О волнах, возникавших при этом, среди мореплавателей ходили легенды. Они назывались волнами мыса Горн, или седобородыми. По некоторым подсчетам их длина от гребня до гребня могла равняться целой миле, а высота, по рассказам особо впечатлительных моряков, достигала двухсот футов. Но ученые считают, что это преувеличение, и максимальная высота этих волн равна примерно восьмидесяти — девяноста футам. Об их скорости часто спорят; многие моряки утверждают, что иногда она может достигать пятидесяти пяти миль в час. Но, скорее всего, правильнее будет говорить о скорости в тридцать морских узлов.

Чарльз Дарвин, впервые увидев в 1833 году, как эти волны разбиваются о берега Огненной земли, записал в своем дневнике: «Одного взгляда… достаточно, чтобы всех, кроме самых опытных моряков, неделю мучили кошмарные сны о смерти, опасности и кораблекрушениях».

И правда, один взгляд на них с палубы «Кэйрда» давал все основания для подобных мыслей. В те редкие моменты, когда светило солнце, волны цвета синего кобальта казались бесконечно глубокими, каковыми и были в действительности. Но бо́льшую часть времени небо оставалось затянутым облаками, и тогда вся поверхность моря становилась мрачной и безжизненно серой.

Беспрестанное движение этих водных громадин было почти безмолвным, за исключением тех шипящих звуков, которые издавали пенные гребни, когда поднимались так высоко, что стремительно падали вниз, повинуясь силе притяжения.

Каждые полторы минуты или даже меньше парус «Кэйрда» предательски обвисал, когда одна из этих гигантских волн поднималась над шлюпкой на высоту около пятидесяти футов, угрожая похоронить ее под сотнями миллионов тонн воды. Но благодаря удивительной плавучести ее поднимало все выше и выше, прямо по плоскости грозной волны, пока, наконец, она не оказывалась на самой вершине, в вихре пены, и не начинала

столь же стремительно мчаться вниз.

Снова и снова тысячи раз в день разыгрывалась эта драма. Вскоре для экипажа «Кэйрда» она перестала быть чем-то экстраординарным; все стали считать происходящее вполне обычным и рутинным, как если бы обстоятельства вынудили их жить вблизи действующего вулкана.

Они редко вспоминали о Южной Георгии, настолько далекой и утопически нереальной, что мысли о ней были чуть ли не угнетающими. Никто бы не выдержал, если бы стимул доплыть до нее оставался единственным.

Вместо этого вся жизнь укладывалась в периоды, разбитые на несколько часов, или даже несколько минут — бесконечная череда испытаний, ведущая к спасению из ада настоящего момента. Просыпаясь и выходя на дежурство, каждый намечал для себя очередную цель — момент, который наступит через четыре часа, когда он снова сможет залезть в покидаемый сейчас мокрый и холодный спальный мешок. Каждое дежурство предусматривало строго определенный объем работ: восемьдесят дьявольских минут у румпеля, во время которых человек подвергался жестоким ударам моря и мороза; затем испытание откачкой воды и, наконец, ужасное задание по передвижению балласта. Наименьшим мучением на этом фоне была мокрая одежда: после очередного ошеломляющего удара брызг следовало вытерпеть примерно две минуты — за это время промокшая насквозь одежда хоть как-то нагревалась на человеке и он опять мог двигаться.

Снова и снова повторялся этот кошмар, пока тело и разум не пришли в такое состояние онемения, при котором бешеные кульбиты шлюпки, бесконечные холод и сырость не стали восприниматься как норма.

Через три дня после того, как они отплыли от острова Элефант, 27 апреля, удача отвернулась от них. Около полудня пошел промозглый, похожий на туман дождь, и ветер через какое-то время сменился северным.

Сейчас они находились примерно в ста пятидесяти милях севернее острова Элефант, и все еще в пределах той зоны, где могли столкнуться со льдом. Нельзя было допустить изменения курса на юг даже на одну милю. Шеклтон и Уорсли несколько минут обсуждали все возможности и решили, удерживать шлюпку против ветра так долго, сколько смогут.

И началась настоящая борьба — особенно угнетающая потому, что все отдавали последние силы только для того, чтобы просто оставаться на месте. Но примерно к одиннадцати вечера, к их большому облегчению, северный ветер заметно стих и

сменился на северо-западный. Поэтому в полночь, когда Уорсли со своей командой приступил к дежурству, «Кэйрд» уже снова мог продолжить путь на северо-восток.

На рассвете 28 апреля дул лишь легкий северо-западный бриз; погода была лучше, чем в момент их отплытия четыре дня назад с острова Элефант. Но состояние людей и оснащение шлюпки вызывали серьезные опасения. Шеклтон с тревогой ощутил признаки радикулита — возвращались знакомые боли, мучившие его в Океанском лагере. А еще всех беспокоило нараставшее ощущение стянутости в ногах.

Как-то раз поздним утром Макниш внезапно сел посреди каюты под настилом и стянул сапоги. Его ноги, лодыжки и ступни были опухшими и мертвенно-белыми. Скорее всего, это произошло потому, что все они очень мало двигались, а их ноги были постоянно промокшими. Когда Шеклтон увидел состояние ног Макниша, он попросил остальных снять обувь — у всех обнаружилось то же самое. У Винсента дела обстояли хуже остальных — ситуация осложнялась ревматизмом. Шеклтон изучил содержимое аптечки и дал ему единственное лекарство, которое могло хоть немного помочь, — небольшую бутылочку с настойкой гамамелиса.

И самое плохое, от постоянной влажности пострадали навигационные книги Уорсли. Если они пострадают, «Кэйрд» будет обречен, он потеряется среди этой морской пустыни. Было сделано все возможное, чтобы защитить книги, но их все равно приходилось каждый раз доставать, чтобы произвести очередные расчеты.

Обложка судового журнала промокла насквозь, и сырость начинала распространяться на внутренние страницы. Астрономический календарь со всеми таблицами о положении Солнца и звезд вообще выглядел плачевно. Напечатанный на дешевой бумаге, он быстро намокал. Приходилось всякий раз аккуратно отклеивать влажные станицы друг от друга.

Что касается замеров, сначала Уорсли пытался делать их в каюте. Но из этого ничего не выходило. Практически невозможно было не только сидеть прямо, но и получать точные данные. Он обнаружил, что лучше всего работать, стоя на коленях на скамье рулевого, пока Винсент и Маккарти держали его за пояс.

Днем 29 апреля относительно приемлемые погодные условия с присутствием северо-западного ветра закончились, подул ветер с запада, заметно посвежело. К сумеркам ветер уже дул с юго-юго-запада и разогнался почти до бури. Наступила ночь, облака закрыли звезды. Управлять шлюпкой можно было лишь одним способом — глядя на вымпел, развевавшийся на верхушке мачты,

плыть так, чтобы он отклонялся строго влево.

Только раз за всю ночь им удалось свериться с приборами и убедиться, что плывут правильно. Затем они зажгли спичку, осветив ею компас, чтобы удостовериться, что ветер не поменял направление. У них было всего две свечи, которые хранили как зеницу ока до того момента, когда будут подходить к Южной Георгии.

На рассвете пятого дня, 29 апреля, море было неспокойным, а небо серым. По нему стремительно проносились низкие тяжелые облака, почти касаясь поверхности воды. Ветер дул практически ровно за кормой, и «Кэйрд» плыл вперед, как недовольная старуха, которую тащат быстрее, чем она может идти.

Незадолго до полудня небо слегка прояснилось. Уорсли тут же достал секстант. И как раз вовремя, потому что спустя четыре минуты солнце, сверкнув последним лучом, исчезло по-зимнему быстро. Но они успели: Уорсли сделал необходимые замеры, а Шеклтон записал показания хронометра. Оказалось, что «Кэйрд» находился на 58°38′ южной широты и 50°0′ западной долготы — следовательно, с момента отплытия с острова Элефант шесть дней назад они прошли двести тридцать восемь миль.

Это была почти треть всего пути.

Глава 34

Итак, одна треть пути была позади. Они продержались.

Весь день и всю ночь продолжал дуть юго-западный ветер, постепенно набиравший силу. И к тому времени, как мрачное серое небо слегка посветлело утром 30 апреля, поверхность воды угрожающе вспенилась, в снастях засвистела буря, бешено подбрасывая «Кэйрд» на каждой новой волне. Температура приближалась к нулю, а пронизывающий ветер, по всей видимости, дул со стороны находившихся недалеко от них льдов.

После рассвета стало значительно труднее управлять шлюпкой. Буря со скоростью шестьдесят узлов в час бросала ее из стороны в сторону, огромные волны постоянно угрожали перевернуть шлюпку. К середине утра она уже скорее барахталась, чем плыла, беспомощно переваливаясь с одного борта на другой, почти с каждой волной зачерпывая воду. Откачивать воду насосом в какой-то момент стало невозможно, и все бросились ее вычерпывать. К полудню шлюпка начала покрываться льдом.

Решение, казавшееся неизбежным, Шеклтон откладывал так долго, как только мог. Они откачивали и вычерпывали воду, пытались сбивать лед, упорно направляя шлюпку по заданному курсу. Полдень… час дня… два часа дня. Но все усилия оказались тщетны. Море было сильнее, «Кэйрд» больше не мог ему противостоять. Шеклтон нехотя отдал приказ разворачиваться. Спустили паруса, бросили за борт морской якорь на длинном канате — сложенный в форме конуса кусок парусины длиной около четырех футов, наполненный камнями. Он тормозил движение шлюпки и помогал противостоять ветру.

Эта уловка почти сразу помогла. По крайней мере теперь в шлюпку попадало не так много воды. Но она вела себя, словно одержимая. С каждой новой волной вздымалась вверх, затем падала на бок как будто только для того, чтобы якорь резкими рывками то и дело возвращал ее в горизонтальное положение. И при этом не было ни одного момента для передышки, ни единого спокойного мгновения. Оставалось держаться и терпеть.

Вскоре после этого на свернутых парусах образовалась наледь, и с каждым всплеском брызг они становились все тяжелее. Через час паруса превратились в цельную массу льда, шлюпка стала подниматься очень вяло. Паруса надо было снять. Это поручили Крину и Маккарти. Сбив наледь, они спустили их вниз, в и без того переполненное пространство под палубой.

Затем наледь стала образовываться вокруг весел. Все четыре

весла лежали вдоль бортов. Когда лед начал нарастать, они превратились во что-то, напоминавшее небольшой фальшборт, который не позволял воде до замерзания попадать в шлюпку. Шеклтон с тревогой наблюдал за происходящим в надежде, что слой льда на палубе не станет слишком тяжелым. В наступающих сумерках он понял, что оставлять ситуацию на самотек до утра слишком опасно. Он приказал Уорсли, Крину и Маккарти выйти с ним на качающуюся палубу.

С большим трудом им удалось отбить образовавшийся вокруг весел лед и перевесить два из них за борт. Оставшиеся два весла привязали к канатам, поддерживавшим мачты примерно в восемнадцати дюймах над настилом, чтобы вся вода могла беспрепятственно стекать вниз. На это потребовалось больше двадцати минут, и к тому времени, как они закончили, стало совсем темно, все насквозь промокли и снова забрались под настил. Наступила очередная ночь.

Дежурные все четыре часа подряд дрожали, съежившись под настилом, промокшие и полузаледеневшие, стараясь сидеть прямо на ненавистных камнях, когда ветер изо всех сил раскачивал шлюпку.

Семь мучительных дней из-за этих камней было неудобно есть, они мешали откачивать и вычерпывать воду, серьезно затрудняли любые перемещения, делали сон практически невозможным. Но сущим мучением было передвигать их. Иногда это требовалось, чтобы сбалансировать шлюпку, причем поднимать их приходилось в полусогнутом состоянии, опираясь коленями на другие камни, что было, как правило, очень больно. К этому времени каждый острый краешек, каждая скользкая поверхность были всеми хорошо изучены и ненавидимы.

Помимо этого досаждали еще и волоски оленьей шерсти. Выбиваясь из спальных мешков, поначалу они лишь немного мешали. Неважно, сколько волосков оттуда выбивалось, казалось, их запас неиссякаем. Они были повсюду: на бортах шлюпки, скамьях, балласте. Они мокрыми комками прилипали к лицу и рукам. Людям постоянно приходилось их вдыхать, иногда они даже просыпались от удушья. Вездесущие волоски забивались в насос, их маленькие частички все чаще и чаще оказывались в еде.

Ночь постепенно подходила к концу, и в шлюпке произошли небольшие изменения. Струйки воды, затекавшей под настил, стали значительно меньше, а затем и вовсе перестало течь. В то же время шлюпка начала вести себя спокойнее, не взмывая резко вверх, а тяжеловесно поднимаясь на волнах.

С первыми солнечными лучами стало понятно, в чем причина. Всю шлюпку выше ватерлинии сковал лед, толщина

которого в некоторых местах достигала одного фута, а веревка, к которой крепился якорь, была теперь толщиной с бедро человека.

Под таким весом «Кэйрд» осел минимум на четыре дюйма — полузатопленная развалина, а не судно на ходу.

Уорсли был на дежурстве, он тут же послал Маккарти разбудить Шеклтона, который мгновенно поднялся наверх. Оценив ситуацию, он приказал всем собраться на палубе, затем взял небольшой топорик и осторожно пополз вперед по настилу.

Очень аккуратно, чтобы не повредить настил, он начал отбивать лед задней частью топора. Иногда волна, ударяясь о шлюпку, накрывала его с головой, но он работал без остановки целых десять минут. Остальные с тревогой следили за ним. К этому времени Шеклтон настолько промерз, что больше не мог удержать равновесие. Когда он вернулся в каюту, его била крупная дрожь, с одежды ручьями стекала вода, борода наполовину оледенела. Он передал Уорсли топорик, чтобы тот продолжил работу, попросив его быть чрезвычайно осторожным на палубе.

После этого все по очереди отбивали лед столько, сколько могли, но, как правило, никто не выдерживал более пяти минут. Сначала следовало очистить ото льда доски настила, чтобы уцепиться за них руками и опуститься на колени. Встать на гладкую ледяную поверхность качающейся шлюпки было равносильно самоубийству.

Шеклтон заметил, что лед формируется даже внутри, в самой каюте. С настила свисали длинные сосульки, и вода на дне почти полностью замерзла.

Он позвал Крина, и вместе они разожгли примус в надежде прогреть каюту до температуры, превышающей точку замерзания воды. Если воду на дне не растопить и не откачать, вполне вероятно, что лед отправит шлюпку на дно.

Спустя час изнурительной работы на палубе они почувствовали, что «Кэйрд», освобождаясь от ледовых оков, обретает былую легкость. Но упорно продолжали работать, пока не отбили почти весь лед, кроме большого куска на якоре, который просто не осмеливались вытащить.

Затем Шеклтон позвал всех вниз выпить немного молока. Они собрались вокруг печи, почти больные от холода. Людям казалось, что в их онемевших от мороза телах не осталось ни единой искры жизни. Но постепенно все приходили в себя. Спустя какое-то время сосульки, образовавшиеся под настилом, начали таять, и на людей стала капать вода. Вскоре растаяла и вся вода на дне — ее, не теряя времени, откачали.

Шеклтон попросил Крина какое-то время не выключать

примус, но к полудню едкий дым, заполнивший каюту, вынудил отказаться от этой идеи. Потребовалось несколько минут, чтобы проветрить каюту, и тут все почувствовали новый запах — зловонный кисло-сладкий, напоминавший испорченное мясо. Макниш обнаружил, что он исходит от спальных мешков, которые начали гнить. Более пристальное изучение показало, что два из них изнутри покрылись слизью.

В течение дня снова и снова на всех поверхностях шлюпки образовывался лед. Поэтому немного позже в тот же день Шеклтон решил: слишком многое поставлено на карту, чтобы испытывать судьбу, играя на вероятности дожить до утра. Он снова приказал очищать шлюпку. На это ушло больше часа, но наконец работа была закончена и после порции горячего молока все стали ждать утра.

Буря, пришедшая с юго-запада, свистела в снастях, не зная усталости. Ночное дежурство казалось бесконечным. Как будто каждую минуту их жизни теперь предварительно прописывали, затем проживали и провожали. Даже не происходило ничего опасного, чтобы разбавить эту мучительную монотонность. Когда же около шести утра небо начало светлеть, они увидели, что шлюпка снова покрыта опасно толстым слоем льда. Как только немного рассвело, пришлось отдирать его в третий раз.

Наступило 2 мая, шел третий день бури. Погода весь день стояла пасмурная, что не позволяло определить их местоположение. И тогда ко всем бедам прибавилась тревога из-за того, что они не знали точно, где именно находятся.

Примерно после девяти часов ветер слегка утих, но недостаточно, для того чтобы спокойно продолжать путь. Через несколько минут «Кэйрд» попал в особо бурные воды, и его тут же ударило мощной волной. Шлюпку затрясло. Но она не смогла снова подняться против ветра. Якорь оторвало.

Глава 35

После минуты замешательства все почувствовали, как, падая на волны, шлюпка накренилась на правый борт, — и тут же инстинктивно поняли, что произошло.

Шеклтон и Уорсли вскочили на ноги, всматриваясь туда, где болтался в воде потрепанный кусок каната. Льда на нем больше не было, как не было и якоря.

Шеклтон приказал членам команды, находившимся в тот момент в кают-компании, достать кливер[37]. Его быстро вытащили и расправили, поскольку он просто замерз в свернутом состоянии. Крин и Маккарти поползли по раскачивающейся палубе, подтаскивая за собой парус. Все канаты тоже замерзли, и с них пришлось сбивать лед. Пара минут показалась всем вечностью — но в конце концов удалось сбить немного льда, чтобы закрепить кливер на грот-мачте в качестве временного паруса. Медленно и словно нехотя «Кэйрд» опять развернулся и стал по ветру. Все почувствовали, как постепенно спадает напряжение в мышцах.

Задачей рулевого теперь было держать шлюпку как можно ровнее по ветру, чтобы она не сильно заваливалась на бок. Это требовало неусыпной бдительности, и, самое неприятное, рулевому все время приходилось стоять на пронизывающем морозе под постоянными ударами брызг.

К счастью, буря постепенно затихала, и к одиннадцати часам Шеклтон решил рискнуть поднять паруса. Кливер сняли с грот-мачты, после чего подняли рейковый парус и бизань. И впервые за сорок четыре часа «Кэйрд» снова двинулся на северо-восток. Путь продолжался. Но курс оставался неточным, потому что шлюпка все еще находилась во власти бурного моря.

Вскоре после полудня как будто из ниоткуда над ними появился великолепный странствующий альбатрос. По сравнению с «Кэйрдом» он летел с поэтическим изяществом и непринужденностью, раскинув совершенно неподвижные крылья, то и дело опускаясь к шлюпке и паря над ней буквально в десяти футах, а затем почти вертикально взлетая по ветру на сто, двести футов вверх только для того, чтобы снова красиво и легко нырнуть вниз.

Наверное, так природа насмехалась над людьми — показывая им совершенное существо, способное летать, с размахом крыльев более одиннадцати футов. Ему не был страшен даже самый сильный шторм. Казалось, птицу послали для сравнения с «Кэйрдом», чтобы посмеяться над его страданиями.

Час за часом альбатрос кружил над их головами с

немыслимой, почти гипнотической элегантностью. Люди с трудом подавляли чувство зависти. Уорсли отметил, что альбатрос мог бы добраться до Южной Георгии примерно за пятнадцать часов, а то и меньше.

Как будто нарочно для того, чтобы подчеркнуть их убогое положение, Уорсли записал: «Спальные мешки из оленьих шкур превратились в отвратительное склизкое месиво с ужасным запахом, которое к тому же очень много весило, поэтому нам пришлось выкинуть два самых ужасных за борт». Каждый весил около сорока фунтов.

Позже он сделал еще одну запись: «Макти [Маккарти] — самый неугомонный оптимист, какого я когда-либо встречал. Недавно я сменял его у румпеля. Он сильно замерз, был весь мокрый, по шее струями стекала ледяная вода, но, глядя на меня со счастливой улыбкой, он произнес: “Это великий день, сэр”. А ведь до этого я чувствовал себя несчастным и выглядел весьма угрюмым …»

Днем и вечером погода была менее суровой, а рассвет 3 мая сопровождался уже вполне спокойным юго-западным бризом. К полудню облака стали реже и прозрачнее. Вскоре появились участки голубого неба, а еще через какое-то время выглянуло солнце.

Уорсли достал свой секстант и без труда сделал замеры. Выяснилось, что они находились на 56°13′ южной широты и 45°38′ западной долготы — на расстоянии четырехсот трех миль от острова Элефант.

Итак, они были уже больше чем на половине пути до Южной Георгии.

Благодаря этой новости настроение на борту «Кэйрда» полностью изменилось. Битва наполовину выиграна, светит солнце, воздух становится теплым. Свободные от дежурства члены команды не стали прятаться в спальных мешках. Вместо этого они вытащили их наружу и развесили на мачтах сушиться. Все снимали с себя одежду и обувь: ботинки, носки и свитера, привязывая их к бакштагу[38].

Теперь «Кэйрд» выглядел крайне нелепо. Изрядно потрепанная морем двадцатидвухфутовая шлюпка одиноко шла под парусами по самому опасному в мире морю, а ее тросы украшала коллекция изношенной одежды и полупрогнивших спальных мешков. Ее экипаж состоял из шести человек с почерневшими от копоти лицами, наполовину скрытыми под спутанными бородами, и мертвенно бледными от постоянного пребывания в соленой воде телами. Более того, их лица, и особенно пальцы, были покрыты уродливыми язвами в тех местах,

где обморожение проело плоть. Ноги ниже коленей были сплошь в свежих царапинах и синяках из-за камней, лежавших на дне. Все это дополнялось волдырями от соленой воды на запястьях, лодыжках и ягодицах. Но если бы кто-нибудь со стороны увидел эту ужасную картину, больше всего его впечатлило бы отношение ко всему происходящему самих членов экипажа — расслабленное, даже слегка веселое, как будто бы они были на какой-то прогулке. Уорсли достал свой дневник и записал:

«Море умеренное, волнение с юга.
Синее небо с пролетающими облаками.
Хорошо. Ясная погода.
Смогли спасти некоторые вещи от постоянного промокания.
До Лит-Харбор триста сорок семь м [миль]».

К вечеру благодаря солнцу вещи заметно подсохли, и ночью, забираясь в спальные мешки, люди испытывали особенно приятные ощущения. По крайней мере было с чем сравнивать.

Хорошая погода держалась всю ночь и весь следующий день 4 мая, поэтому вещи снова развесили для просушки. Ветер дул с юго-востока со скоростью не более пятнадцати узлов. Волны лишь изредка окатывали шлюпку, поэтому откачивать воду пришлось только дважды за день.

В полдень Уорсли выяснил, что они находились на 55°31′ южной широты и 44°43′ западной долготы, а это значило, что за двадцать четыре часа они проплыли пятьдесят две мили.

Два дня хорошей погоды сотворили настоящее чудо: почти у всей команды появилось чувство уверенности, совсем легкое, но его нельзя было спутать ни с чем. Поначалу Южная Георгия оставалась для них далеким эхом, названием, в котором не было ни отзвука реальности.

Теперь все изменилось. В данный момент они находились в двухстах пятидесяти милях от ближайшей точки Южной Георгии. Они проплыли уже четыреста пятьдесят миль, и преодолеть оставшееся расстояние теперь казалось реальным. Еще каких-нибудь три или, может быть, четыре дня — и они окажутся у долгожданного берега. Все будет позади. Их охватило необычайное волнение от того, что недосягаемая цель становилась достижимой. Но ощущения, что все осталось позади, не было. Наоборот, нынешнее состояние только добавляло озабоченности благополучным исходом дела.

Всю ночь ветер стабильно дул с юго-востока, но затем усилился так, что временами его порывы достигали сорока узлов. Утром 5 мая погода вернулась в привычное русло — облачное

небо и неспокойное море. Ветер дул по правому борту, шлюпку постоянно заливало водой. К девяти часам все снова промокло, как и раньше.

Больше в этот день почти ничего не происходило. Лишь вечером подул ветер с севера, а затем с северо-запада, и с наступлением темноты снова разыгралась буря.

Ночью было очень тяжело управлять шлюпкой. Пасмурное небо; вымпел на грот-мачте, по которому они когда-то определяли курс, сорвало во время одной из многочисленных бурь. Они шли скорее интуитивно, повинуясь движениям шлюпки и пристально наблюдая за призрачной линией белой морской пены.

В полночь, выпив горячего молока, Шеклтон отправился со своей командой на дежурство. Он занял место у румпеля, а Крин и Макниш стали откачивать воду. Как только глаза Шеклтона привыкли к темноте, он увидел вдалеке за кормой светлую полоску в небе и пояснил остальным, что погода на юго-западе начинает проясняться. Спустя мгновение раздалось страшное шипение, сопровождавшееся низким ревом. На самом деле полоса в небе оказалась гребнем огромной волны, с чудовищной скоростью летящей на них. Он развернулся и, инстинктивно вжав голову в плечи, закричал: «Ради Бога, держитесь! Она нагнала нас!» Долгое время ничего не происходило. «Кэйрд» просто поднимался все выше и выше, глухой шум гигантской волны заполнял воздух.

Затем внезапно ударила волна, шлюпку бросило в водоворот бурлящей воды и резко дернуло одновременно вперед и в сторону. Казалось, она взлетела в воздух; Шеклтона едва не смыло потоком воды, захлестнувшим палубу сверху. Румпель слегка пошатнулся, но затем встал на место, когда шлюпку развернуло, словно какую-то невесомую игрушку.

Теперь казалось, что в мире ничего, кроме воды, не существует. Нельзя было даже определить, находятся ли они на плаву или уже перевернулись. Но спустя мгновение волна двинулась дальше, а «Кэйрд», почти затопленный до поверхности скамеек, чудесным образом все еще оставался на плаву. Крин и Макниш схватили первое, что попалось под руку, и начали бешено вычерпывать воду. Спустя мгновение команда Уорсли, успевшая выбраться из спальных мешков, присоединилась к ним, с огромной скоростью помогая вычерпывать воду. Все понимали, что со следующей волной им придет конец, нужно было срочно вычерпать воду до появления второй волны.

Шеклтон, сидевший у румпеля, высматривал за кормой еще одну такую же светлую полосу. Но она не появлялась. Вся

команда продолжала вычерпывать воду. «Кэйрд» начал постепенно подниматься.

Балласт на дне шлюпки сдвинулся, компас разбился, но, похоже, они в очередной раз победили. На то, чтобы разгрузить шлюпку, ушло больше двух часов, и основную часть этого времени они работали, стоя по колено в ледяной воде.

Крин начал искать примус. И наконец нашел. Примус застрял между ребрами шлюпки и был полностью забит мусором. Не менее получаса Крин колдовал над ним в полной темноте, но его терпение постепенно стало иссякать. Сквозь зубы он начал ругать злосчастный примус — и случилось чудо: устройство тут же заработало. Теперь чудовищно уставшие люди смогли выпить немного горячего молока.

Глава 36

Утро 6 мая началось ужасно. С северо-запада дул ветер со скоростью примерно пятьдесят узлов, а «Кэйрд» шел наперекор ему, пытаясь удержать северо-восточный курс. Волны по-прежнему захлестывали истерзанную шлюпку.

Но это не имело особого значения. Измученные почти до потери сознания, насквозь промокшие люди продолжали бороться. За ночь поведение волн существенно изменилось. Тринадцать дней люди страдали от почти непрекращающихся бурь, а теперь снова попали в эпицентр неконтролируемой морской стихии. Они ужасно ослабели, сил хватало лишь на то, чтобы терпеть сваливавшиеся на них несчастья.

Вряд ли на Божьей земле есть существа, которые не пытаются бороться за свою жизнь, каковы бы ни были их шансы. Все члены команды чувствовали себя примерно так же. Они были охвачены злостью и решимостью довести экспедицию до конца любой ценой. Они чувствовали, что заслужили это. Тринадцать дней они боролись со страшными несчастьями, которые посылал им пролив Дрейка, и сейчас, видит Бог, они заслуживали шанса справиться со всем остальным.

Решимость усилилась, когда Уорсли удалось уточнить их местоположение. Они находились на 54°26′ южной широты и 40°44′ западной долготы. Если расчеты были верны, то это всего в девяносто одной миле от западной оконечности Южной Георгии, и уже совсем скоро должны были показаться первые признаки земли — водоросли или плавающие коряги.

Но будто в насмешку над их решимостью все утро буря грозно набирала силу. К полудню она стала настолько мощной, что Шеклтон посчитал безрассудством продолжать борьбу, несмотря на уговоры Уорсли. В час дня он отдал приказ лечь в дрейф. Спустили паруса. Снова подняли кливер на грот-мачте и отдались на волю волн.

Все опять стали угрюмыми, даже Шеклтон, который с самого начала делал все возможное, чтобы поддержать в людях боевой дух, дабы избежать конфликтов. Всем казалось, что это уж слишком — находиться настолько близко, может, всего в одном дне от цели, и вдруг остановиться.

Напряжение Шеклтона было столь велико, что он взорвался из-за пустяка. Небольшая птичка с коротким хвостом внезапно появилась над шлюпкой и начала раздражать всех, летая вокруг, словно комар. Несколько минут Шеклтон терпел, а затем вскочил на ноги, крича на птицу и яростно размахивая руками. Внезапно

он понял, какой ужасный пример подает остальным, и вернулся на место с удрученным видом.

Оставшаяся часть дня прошла без инцидентов, пока ближе к наступлению сумерек Крин не начал готовить похлебку. Через пару минут он позвал Шеклтона вниз и дал ему чашку с водой на пробу. Шеклтон немного отхлебнул, и его лицо стало очень серьезным. Вода во второй бочке, упавшей в море во время загрузки «Кэйрда», оказалась грязной. У нее был ни с чем не сравнимый привкус соленой морской воды, которая, по всей видимости, просочилась внутрь. Более того, бочка была почти наполовину пуста, а значит, очень много воды вытекло.

Крин спросил Шеклтона, как ему поступить, и тот довольно раздраженно ответил, что они ничего не могут сделать, раз это последний запас воды, придется его использовать.

Крин принялся варить похлебку. Когда она была готова, все осторожно начали ее пробовать, но чуда не произошло — похлебка имела очень неприятный соленый вкус.

Для Шеклтона это означало одно: надо спешить. Как только стемнело, и Уорсли встал у румпеля, Шеклтон пришел к нему на корму, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. По словам Шеклтона, запаса еды хватало на две недели. Но воды оставалось меньше чем на неделю, и она была почти непригодной для питья. Поэтому следовало как можно быстрее доплыть до земли.

Неизбежно вставал вопрос: удастся ли им добраться до Южной Георгии? Шеклтон спросил Уорсли, насколько точны, по его мнению, последние расчеты? Уорсли пожал плечами. Если повезло, то погрешность составила максимум десять миль, но всегда существовала вероятность ошибки.

Оба знали, что кроме двух крошечных островков в Атлантическом океане между Южной Георгией и Южной Африкой на расстоянии около трех тысяч миль больше нет ни клочка суши. Если из-за просчетов во время шторма они пропустили остров, второго шанса у них не было. Земля находилась с наветренной стороны, и они не смогли бы до нее добраться. Они не должны были пропустить ее.

К счастью, когда наступила ночь, буря, пришедшая с северо-запада, слегка утихла, и небо стало проясняться. В час ночи Шеклтон решил, что теперь вполне безопасно продолжать путь, и они снова взяли курс на северо-восток.

Сейчас самой главной задачей было узнать их местоположение, но вскоре после рассвета все вокруг накрыл плотный туман. Смутно виднелись лишь контуры солнца. Уорсли все утро держал секстант под рукой, надеясь, что туман рассеется. После нескольких часов ожидания он достал дневник и

почти в отчаянии написал: «Самые неблагоприятные условия для замеров. Туманно, и шлюпка прыгает как блоха…»

Обычно, для того чтобы сделать замеры, нужно сопоставить с помощью секстанта периметр солнца с горизонтом. И сейчас Уорсли, силясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь туман, пытался найти центр солнечного диска. Он снова и снова делал расчеты, чтобы, основываясь на среднем результате из всех полученных, прийти к более или менее точным данным. Наконец удалось определить, что они находились на 54°38′ южной широты и 39°36′ западной долготы, в шестидесяти восьми милях от берега Южной Георгии. Но Уорсли сразу же предупредил Шеклтона, чтобы тот не сильно доверял этим расчетам.

Изначально они планировали обогнуть западный берег Южной Георгии, пройти между островами Уиллис и Берд, затем повернуть на восток и плыть вдоль берега до китобойной базы в Лит-Харбор. Но этот план напрямую зависел от точности расчетов и не учитывал нехватку воды. Сейчас не имело значения, где именно они причалят, главное было — поскорее оказаться на земле. Поэтому они взяли курс на восток в надежде, что подойдут к западному побережью острова, неважно куда.

Между тем ситуация с водой была намного серьезнее, чем им показалось сначала. Солоноватый вкус — это еще полбеды, но она была загрязнена отстоявшимся осадком и волосками оленьих шкур, которые каким-то образом попали в бочку. Эту грязную жидкость приходилось процеживать через аптечную марлю, и только тогда пить, но из-за соли она лишь усиливала жажду. Кроме того, Шеклтон снизил ежедневную порцию воды до половины чашки, а также отменил порцию горячего молока в начале каждого ночного дежурства. Днем он объявил, что команда будет получать похлебку только два раза в день.

Весь день нарастало ощущение, что они вот-вот должны увидеть какой-то знак приближения земли — птиц, водоросли или что-нибудь еще. Но ничего такого не было. К вечеру ожидание сменилось чем-то, похожим на опасение странного парадоксального характера.

По оценке Уорсли, они находились примерно в пятидесяти милях от берега. Но его расчеты могли быть не совсем верны, а значит, оставался шанс, что они намного ближе.

На западном побережье Южной Георгии не существовало никаких поселений, поэтому даже не стоило говорить о маяках или буях, по которым они могли бы ориентироваться. На самом деле и по сей день западное побережье Южной Георгии до конца не изучено. Поэтому они вполне могли врезаться ночью в землю — внезапно и катастрофически.

Однако это страх удивительным образом уравновешивался другим страхом: что они ночью могут просто проплыть мимо, не увидев остров и никогда об этом не узнав. И действительно, это уже могло произойти.

Теперь вокруг царила кромешная тьма, и «Кэйрд» плыл на востоко-северо-восток, подгоняемый ветром по левому борту. Красными от соли глазами все напряженно всматривались в темноту в поисках туманного контура земли. Внимательно прислушивались в надежде услышать какой-нибудь необычный звук вроде звука волны, разбивающейся о рифы. Но видимость была хуже некуда: тучи закрывали звезды, а по поверхности воды стелился туман. Они слышали только стоны ветра и тяжелые всплески волн.

Жажда обостряла ожидание, каждая прожитая минута казалась часом. Но несмотря на дискомфорт и неуверенность, люди с трудом подавляли в себе возбуждение и волнение. На каждом дежурстве теперь говорили о том, как скоро они доплывут до китобойной базы и каково будет, наконец, помыться, надеть чистую одежду, уснуть в настоящей кровати и поесть за настоящим столом.

Проходили часы, но по-прежнему ничто не свидетельствовало о приближении к берегу. В четыре часа утра, во время дежурства Уорсли, Шеклтон остался с ним на корме, чтобы следить за появлением земли. Они плыли со скоростью три узла и к шести часам утра должны были находиться менее чем в пятнадцати милях от берега, но все еще не видели ни кусочка льда, ни водорослей.

Наступило семь часов. От берега Южной Георгии их должно было отделять всего двенадцать миль, но по-прежнему не было никаких признаков приближения земли. Ожидание постепенно стало сменяться нарастающим напряжением. Некоторые из вершин Южной Георгии достигали десяти тысяч футов в высоту. Они уже должны были показаться на горизонте.

В восемь часов Шеклтон заступил на дежурство, хотя никто уже не думал о чередовании дежурств. Все с надеждой и волнением смотрели по сторонам. Но видели только море и небо, как всегда.

К девяти часам Шеклтон отправил Крина готовить похлебку. Когда она была готова, все быстро поели и вернулись на места, чтобы продолжить наблюдение.

Наступило странное время стремления и ожидания, усугубляемых мрачными невысказанными сомнениями. Все должно было закончиться очень скоро. Это хороший повод для радостного волнения, и даже ликования. И все же внутри каждого

из них звучал недовольный голос, не желавший умолкать: они могли искать напрасно. Если там был остров, они должны были заметить его несколько часов назад.

Затем, примерно после половины одиннадцатого, Винсент увидел небольшое скопление водорослей, а через несколько минут в небе пролетел баклан. Надежда вспыхнула с новой силой. Бакланы редко залетали дальше, чем на пятнадцать миль от земли.

Вскоре туман начал постепенно рассеиваться. Рваные облака все еще проносились недалеко от поверхности воды. Однако видимость уже была намного лучше. К полудню туман почти полностью исчез. Но, куда ни глянь, простиралось бесконечное море.

Земля!

Это был голос Маккарти, голос сильный и уверенный. Маккарти указывал прямо вперед по курсу. И там действительно была она. Черные мрачные скалы с белыми пятнами снега, лежавшего на вершинах. Они хорошо просматривались сквозь облака и находились примерно в десяти милях от шлюпки. Через мгновение облака, как занавески, поплыли по воде и скрыли от людей этот невероятный вид. Но такие мелочи уже не имели значения. Земля была там, и они ее видели.

Глава 37

Воцарилось полное молчание. Наконец Шеклтон нарушил его.

«Мы сделали это», — сказал он странно дрожащим голосом.

Больше никто не произнес ни слова. Они просто смотрели вперед и ждали, когда земля снова появится, чтобы убедиться. Через пару минут, когда облака уплыли в сторону, она появилась.

Лица озарили слабые, даже какие-то глуповатые улыбки, но не из-за триумфа или радости, а из-за неописуемого облегчения.

Они держались прямо по курсу к тому, что видели, и через час были уже достаточно близко, чтобы понять примерные контуры земли. Уорсли достал дневник и сделал грубый набросок.

Затем сравнили его с картой, и он оказался похожим на мыс Демидова. Если это был он, значит, навигация Уорсли была почти безукоризненной. Они находились всего в шестнадцати милях от западной оконечности острова — той точки, к которой шли изначально.

К половине третьего «Кэйрд» был примерно в трех милях от берега, люди уже могли рассмотреть зеленые лишайники и участки желто-коричневой травы, проглядывающие сквозь снег на склонах мыса. Первые растения, которые они увидели более чем за шестнадцать месяцев. Еще один час, или чуть больше — и они будут стоять среди них.

Все казалось идеальным. Но, увы, эйфория длилась недолго. Через несколько минут до них донесся низкий грохот прибрежных волн. Внезапно прямо перед «Кэйрдом» и чуть правее от него в небо взметнулись струи воды. Подойдя ближе, они увидели огромные бурлящие волны, которые с ужасным шумом мчались в сторону берега, напоминая седобородые гребни мыса Горн, слепо следующие к своей смерти в неизведанных рифах.

За одно мгновение все изменилось. Нельзя было даже думать о том, чтобы причалить к берегу, по крайней мере здесь, потому что в этих волнах шлюпка не выдержала бы и десяти секунд. Такой жестокой судьбы они не заслужили. Земля простиралась прямо перед ними, и они были достойны очутиться на ней. Но теперь, когда путешествие почти завершилось, природа насмешливо отказывала в награде.

Они больше не могли держаться выбранного курса. Крин тотчас же сменил у румпеля Уорсли, который вместе Шеклтоном углубился в изучение карты. Требовалось быстро принять решение.

Если перед ними мыс Демидова, а сейчас это казалось почти очевидным, то, согласно данным карты, существовали еще два места, где они могли бы причалить. Первое — бухта Короля Хокона в десяти милях на восток вдоль побережья по правой стороне. Второе — гавань Уилсона, к северу от того места, где они сейчас находились.

Однако бухта Короля Хокона была полностью открыта бушующим сейчас северо-западным ветрам. Более того, только к ночи они могли достичь входа в нее, и если какие-то рифы перекрывали путь к берегу, то в темноте они угрожали шлюпке гибелью.

При этом, несмотря на то что до гавани Уилсона оставалось всего четыре мили и, скорее всего, в ней можно было прекрасно укрыться, она находилась там, откуда дул ветер, что делало ее недосягаемой.

Теоретически у них было два объекта на выбор, но добираться до любого из них не стоило такого риска. К трем часам дня они находились всего в двух милях от земли. До нее можно было с легкостью доплыть меньше чем за сорок пять минут. Но при этом они бы все погибли.

Таким образом, в три часа десять минут Шеклтон отдал приказ разворачиваться. Они повернули направо и снова развернулись в сторону моря, чтобы потянуть время до утра в надежде, что удастся приблизиться к берегу и найти дорогу в рифах.

Уорсли снова достал дневник и сделал такую запись:

…Сильное волнение с запада.
Очень нестабильное море.
Будем ждать ночи; ветер усиливается…

Они взяли курс на юго-юго-восток, чтобы отплыть подальше от берега, лечь в дрейф и ждать следующего дня. Шлюпка начала отплывать, все молчали. Каждый боролся с ужасным разочарованием. Но сейчас действительно оставалось подождать не больше одной ночи.

К пяти часам вечера начало темнеть, и небо по правому борту «Кэйрда» заполыхало яркими, почти агрессивными оттенками красного и оранжевого, постепенно угасавшими в темноте. В шесть часов стемнело.

Над их головами побежали темные тучи, западный ветер усиливался. Крин приготовил немного похлебки, но воду для нее взяли практически с самого дна бочки, поэтому еда казалось ужасно испорченной. Нужно было приложить большие усилия, чтобы проглотить хотя бы ложку.

Ветер зловеще гудел и с каждым часом усиливался. В восемь часов пошел дождь. Вскоре он превратился в дождь со снегом, и по настилу забарабанил град. К одиннадцати вечера ветер перерос в бурю, и «Кэйрд» оказался на стыке волн, подбрасывавших шлюпку то в одну, то в другую сторону.

Так продолжалось до полуночи. Люди не имели ни малейшего понятия о том, где находятся. Шеклтон решил, что они должны быть достаточно далеко от берега, чтобы лечь в дрейф. Крин и Маккарти осторожно пробрались в темноте к мачте, сняли главный парус и кливер, а затем подняли кливер на грот-мачту. «Кэйрд» развернулся по ветру, и долгое ожидание рассвета началось.

Оставшаяся часть ночи казалась вечностью, состоявшей из мучительно долгих отдельных секунд, которые медленно превращались в минуты, а минуты тянулись и складывались в часы. Ожидание сопровождалось такими пронзительными звуками ветра, каких они еще никогда не слышали за всю свою жизнь.

Наконец наступил рассвет 9 мая, но это был не настоящий рассвет. Черная пустота ночи постепенно сменилась густой серой пеленой. Какова реальная скорость ветра, никто не знал, но предполагали, что явно не меньше шестидесяти пяти узлов. Путь, проделанный ими по морю, был просто ужасным, но теперь к нему прибавились огромные волны, идущие с запада к земле. Они вздымались ввысь на целых сорок футов, а то и выше.

«Кэйрд» с его крошечным рваным триселем[39] почти сдувало ветром, забрасывало на верхушку каждой новой волны. То и дело он сотрясался под свирепым натиском бури. Казалось, чудовищной силы ветер мог с легкостью содрать тряпичный настил. При такой буре тяжело было даже дышать, кислорода не хватало, его вытеснила субстанция из дождя, снега и водяной мороси, поднимаемой ветром с поверхности моря.

Зона видимости сузилась до небольшого участка вокруг шлюпки, но и здесь смотреть мешал туман.

За границами видимости мир для людей в шлюпке заканчивался. Они не имели ни малейшего понятия о том, где находятся, и это было особенно мучительно. Но точно знали одно: где-то с подветренной стороны скалы Южной Георгии возвышаются над водой.

Хотя это казалось невообразимым, утром ветер действительно усилился и к полудню дул с юго-запада уже со скоростью около восьмидесяти узлов. Не могло быть и речи о том, чтобы приготовить какую-то еду, тем более что они все равно не могли есть. Их языки опухли от жажды, а губы потрескались и

кровоточили. Все, кто хотел, могли есть холодные пайки; некоторые пытались жевать небольшие куски, но им не хватало слюны, чтобы нормально глотать.

«Кэйрд» был развернут по ветру. Но они внимательно высматривали за кормой островки или опасные рифы, из-за которых вчера пришлось остаться на плаву. Все утро они ощущали близость острова и постепенно приближались к нему. Это было понятно по гулу ветра, и люди скорее чувствовали, чем слышали, как огромные волны, разбиваясь о берег, рождают множество шоковых толчков, раскачивающих шлюпку.

Примерно в два часа дня они наконец поняли, где находятся. Порывы ветра слегка прорвали плотные облака — и показались две зловещие вершины, которые возвышались над скалами, спускавшимися к морю. Стало ясно, что они приблизительно в одной миле от берега, может, чуть больше.

И самое страшное, в то же мгновение совсем недалеко от шлюпки они увидели линию береговых волн — место, где волны закручивались в чудовищные гребни и с огромной скоростью мчались к земле. Казалось, что все — ветер, течение и даже море — объединилось в едином порыве уничтожить их маленькую шлюпку, которая до сих пор преодолевала все препятствия на своем пути.

Им ничего не оставалось, как поднять парус и попытаться отплыть от берега. Но это было невозможно. Нашлась бы вообще такая шлюпка, которая справилась бы с таким сильным ветром? Не говоря уже о «Кэйрде».

Шеклтон ринулся к корме и перехватил румпель у Крина. Затем Уорсли с Крином, пытаясь добраться до мачты, на животе поползли по палубе. Встать было нельзя — их могло смыть волной или сбросить порывом ветра за борт. Добравшись до мачты, они осторожно поднялись. Ветер был настолько сильным, что они едва смогли снять кливер. Но спустя несколько минут им это все же удалось, и «Кэйрд» тут же скатился по волнам вниз. Крин и Уорсли быстро привязали кливер к форшлагу.

Чтобы поднять основной парус, требовалась помощь Маккарти, поскольку мощные порывы ветра вырывали его из рук.

Вскоре удалось закрепить и его, и бизань. После этого Шеклтон развернул «Кэйрда» на юго-восток, и тут мощный удар ветра едва не перевернул шлюпку. Шеклтон крикнул, чтобы Макниш и Винсент сдвигали балласт. Из последних сил, ползая на коленях, они перетаскивали злосчастные камни на правую сторону до тех пор, пока «Кэйрд» более-менее выровнялся.

Он попытался идти дальше, но первая же волна снова остановила его. Волны заливали шлюпку с такой силой, что

дерево у кормы слегка разошлось, и сквозь щели полилась вода. Шлюпка снова качнулась вперед, и снова на нее накатила волна. Так повторялось бесконечно. Еще немного, и вода либо пробьет палубу, либо сломает мачту, думали все.

Теперь вода поступала в шлюпку и сверху, и снизу.

Она поднималась так быстро, что два человека, постоянно откачивавшие ее, уже не справлялись, поэтому Шеклтон отправил всю команду им на помощь. Трое работали на помпах, двое вычерпывали воду двухгалонным котелком для похлебки. Последний член команды должен был заменять того, кто падал с ног от изнеможения.

И несмотря на предпринимаемые усилия, они все еще стояли на месте. В облаках иногда появлялись разрывы, и в эти моменты люди видели, что берег все так же близко, как и раньше. Спустя час самые страшные опасения подтвердились: ни одна шлюпка не способна противостоять такому сильному шторму.

Шеклтон был уверен, что конец близко. Однако они продвигались вперед, незаметно смещаясь к береговой линии, тем не менее приближаясь к ней все ближе и ближе.

Оценить ситуацию они смогли после четырех часов, когда появился длительный просвет в облаках и стал виден большой скалистый пик высотой около двух тысяч футов слева по курсу. Это был остров Анненкова, чьи горные вершины хорошо просматривались за пять миль от берега. Остров лежал прямо по курсу.

Несмотря на то что «Кэйрд» был развернут к морю, он не мог противостоять буре. И при этом не имел ни малейшей возможности повернуться. Нужно было уходить в сторону. Слева, как показывала карта, тянулась большая линия рифов. По правому борту лежало открытое море, и это было единственное направление, которое они не могли выбрать, поскольку именно оттуда дул ветер.

Ничего не оставалось, кроме как держаться юго-восточного курса, двигаясь максимально точно по ветру, и молиться Богу, чтобы добраться до берега, если шлюпка выдержит. Но все это казалось маловероятным.

Хотя небо и прояснилось, постепенно начинало темнеть. В сумерках на его фоне четко вырисовывались очертания острова Анненкова.

Зрелище было особенно впечатляющим, учитывая их ужасающе бедственное положение. Люди оставались заложниками ветра, борясь за то, чтобы продержаться на плаву, а слева от них возвышалась неподвижная и неподвластная штормам громада. Через какое-то время они услышали, как о

берега острова с силой разбиваются волны.

Только тот, кто стоял у румпеля, мог видеть, что происходит. Остальные с одержимостью обреченных продолжали вычерпывать воду. Иногда люди сменяли друг друга, чтобы передохнуть. Жажда больше никого не волновала, как и все остальное. Единственно важным было одно: чтобы шлюпка оставалась целой и они могли ощущать твердую палубу под ногами. Каждый рулевой то и дело ободряюще кричал тем, кто был внизу: «Она сможет, она справится!»

Но шлюпка не справлялась. К семи тридцати они были уже совсем недалеко от острова. В звуках волн, разбивавшихся о его берега, тонули даже завывания ветра. Вспененные волны, отходя от берега, закручивались вокруг «Кэйрда», а вершины острова находились так близко, что людям приходилось задирать головы, чтобы посмотреть на них.

Уорсли угнетали мысли об их ужасной судьбе. Он вспомнил о своем дневнике, который вел с тех пор, как почти семнадцать месяцев назад они отплыли от берегов Южной Георгии. Этот дневник и сейчас лежал на дне «Кэйрда», завернутый в какие-то лохмотья и насквозь промокший. Утонет шлюпка — дневник утонет вместе с ней. Уорсли думал не о смерти, которая казалась неизбежной, а о том, что никто никогда не узнает, как близки они были к цели.

Он ждал этого момента, в напряжении застыв у румпеля, готовясь к концу, представляя, как дно шлюпки напорется на какой-нибудь камень. Его лицо было мокрым от воды, которая ручьями стекала по бороде. Он ждал конца. Вдруг его взгляд случайно остановился на восточной части неба.

«Она обходит! — закричал он. — Она обходит!»

Все замерли и тут же увидели звезды слева по курсу. Остров больше не стоял у них на пути. Они не знали, как и почему это произошло, возможно, какая-то приливная волна отбросила их в море. Но никто не задумывался над объяснением. Все поняли лишь одно: шлюпка вырвалась.

Теперь оставалось последнее препятствие — скала Мислейд, находившаяся в трех четвертях мили от острова Анненкова. Поэтому они держались юго-западного курса, как можно точнее по ветру. Но все оказалось проще. Рев приливных волн стал стихать, и вскоре все было позади.

Они сразу почувствовали себя безмерно усталыми, какими-то онемевшими и безразличными ко всему. Буря тоже, казалось, устала, или же поняла, что проиграла. Ветер быстро стихал и уже через полчаса стал дуть на юго-юго-запад.

Они развернулись и поплыли на северо-запад.

Воду продолжали вычерпывать почти до полуночи, пока ее уровень не снизился настолько, что для откачки хватало трех человек. Затем люди Уорсли пошли спать, а Шеклтон, Крин и Макниш остались дежурить.

Жажда снова вернулась, и на этот раз чувствовалась сильнее, чем раньше. Но у них оставалось всего две пинты воды, и Шеклтон решил поберечь ее до утра.

В половине четвертого команда Уорсли заступила на дежурство до семи часов. Снова показались острова Южной Георгии, примерно в десяти милях от них по правому борту.

Они направились к земле и к полудню дошли до мыса Демидова, где увидели два ледника, что давало надежду на то, что, растопив лед, они получат драгоценную воду. Тем не менее было очевидно, что доплыть туда до темноты не удастся.

Снова повернули в сторону мыса Короля Хокона. Двадцать минут шли хорошо, но затем проклятый ветер сменил направление и начал сносить их на восток.

Паруса убрали, Шеклтон встал у румпеля, остальные по двое принялись грести. Начался отлив, и теперь вода помогала ветру уносить их прочь от берега. Вскоре стало ясно: они просто стоят на месте. Но к трем часам дня удалось подойти достаточно близко и, более того, — обнаружить относительно спокойные воды небольшой бухты за рифами и безопасный, на первый взгляд, проход к ней. Однако до наступления темноты, по крайней мере на веслах, добраться туда было нереально.

Пришло время отчаянных поступков. Еще одну ночь в море с учетом начавшегося отлива и возможной бури они бы просто не пережили.

Решено! Быстро подняли все паруса на максимальную высоту и направились к узкому проходу между рифами. Но они плыли прямо против ветра, и «Кэйрд» никак не мог с ним справиться. Четыре раза сбивались с курса и снова брали его. Четыре раза у них ничего не получалось.

После четырех часов начало темнеть. Они отошли южнее примерно на одну милю, пытаясь максимально точно выровняться по ветру. Затем снова развернулись, и на этот раз им удалось проскочить.

Паруса тут же спустили и достали весла. Гребли около десяти минут, пока Шеклтон не заметил пещеру по правому борту.

Вход в нее был защищен небольшими рифами, о которые разбивались волны. Но все-таки они нашли проход — пусть даже настолько маленький, что в последний момент пришлось убрать весла.

Примерно через двести ярдов показался высокий берег.

Шеклтон замер на носу, держа в руке остатки каната от якоря. Наконец «Кэйрд» поднялся на волне, ударившись килем о камни. Шеклтон спрыгнул на берег и придержал шлюпку, чтобы она не уплыла.

Остальные тут же последовали за ним.

Было пять часов дня 10 мая 1916 года. Люди стояли на том же острове, от берегов которого отчалили пятьсот двадцать два дня назад.

Они услышали какое-то журчание и в нескольких ярдах от себя увидели небольшой ручей с чистой пресной водой, стекавшей с ледников.

Мгновение спустя все шестеро мужчин стояли на коленях и пили воду.

Часть VII

Глава 38

Этот удивительно тихий момент был почти лишен радости. Да, им удалось совершить невозможное, но какой невероятно высокой ценой. Теперь все было позади, и они чувствовали только одно: ужасную, смертельную усталость. Люди не могли насладиться чем-то большим, чем смутное осознание своей победы, но пожать друг другу руки смогли. Почему-то всем казалось, что это нужно сделать.

Однако даже в этот короткий момент победы им грозила опасность, поскольку прибой в бухте был особенно сильным. «Кэйрд» подбрасывало на волнах и ударяло о камни.

Все поковыляли обратно к берегу по неровным камням ватными от усталости ногами. Пока добрались до шлюпки, волны оторвали румпель. Ее срочно нужно было вытащить из воды, а значит, сначала разгрузить. Выстроившись цепочкой, все принялись медленно передавать друг другу вещи. После того как работа была выполнена, они наконец-то выбросили за борт ненавистный балласт из камней.

Когда пришло время вытаскивать «Кэйрд» на берег, стало очевидно, как чудовищно устали люди. Они старались изо всех сил, но могли разве что раскачивать шлюпку из стороны в сторону. После шести попыток Шеклтон понял, что продолжать бесполезно до тех пор, пока они немного не поедят и не отдохнут.

«Кэйрд» привязали к огромному валуну и оставили покачиваться у кромки воды, ударяясь о камни.

Слева, примерно в тридцати ярдах, заметили пещеру и потащили туда спальные мешки вместе с частью припасов. Оказалось, что это всего лишь небольшое пустое пространство в скале. Но у входа в пещеру висели огромные сосульки высотой не менее пятнадцати футов, надежно защищающие ее от ветров. Забравшись внутрь, люди обнаружили, что глубина пещеры не менее двенадцати футов, чего вполне достаточно, чтобы вместить их всех.

Крин разжег огонь и приготовил немного похлебки. К тому времени, как они закончили есть, было около восьми часов и Шеклтон приказал всем лечь спать. Кроме того, он объявил, что теперь достаточно дежурить по одному и следить за «Кэйрдом». И сразу согласился быть первым. Остальные забрались в свои мокрые спальные мешки и, поскольку их больше не качало, мгновенно уснули.

Все было хорошо, пока в два часа ночи Том Крин, дежуривший в тот момент, не заметил, что «Кэйрд» подхватило

большой волной и канат отвязался. Крин успел ухватиться за конец каната и стал звать на помощь. Когда все проснулись и прибежали к берегу, Крина почти с головой затащило в воду.

Общими усилиями они сумели подтянуть шлюпку к земле и снова попробовали вытащить ее на берег, на этот раз, перекатывая из стороны в сторону. И опять у них не хватало сил.

Они полностью выдохлись и снова сдались, но решили, что даже непреодолимое желание поспать не стоит того, чтобы потерять шлюпку. Шеклтон приказал всем остаться на берегу до наступления рассвета.

Они сели и стали ждать утра. Но не могли уснуть, потому что периодически приходилось спасать «Кэйрд» от ударов о скалы.

Шеклтон обдумывал сложившуюся ситуацию. Изначально он планировал остановиться здесь, чтобы пополнить запасы воды, отдохнуть несколько дней, а затем снова пойти вокруг берега к Лит-Харбор. Но теперь у «Кэйрда» не было румпеля.

Более того, если они хотели отдохнуть, нужно было вытащить шлюпку из воды. Чтобы это сделать, понадобится облегчить ее, разобрав палубу, ведь иначе им просто не удастся ее вытащить. Но если получится, шлюпка вряд ли будет готова снова выйти в море.

Сидя на камнях и дожидаясь утра, Шеклтон решил: вместо того чтобы плыть к Лит-Харбор, трое членов команды останутся здесь, на юге острова, а остальные отправятся за помощью по суше.

По морю им пришлось бы пройти около ста тридцати миль вокруг западной оконечности острова, а затем вдоль северного побережья. По земле нужно пройти лишь двадцать девять миль по прямой. Существовало только одно «но»: за последние три четверти века, с тех пор как люди освоили Южную Георгию, никто никогда не пересекал остров по той простой причине, что это невозможно было сделать.

Несколько горных пиков Южной Георгии были чуть меньше десяти тысяч футов в высоту. Не самое непобедимое препятствие по стандартам скалолазов. Но внутренние территории острова один из сведущих людей описывал как «пилообразные, вонзающиеся в небо горы, состоящие из зубчатых скал и ледников, хаотично сползающих в холодное море». Одним словом, остров был непроходим.

Шеклтон знал это, но другого выбора не существовало. Он объявил о своем решении после завтрака, и все приняли его спокойно, без лишних вопросов. Шеклтон сообщил, что отправится в путь с Уорсли и Крином, как только это станет возможным.

Теперь оставалось завершить кое-какие дела. Макниш и Маккарти должны были достать из «Кэйрда» настил и дополнительные доски, а Шеклтон, Крин и Уорсли занимались выравниванием пола в пещере с помощью камней и сухой травы. Винсент оставался в спальном мешке, потому что сильно страдал от ревматизма.

К полудню Макниш разобрал основную часть дощатого покрытия палубы «Кэйрда», что существенно облегчило шлюпку. После этого предприняли еще одну попытку вытащить ее на берег. На этот раз получилось, хоть и с большими усилиями. Затаскивали шлюпку буквально по нескольку дюймов, то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть. К часу дня удалось оттащить ее на безопасное расстояние от линии воды.

Позже днем Шеклтон и Крин забрались на плато над бухтой и обнаружили там небольшие белые комочки. Это были маленькие альбатросы в гнездах. Шеклтон вернулся обратно и принес ружье. В тот вечер ужинали мясом одного взрослого альбатроса и одного птенца. Уорсли описывал вкус взрослой птицы: «Хорошая еда, но довольно жесткая». Макниш написал просто: «Это было лакомство».

Затем они проспали двенадцать чудесных часов подряд — и ничто в это время их не беспокоило. Утром все чувствовали себя несоизмеримо лучше. Позже днем Макниш восторженно писал: «Нам не было так комфортно ни разу за последние пять недель. На обед мы съели трех птенцов и одного взрослого альбатроса с целой пинтой свекольного соуса — это лучший куриный суп, который я когда-либо ел. Я сейчас думал о том, что бы сказали наши товарищи [на острове Элефант], если бы попробовали такую еду».

Тем временем, изучив местность, Шеклтон и Уорсли выяснили, что это место практически непроходимо. Кроме той пещеры, в которой они жили, все скалы и ледники поднимались почти вертикально. Поэтому Шеклтон решил, что они проплывут на «Кэйрде» около шести миль к бухте Короля Хокона. Карта утверждала, что ландшафт там более гостеприимный. К тому же они оказывались сразу на шесть миль ближе к бухте Стромнесс, расположенной в противоположной части острова, где находилась китобойная база.

Путешествие обещало быть недолгим, но Шеклтон понимал, что люди к нему еще не готовы. Поэтому два дня они просто отдыхали и ели превосходную еду. Постепенно к ним возвращались силы, спадало нечеловеческое напряжение последних дней. Наконец наступил момент, когда на них нахлынуло удивительное чувство безопасности, омрачаемое лишь

осознанием ответственности за тех, кто остался на острове Элефант.

Отплытие запланировали на 14 мая, но все утро шел сильный дождь, поэтому пришлось отложить его на следующий день. Днем небо стало проясняться. Макниш писал: «Я поднялся на холм, полежал в траве, и это напомнило мне о былых временах жизни дома, когда я сидел на холме и смотрел вниз на море».

Они встали следующим утром на рассвете. «Кэйрд» снова загрузили и с легкостью спустили на воду. В восемь часов вышли из бухты на открытую воду. Дул легкий северо-западный ветер, и впервые за долгое время солнце прорвалось сквозь облака.

Это плавание оказалось совершенно беззаботным: «Кэйрд» быстро рассекал блестящую водную гладь. Через какое-то время все начали петь. Шеклтону пришло в голову, что со стороны их легко можно спутать с группой отдыхающих, отправившихся на ранний пикник. Испортить такое впечатление могла разве что их удручающе страшная внешность.

Вскоре после полудня, обогнув высокий утес, они оказались перед защищенным от ветров пологим пляжем из песка и гальки. На нем лежали сотни морских слонов, которых хватило бы, чтобы снабдить команду едой и топливом на неопределенное время. К половине первого все уже были на берегу.

«Кэйрд» оттащили подальше от воды и перевернули. Маккарти укрепил его основание камнями, и, когда все было готово, перенесли внутрь свои спальные мешки. Было решено назвать это место лагерем Пегготти в честь бедной, но благородной семьи из романа Диккенса «Дэвид Копперфильд».

Шеклтону не терпелось отправиться в путь, в основном потому, что время шло и погода, по всем признакам, должна была ухудшаться. Кроме того, сейчас луна была полной, а им, несомненно, требовался ее свет, чтобы спокойно идти ночью. Но на следующий день, 16 мая, рассвет выдался дождливым и туманным, из-за чего они почти весь день провели под «Кэйрдом». Пока все обсуждали предстоящий поход, Макниш совершенствовал обувь для скалолазания. Он вытащил из «Кэйрда» четыре дюжины двухдюймовых винтов и вставил их в подошвы ботинок тех, кто отправлялся в поход, — по восемь штук в каждый.

На следующий день, 17 мая, погода все еще не годилась для похода: шквальный ветер сопровождался дождем и снегом. Уорсли с Шеклтоном отправились исследовать местность на восток от побережья. Из-за плохой видимости их миссия оказалась не очень удачной, но Шеклтон успокоил себя тем, что один из заснеженных склонов имел достаточно пологий спуск

прямо к побережью.

Впервые они задумались о том, чтобы перетаскивать с собой вещи на небольших санях, и Макниш попробовал смастерить что-то подобное из плававших в воде кусков древесины. Но попытка использовать эти сани не увенчалась успехом: они оказались громоздкими, их было довольно тяжело тащить, поэтому идею забросили.

И 18 мая стояла все еще плохая погода, а Шеклтон буквально изнемогал от стремления отправиться в путь. В течение этого долгого дня они снова и снова проверяли оборудование и ждали улучшения погоды.

Было решено идти налегке и не брать с собой даже спальных мешков. Каждый из идущих в поход должен был нести свою порцию пайков и печенья. Кроме того, они брали с собой примус с запасом топлива на шесть приемов пищи, а также небольшой чайник и наполовину полный коробок спичек. У них было два компаса, бинокль и примерно пятьдесят футов веревки, к которой привязали плотничье тесло, чтобы использовать его как топорик для льда.

Единственная вещь, которую Шеклтон разрешил взять, хотя она и не была остро необходима, — это дневник Уорсли.

Когда наступили сумерки, погода прояснилась. Шеклтон с Макнишем, который оставался главным в лагере, сели в стороне, чтобы обсудить все насущные вопросы. Шеклтон оставил Макнишу свои последние распоряжения и сделал такую запись в его дневнике:

> *18 мая 1916 года*
> *Южная Георгия*
> *Сэр,*
> *я собираюсь попробовать добраться до Хасвика на Восточном побережье этого острова, чтобы спасти нашу команду. Оставляю Вас ответственным за группу, состоящую из Винсента, Маккарти и Вас самого. Вы останетесь здесь до прибытия помощи. У вас будет достаточно пищи, которую дает море, вы сможете пополнять запасы еды птицей и тюленями в соответствии со своими способностями. У вас остается двуствольное ружье, пятьдесят патронов [и оставшаяся провизия]… Помимо этого у вас есть все необходимое, чтобы поддерживать жизнедеятельность вверенных Вам людей в течение неопределенного периода времени в случае моего невозвращения. По окончании зимы вам лучше попробовать пройти к Восточному побережью на шлюпке.*

Я буду двигаться к Хасвику в восточном направлении.
Верю, что через несколько дней вы будете спасены.

Искренне Ваш, Э. Шеклтон

Глава 39

Остальные легли спать, но Шеклтон никак не мог уснуть и постоянно выходил на берег, чтобы проверить погоду. Небо прояснялось, но очень медленно. Уорсли тоже встал около полуночи, чтобы узнать, что происходит с погодой.

К двум часам ночи в небе ярко светила луна, а воздух был удивительно чист. Шеклтон сказал, что время пришло.

Последнюю похлебку приготовили так быстро, как только смогли. Шеклтон хотел уйти без лишней суеты, чтобы не подчеркивать значимость их ухода в глазах тех, кто оставался. Все необходимое собрали буквально за несколько минут, пожали друг другу руки, после чего Шеклтон, Уорсли и Крин выбрались из-под «Кэйрда». Макниш прошел с ними около двухсот ярдов, еще раз пожал всем руки и пожелал удачи, а затем вернулся в лагерь Пегготти.

В три часа десять минут началось их последнее путешествие. Три человека прошли вдоль побережья, а затем начали взбираться вверх по довольно отвесному снежному откосу. Шеклтон шел впереди быстрым шагом и задавал хороший темп всей команде. В течение первого часа они поднимались вверх без остановок. Но снег под ногами примерно до лодыжек был мягким, и вскоре все почувствовали усталость в ногах. К счастью, когда они поднялись примерно на две с половиной тысячи футов, угол наклона горной вершины стал меньше.

На карте, по которой они шли, было отмечено лишь побережье Южной Георгии, основная часть территории просто отсутствовала. Данных относительно центральных районов острова не было вообще, а значит, они могли ориентироваться только на то, что видели сами. Шеклтон жаждал поскорее узнать, что их ждет впереди. Было около пяти часов утра. Снег под ногами казался реальным только в тот момент, когда на него ставили ногу. Шеклтон решил, что в целях безопасности будет лучше связать друг друга веревкой.

К рассвету Уорсли подсчитал, что они прошли около пяти миль. Когда солнце поднялось выше, туман стал рассеиваться. Вглядываясь вперед, они увидели чуть левее их восточного курса огромное, покрытое снегом озеро. Наличие озера было редкостной удачей: значит, по всей его длине должен идти более-менее ровный путь, поэтому они направились к нему.

В течение часа с легкостью спускались вниз, несмотря на то что на пути все чаще встречались расселины. Сначала они были узкими, но вскоре стали шире и глубже. Люди поняли, что

спускаются по леднику. Это было необычно, потому что на ледниках редко бывают озера. Но оно было тут, прямо перед ними.

К семи часам солнце поднялось совсем высоко, остатки тумана рассеялись, и вскоре они увидели, что озеро тянется до самого горизонта.

Теперь они шли к заливу Позишн — открытому морю на северном побережье Южной Георгии.

Пройдя около семи миль, они почти пересекли остров по узкому перешейку. Но ни к чему не приблизились. Даже если бы они спустились по отвесному мысу, то внизу не было береговой линии, вдоль которой можно было бы идти дальше. Ледник спускался прямо в море. Ничего не оставалось делать, кроме как вернуться назад по своим же следам, и они начали подниматься.

Самое плохое, что при этом терялось драгоценное время. Если бы они никуда не торопились, можно было бы искать и прокладывать наилучший маршрут, отдыхая по мере необходимости и отправляясь в путь только тогда, когда все участники похода были к этому готовы. Но сейчас им приходилось идти на риск ради сохранения скорости. Они не брали ни спальных мешков, ни палаток. И если в этих горах вдруг резко ухудшится погода, они не смогут спастись. Снежные бури Южной Георгии считаются одними из самых опасных на Земле.

Два утомительных часа ушло на то, чтобы вернуться туда, откуда они спустились, и далее держать курс на восток. К половине девятого они увидели впереди четыре небольшие горные вершины, похожие на костяшки сжатого кулака. Уорсли просчитал, что лучше пойти между первой и второй горой, и они двинулись в этом направлении.

В девять часов они остановились, чтобы поесть впервые за все время пути. В снегу вырыли небольшую ямку и поставили туда примус, на котором разогрели пайки для санных походов с несколькими печеньями и съели все горячим. К половине десятого они уже снова были в пути.

От этого места начинался крутой подъем, и они медленно двинулись вверх. Шеклтон шел первым. Склон казался почти вертикальным, и они поднимались при помощи тесла.

К половине двенадцатого добрались до вершины. Шеклтон первым посмотрел вниз. Он увидел отвесный спуск, который примерно через полторы тысячи футов заканчивался расщелиной, усыпанной кусками льда, падавшими оттуда, где он сидел. Шеклтон жестом подозвал остальных. Путь вниз был закрыт. Более того, справа высились огромные глыбы ледяных скал, усеянных расщелинами, — территория, которую невозможно

пройти. Слева расположилась линия отвесных ледников, круто спускавшихся в море. А прямо впереди, в том направлении, куда им надо было идти, виднелся достаточно пологий заснеженный склон протяженностью примерно восемь миль. Стало ясно, что нужно добраться до него, — только бы удалось спуститься.

Они потеряли около трех часов — напряженных и драгоценных, — чтобы добраться до вершины, на которой сейчас стояли. Однако теперь вынуждены были отступить, вернуться обратно по своим следам и попробовать найти другой путь, возможно, вокруг второй горной вершины.

Отдохнув не более пяти минут, люди начали спускаться вниз тем же путем, по которому поднимались. Физически спуск ощущался намного легче и занял не более часа, но сам факт возвращения поверг всех в уныние. Спустившись вниз, они обошли вокруг подножия горы, осторожно пробираясь между нависающими ледяными скалами и гигантской трещиной, которая представляла собой вырубленный ветрами овраг в форме полумесяца не менее тысячи футов глубиной и около полутора миль длиной.

В половине первого сделали привал, подкрепившись похлебкой, а затем продолжили путь. Подъем был извилистым, крутым, мучительным, а скалы — более отвесными, чем раньше, поэтому уже на полпути к вершине им то и дело приходилось вырубать теслом зазубрины, куда можно было поставить ногу. Высота и напряжение ужасно утомили людей, они больше не могли продолжать двигаться в таком же ритме. Примерно каждые двадцать минут они потягивались, распрямляя спины, разводя в стороны руки и ноги, пытаясь дать мышцам отдых и судорожно глотая разреженный воздух.

Наконец, около трех часов дня, они увидели перед собой шапку бело-голубого льда — горный хребет.

С вершины спуск казался таким же пугающе невозможным, как и первый, только на этот раз все выглядело гораздо страшнее. Была середина дня, и внизу уже образовывался туман. Оглянувшись назад, они увидели, что с востока в их сторону движется еще более огромная полоса тумана.

Ситуация казалась предельно простой: если не спуститься вниз, то они погибнут от холода. По предположению Шеклтона, они находились на высоте около четырех с половиной тысяч футов. На такой высоте температура могла упасть значительно ниже нуля. Им негде было укрыться, а одежда давно потерлась и износилась.

Не теряя ни секунды, Шеклтон решительно начал спускаться, за ним последовали остальные. На этот раз он пытался держаться

как можно выше, осторожно огибая третью вершину и снова поднимаясь вверх.

Они двигались так быстро, как могли, но сил почти не осталось. Ноги дрожали и отказывались повиноваться.

Наконец в пятом часу они добрались до вершины. Горный хребет был настолько острым, что Шеклтон смог сесть на него так, что его ноги оказались с разных сторон. Уже начинало темнеть. Оценив ситуацию, Шеклтон понял: спуск был довольно крутым, но все же лучше, чем два предыдущих. Ближе к основанию он переходил в равнину. Однако это были лишь предположения, потому что долину внизу покрыл туман, и быстро исчезавший солнечный свет становился очень тусклым.

Более того, сзади на них продолжал стремительно надвигаться туман, заполоняя собой все вокруг и угрожая оставить измученных людей на этой вершине навсегда.

Времени на раздумья и колебания не оставалось. Шеклтон перебрался на другую сторону хребта и начал яростно прорубать теслом путь вниз по склону. Мороз крепчал с каждой минутой, солнце почти исчезло. Спускались они невыносимо медленно.

Примерно через полчаса твердая поверхность льда стала мягче, а это значило, что спуск был менее крутым. Шеклтон остановился, как будто вдруг осознал бессмысленность того, что делал. С той скоростью, с которой они спускались, им потребовалось бы еще несколько часов. Да и возвращаться уже было поздно.

Он прорубил теслом небольшую площадку и позвал к себе остальных. Ничего не нужно было объяснять. Они стояли перед выбором: либо остаться на месте, но тогда через два-три часа все замерзнут; либо спускаться вниз так быстро, насколько возможно. Поэтому он предложил съехать вниз…

Уорсли и Крин были в шоке, в особенности от того, что именно Шеклтон предложил этот безумный план. Но он не шутил — и даже не улыбался. Он имел в виду именно то, что говорил, и все знали об этом.

Крин спросил, что будет, если они налетят на камень.

Шеклтон на повышенных тонах возразил, что они не могут оставаться на месте.

Уорсли тоже вступил в спор: его волновал склон. Что, если он не пологий и внизу их ждет еще один обрыв?

Шеклтон начал терять терпение. Он снова спросил, могут ли они оставаться на месте.

Ответ был ясен всем — Уорси с Крином нехотя признали это. Действительно, по-другому быстро спуститься вниз они не могли. Все согласились с таким решением. Шеклтон сказал, что они

будут катиться вместе, держась друг за друга. Они быстро сели на снег и привязали себя веревкой друг к другу, чтобы держаться вместе. Уорсли обхватил Шеклтона ногами вокруг пояса, а руками — за шею. Крин точно так же уцепился за Уорсли. Они стали похожи на трех саночников без саней.

На все ушло чуть больше минуты, и Шеклтон никому не дал времени на раздумья. По сигналу готовности он оттолкнулся — и сердца этих трех мужественных людей замерли. На какое-то мгновение они как будто зависли в воздухе, а затем в ушах безумно засвистел ветер, и они помчались сквозь белые клубы снега. Вниз… вниз… Они кричали, не столько из-за ужаса, сколько от того, что просто не могли сдерживаться. Быстро нараставшее напряжение в ушах и груди выжимало из них эти крики. Все быстрее и быстрее — вниз… вниз… вниз!

Склон стал более пологим — и скорость начала постепенно снижаться. Через несколько мгновений они резко остановились в сугробе.

Осторожно встали. Сердца бешено стучали, они еле могли дышать. Еще миг — и все безудержно захохотали. То, что сотню секунд назад было ужасающей надеждой, превратилось в потрясающую победу.

Они посмотрели на быстро темневшее небо, на то, как вокруг горных вершин примерно в двух тысячах футов над ними собирается плотный туман, и почувствовали особую гордость человека, который в опасный момент решается на что-то совершенно невозможное, — и побеждает.

Перекусив печеньем и содержимым пайков, они пошли на восток по снежному склону. Путь в темноте был нелегким, опасались расщелин. Но с юго-западной стороны силуэты горных вершин слегка подсвечивались. Примерно через час свечение усилилось — теперь дорогу путешественникам освещала полная луна.

Какое это было зрелище! В лунном свете любая расщелина была хорошо заметна, каждый холмик отбрасывал тень. Они продолжали идти дальше, сопровождаемые дружественной луной, но после полуночи все чаще стали останавливаться, чтобы передохнуть, — усталость становилась невыносимой. Сил придавало только осознание того, что цель все ближе.

Около половины первого они поднялись уже примерно на четыре тысячи футов. Склон стал еще более пологим, затем выровнялся и постепенно начал спускаться вниз, слегка изгибаясь к северо-востоку — как раз к бухте Стромнесс. Все больше надеясь на удачу, люди двинулись в ту сторону. Между тем мороз крепчал, а может быть, из-за усталости они начали чувствовать

его сильнее. Поэтому в час ночи Шеклтон разрешил всем остановиться и немного перекусить. В половине второго они уже снова были в пути.

Спускались больше часа, затем увидели воду. Там в свете луны виднелся остров Муттон, расположенный в середине бухты Стромнесс. Двигаясь дальше, они узнавали многие знакомые места и с радостью указывали на них друг другу. Через час или два они уже будут внизу.

Вдруг Крин заметил расщелину справа… а впереди еще несколько расщелин. Они остановились, сбитые с толку. Это же ледник! Но вокруг бухты Стромнесс не было никаких ледников. И тут все поняли, что жестоко обмануты собственными стремлениями и надеждами. Остров перед ними был совсем не островом Муттон, а знакомые элементы пейзажа оказались плодом воображения.

Уорсли достал карту, и все собрались вокруг него, освещаемые лунным светом. Они спустились к тому, что, скорее всего, было заливом Фортуны, который находился к западу от бухты Стромнесс. Значит, придется снова возвращаться по своим следам. Ужасно разочарованные, они начали подниматься обратно.

Два утомительных часа двигались назад, удаляясь от залива Фортуны и пытаясь дойти до той вершины, с которой спустились. К пяти часам преодолели основную часть пути и подошли к еще одной горной гряде, похожей на ту, которая накануне днем встала на их пути. Только на этот раз там было виден небольшой проход.

Все устали до изнеможения, поэтому нашли небольшое укромное место за камнем и сели там, обняв друг друга руками для сохранения тепла. Уорсли и Крин почти тут же уснули, Шеклтон тоже почувствовал, что засыпает. Он резко встряхнул головой. Многолетний антарктический опыт подсказывал ему, что это опасный знак — фатальный сон, который мог привести к замерзанию, верная смерть. Пять долгих минут он боролся со сном, а затем разбудил остальных, сказав им, что они проспали полчаса.

Даже после такого короткого сна их ноги замерзли настолько, что было тяжело выпрямить их и снова начать движение. Перевал между горными хребтами должен был находиться примерно в тысяче футов над ними, и они двинулись туда в полном молчании, боясь предположить, что их ждет на той стороне.

Когда они наконец благополучно преодолели перевал, было шесть часов утра, и в первых лучах рассвета все увидели, что путь им больше не преграждают ни горы, ни обрывы — перед ними

лежала весьма ровная дорога, тянувшаяся так далеко, насколько они могли видеть. Где-то за долиной виднелись высокие холмы, находившиеся западнее Стромнесса.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — сказал Уорсли.

Они начали спускаться. Дойдя примерно до двух с половиной тысяч футов, решили отдохнуть и приготовить завтрак. Уорсли и Крин сделали ямку для примуса, а Шеклтон тем временем пошел смотреть, что ждало их впереди. Он забрался на большой утес, пробивая теслом углубления, чтобы подняться повыше. Вид сверху показался не таким обнадеживающим. Кажется, их путь заканчивается обрывом, но такой вывод вполне мог быть ошибочным.

Шеклтон стал спускаться, и в этот момент до него долетел какой-то звук. Слабый и неясный, но до боли знакомый… он напоминал паровой свисток. Шеклтон знал, что сейчас было около половины седьмого утра… Время, когда люди на китобойной базе просыпались.

Он поспешил вниз по склону, чтобы сообщить Уорсли и Крину эту потрясающую новость. Завтрак проглотили моментально, после чего Уорсли бережно снял с шеи хронометр. Шеклтон с Крином, словно завороженные, стояли рядом, не отрывая взглядов от его рук. Если Шеклтон услышал паровой свисток из Стромнесса, значит, он должен снова прозвучать в семь часов, собирая всех на работу.

Шесть пятьдесят… Шесть пятьдесят пять… Они даже дышать боялись, чтобы не издавать никаких звуков. Шесть пятьдесят восемь… Шесть пятьдесят девять… Секунда в секунду ровно в семь часов по воздуху пронесся звук гудка.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись. Затем, не сказав ни слова, пожали друг другу руки.

Не самая обычная вещь, чтобы ободрить человека — гудок с фабрики, услышанный на склоне горы. Но для них это был первый с декабря 1914 года звук из внешнего мира — с тех пор прошло семнадцать невероятных месяцев. В тот момент они испытали ни с чем не сравнимое чувство гордости и успеха. Несмотря на то что они не сумели даже близко подойти к достижению поставленной перед экспедицией цели, все знали, что каким-то образом им удалось достичь чего-то большего. Намного большего, чем то, что они планировали сделать.

Теперь всем казалось, что Шеклтон одержим идеей спуститься вниз как можно быстрее. Хотя слева был более безопасный, но более длинный маршрут, он решил идти кратчайшим путем, рискуя попасть на крутой склон. Быстро собрали вещи — все, кроме примуса, который без топлива теперь

был пуст и бесполезен. Каждый нес с собой остатки пайка и одно печенье. Люди поспешили вниз, спотыкаясь в глубоком снегу.

Но буквально через пятьсот футов поняли, что Шеклтон действительно видел обрыв в конце склона, к тому же пугающе отвесный, почти как церковный шпиль. Однако желания возвращаться никто не выразил. Шеклтон спустился на край обрыва и начал прорезать уступы в его ледяной поверхности, постепенно спускаясь вниз. Пройдя пятьдесят футов — именно такой была длина веревки, на которой они спускались в связке, — он дождался Уорсли и Крина. Затем все повторилось снова. Они продвигались к цели, пусть даже этот путь был медленным и опасным.

Через три долгих часа, примерно к десяти часам, им удалось добраться до низины. Теперь оставался лишь маленький спуск в долину, а затем небольшой подъем.

Это был долгий спуск, хоть он и занимал всего около трех тысяч футов. Но они очень, очень устали. То, что перед ними оставался всего один холм, придавало сил. К полудню они прошли половину пути, а к половине первого добрались до небольшого плоскогорья и остановились, чтобы посмотреть вниз.

Под ними всего в двух с половиной тысячах футов разлеглась китобойная база Стромнесс. В одной из верфей стоял парусник, а в бухту заходило китобойное судно. Они видели крошечные фигурки людей, ходивших между доками, сараями и навесами.

Все трое долго смотрели на это, не произнося ни слова. Казалось, говорить нечего. Да и нужных слов, судя по всему, ни у кого не находилось.

«Пойдем вниз», — тихо сказал Шеклтон.

Они подошли так близко, что старая добрая осторожность Шеклтона снова вернулась к нему: он должен быть уверен в том, что сейчас все будет хорошо. А потому спускаться нужно крайне осторожно. Спуск был непростой, полностью покрытый льдом и напоминавший стенки миски, скруглявшиеся со всех сторон к гавани. Оступишься — и придется, барахтаясь, лететь до самого низа, потому что на пути нет почти ничего, за что можно уцепиться.

Они двигались вдоль вершины горного хребта, пока не обнаружили небольшое ущелье, по которому можно было нормально спускаться вниз. Через час стены ущелья стали круче. И по прошествии какого-то времени люди оказались по колено в потоках ледяной воды, стекавших с заснеженных вершин. Но шли дальше.

Около трех часов они увидели, что эти потоки резко заканчиваются водопадом.

Подойдя к самому краю, они посмотрели вниз. Высота около двадцати пяти футов. Но это единственный путь. Ущелье в этом месте напоминало желоб с почти перпендикулярными стенками, поэтому из него не было возможности выбраться.

Им ничего не оставалось, кроме как прыгать через край. Относительно быстро удалось найти достаточно большой валун, который мог выдержать их вес. К нему привязали веревку. Все трое сняли куртки, тщательно завернув в них тесло, котелок и дневник Уорсли, а затем бросили все это вниз.

Крин должен был спускаться первым. Шеклтон и Уорсли начали опускать его, и он, сдерживая дыхание и захлебываясь в потоках воды, благополучно достиг земли. Затем сквозь водопад спустился Шеклтон. Уорсли шел последним.

Это был леденящий душу спуск, но теперь они находились внизу, практически на земле. Веревку пришлось оставить, поэтому они взяли свои последние три вещи, обернутые куртками, и пошли к базе, до которой оставалась всего одна миля.

Почти одновременно все вспомнили о том, как они выглядели. Волосы, свисавшие почти до плеч, спутанные бороды, перепачканные солью и тюленьим жиром. Грязная, изношенная и рваная одежда.

Уорсли залез под свитер и осторожно достал четыре ржавые булавки, которые хранил там почти два года. Ими он скрепил самые большие дыры в штанах.

Глава 40

Матиас Андерсен служил станционным бригадиром на базе Стромнесс. Он никогда не встречал Шеклтона, хотя, как и все на Южной Георгии, знал, что «Эндьюранс» вышла отсюда в 1914 году… и, несомненно, вместе со всем экипажем погибла в море Уэдделла. В тот момент его мысли были очень далеки от судьбы Шеклтона и неудавшейся Имперской трансантарктической экспедиции. Долгий рабочий день Андерсена начался в семь утра, а сейчас часы показывали уже четыре вечера, и он изрядно устал. Он стоял в доках, контролируя разгрузку припасов с корабля.

В этот момент раздался какой-то крик. Два маленьких мальчика лет одиннадцати бежали к нему. Они явно не играли — в глазах отражался настоящий страх. За ними Андерсен разглядел фигуры троих людей, которые медленно и как будто через силу двигались в его сторону.

Он был озадачен. Эти трое определенно были чужаками. Но странным казалось даже не это, а то, откуда они шли — не с доков, куда может прийти корабль, а с гор, с внутренней части острова.

Когда люди приблизились, Андерсен увидел, что они были очень бородаты, лица, за исключением глаз, покрыты черным слоем грязи. Волосы, длинные, как у женщин, спускались почти до плеч. Почему-то они казались волокнистыми и жесткими. Одежда тоже очень отличалась от привычных свитеров и ботинок, которые носят моряки. На этих троих были парки, хотя разве определишь точно, если их вещи так ужасно потрепаны?

Все рабочие остановились, изумленно рассматривая приближавшихся незнакомцев. Бригадир вышел вперед, чтобы поприветствовать их. Человек, шедший посредине, заговорил по-английски.

«Отведите нас, пожалуйста, к Антону Андерсену», — спокойно произнес он. Отрицательно мотнув головой, бригадир пояснил, что Антона Андерсена больше нет в Стромнессе. Его заменили обычным управляющим фабрики Торальфом Сорлем.

Англичанин казался довольным. «Прекрасно, — сказал он. — Я знаю Сорля довольно хорошо».

Бригадир показал дорогу до дома Сорля, стоявшего справа от них буквально в ста ярдах. Почти все рабочие с причала сбежались, чтобы посмотреть на незнакомцев, появившихся у доков, и теперь выстроились цепью вдоль дороги, с любопытством наблюдая за бригадиром и его тремя спутниками.

Андерсен постучал в дверь управляющего, и через мгновение

Сорль собственной персоной предстал перед ними, одетый в рубашку без рукавов и, как всегда, с закрученными усами.

Увидев незнакомцев, он отшатнулся, по его лицу пробежала тень изумления. То, что он видел, казалось невозможным. Повисло долгое молчание.

«Кто вы такие, черт побери?» — оправившись от шока, произнес Сорль.

Человек, стоявший посредине, сделал шаг вперед.

«Мое имя Шеклтон», — ответил он тихим голосом.

Повисла тишина. Некоторые говорили, что Сорль отвернулся и заплакал.

Эпилог

Кроме Шеклтона, пересечь Южную Георгию удалось лишь одной экспедиции, да и то почти сорок лет спустя, в 1955 году. Это сделала исследовательская группа под руководством Дункана Карса. Команда состояла из профессиональных альпинистов и была оснащена всем необходимым для подобного путешествия. И несмотря на это, они говорили, что маршрут был ненадежным и опасным.

В своих записях, сделанных во время этой экспедиции, в октябре 1955 года, Карс объяснял, что у них было два пути: по верху и по низу.

Он писал: «По расстоянию они различаются не более чем на десять миль; но по сложности едва ли сопоставимы.

Сегодня мы идем не спеша и довольно просто. Все хорошо подготовлены физически, у нас есть сани и палатки, достаточно еды и времени. Мы идем по никем не пройденной дороге, но у нас есть свободное время и возможность исследовать, что будет дальше. Мы сталкиваемся только с рассчитанным и предполагаемым риском. Ничьи жизни не зависят от нашего успеха, кроме наших собственных. Мы выбрали путь по верху.

Они — Шеклтон, Уорсли и Крин — пошли по низу.

Я не знаю, как они это сделали. Знаю только одно: это были три мужественных человека из того самого героического века великих антарктических исследователей, имевшие при себе только пятьдесят футов веревки и плотничье тесло».

Все удобства, которые только можно было предоставить, китобойная база, конечно же, предоставила Шеклтону, Уорсли и Крину. Сначала они насладились роскошью настоящей ванны и побрились. Затем им дали новую одежду из хранилища базы.

Вечером после обильного ужина Уорсли на борту китобойного судна «Самсон» отправился вокруг Южной Георгии к лагерю Пегготти, где их ждали Макниш, Маккарти и Винсент. К утру «Самсон» причалил к бухте Короля Хокона. Об этой встрече почти ничего неизвестно, кроме того, что обитатели лагеря сначала не узнали в тщательно выбритом человеке в новой одежде своего товарища Уорсли — уж слишком его внешний вид отличался от того, к которому они привыкли. Макниш, Маккарти и Винсент забрались на борт китобоя, туда же погрузили и многострадальный «Кэйрд». «Самсон» прибыл обратно в Стромнесс на следующий день, 22 мая.

Тем временем Шеклтон начал прилагать все усилия, чтобы как можно быстрее отправиться на деревянном китобойном судне

«Южное небо» к острову Элефант и спасти остальную часть команды.

Вечером был организован настоящий мужской прием «по-простому» в месте, которое Уорсли описал, как «большую комнату, заполненную капитанами, помощниками и матросами, всю в густом тумане от табачного дыма». Вперед вышли четыре седых норвежских капитана. Главный говорил на норвежском, и Сорль переводил его слова. Капитан сказал, что они с товарищами бороздят антарктические моря уже сорок лет и знают о них все. Поэтому хотят пожать руку людям, которые смогли дойти от острова Элефант до Южной Георгии через пролив Дрейка на двадцатидвухфутовой шлюпке.

Все, кто был в комнате, встали, и четыре старых капитана с чувством пожали руки Шеклтону, Уорсли и Крину, поздравляя их с такой немыслимой победой.

Многие из китобоев были бородаты, одеты в теплые свитера и морские ботинки. Не было никаких формальностей, никаких речей, никаких медалей или подарков. Все хотели только одного: выразить свое восхищение тем, что, вероятно, лишь они могли оценить по достоинству. Искренность китобоев делала эту сцену простой, но особо торжественной. Потом в жизни путешественников было немало поздравлений, но, наверное, ничто не сравнится с той ночью 22 мая 1916 года. В темной складской лачуге на Южной Георгии, насквозь пропитанной запахом гниющих китовых туш, китобои южного океана выходили по одному вперед и молча пожимали руки Шеклтону, Уорсли и Крину.

На следующее утро, меньше чем через семьдесят два часа после того, как они спустились с горного перевала к Стромнессу, Шеклтон с двумя своими товарищами отправились к острову Элефант, положив начало целой серии мучительных попыток спасения, продолжавшихся на протяжении трех с лишним месяцев. Казалось, льды, окружавшие Элефант, решили, что ни один спасательный корабль не пройдет сквозь них, чтобы забрать потерпевших кораблекрушение людей.

«Южное небо» столкнулось со льдами уже спустя три дня после выхода из Южной Георгии, и меньше чем через неделю ему пришлось вернуться в порт. Тем не менее в течение десяти дней Шеклтону удалось получить от уругвайского правительства небольшое исследовательское судно «Институто де Песка № 1»[40], на котором предприняли вторую попытку спасти команду. Это судно вернулось назад через шесть дней, сильно поврежденное льдами, через которые Шеклтон пытался провести его.

Третья попытка была предпринята на капризной деревянной шхуне под названием «Эмма». Они провели в море почти три недели, в течение которых стало понятно: это судно тяжело даже просто удержать на плаву, не то что кого-то спасти на нем. «Эмма» не смогла подойти к острову Элефант ближе, чем на сто миль.

Уже было 3 августа — три с половиной месяца прошло с тех пор, как «Кэйрд» вернулся в Южную Георгию. С каждой неудачной попыткой спасти своих людей напряжение Шеклтона все больше возрастало; Уорсли заметил, что никогда не видел его таким нервным. Он постоянно обращался к британскому правительству с просьбами выделить нормальное судно, способное пройти сквозь паковые льды. Стало известно, что корабль «Дискавери», на котором в 1901 году в Антарктику отправился Скотт, уже вышел из Англии. Но ему потребовались бы недели на то, чтобы доплыть до места, а Шеклтон не мог просто сидеть и ждать.

Он обратился к чилийскому правительству с просьбой использовать старый морской буксир «Елчо»; но пообещал не заводить его во льды, поскольку тот имел стальной корпус, способность которого выдержать опасные перемены в погоде, не говоря уже о льдах, вызывала сомнения. На эту просьбу ему ответили согласием, и 25 августа «Елчо» отплыл.

На этот раз повезло больше.

Спустя пять дней, 30 августа, Уорсли записал в дневнике: «Пять часов двадцать пять минут утра. Полная скорость… Одиннадцать десять [утра]… показалась земля. Путь: между кусками льда, рифами и стоячими айсбергами. Час десять дня… на юго-западе виден лагерь…»

Для двадцати двух человек на острове Элефант 30 августа начиналось почти так же, как и любой другой день. На рассвете было безоблачно и холодно, погода в этот день обещала быть хорошей. Но вскоре появились плотные облака, и все стало, как записал Орд-Лис «мрачным, к чему мы уже так привыкли».

Как всегда, почти все начали забираться на смотровую скалу, чтобы еще раз убедить себя в том, что никакого корабля нет. Сейчас они делали это скорее по привычке, чем в надежде. Этот ритуал они просто привыкли выполнять, поэтому теперь взбирались на скалу без надежды и возвращались в хижину без разочарований. С тех пор как ушел «Кэйрд», прошли долгие четыре месяца и шесть дней. Среди команды не осталось ни одного человека, который все еще серьезно верил бы в то, что шлюпка выдержала путешествие до Южной Георгии. Теперь требовалось решить только один вопрос: когда именно «Уиллс» отправится в опасное путешествие до острова Десепшен.

После завтрака все начали расчищать снег вокруг хижины. Но позже утром начался отлив, и они отложили все дела, чтобы собрать немного моллюсков и рачков, оставшихся после него на берегу. Уолли Хоу решил побыть поваром и сварил обед из вареного тюленьего хребта — полюбившегося всем блюда.

Похлебка была готова примерно к двенадцати сорока пяти, и в хижине собрались все, кроме Мэрстона, который искал интересный утес, чтобы сделать небольшие зарисовки.

Через несколько минут все услышали, как он бежит к хижине, но никого это не удивило. Он просто опаздывает на обед.

Мэрстон просунул голову внутрь и обратился к Уайлду таким сдавленным голосом, что многим сначала он показался вполне обыденным: «Может, нам послать дымовой сигнал?»

На мгновение повисла звенящая тишина — в ту же секунду все поняли, что имеет в виду Мэрстон.

«Прежде чем кто-либо успел ответить, — писал Орд-Лис, — все бросились на берег, перелезая друг через друга, побросав миски с похлебкой. Дверной навес тут же разорвали в клочья. Те, кто не успевал пробиться через этот выход, выбегали сквозь “стену”, точнее через то, что от нее оставалось».

Некоторые успели надеть ботинки, а другие второпях позабыли об этом. Джеймс, лихорадочно натягивая обувь, спутал левую ногу с правой.

И действительно, всего в миле от берега они увидели небольшой корабль.

Маклин бросился на смотровую скалу, снимая на бегу свою куртку «Барберри». Затем он привязал ее к веслу, служившему им флагштоком. Но смог только наполовину поднять его, поскольку фал заклинило на середине. (Шеклтон увидел, что сигнальный флаг наполовину спущен, и, как он признавался позже, задохнулся от ужаса, решив, что кто-то из членов команды погиб.)

Херли собрал всю осоку, которую только смог найти, вылив на нее масло из тюленьего жира и два галлона парафина, которые у них оставались. Он долго пытался все это поджечь, и когда наконец его усилия увенчались успехом, результат больше напомнил взрыв — много огня, мало дыма.

Но это было не важно. Корабль двигался в их сторону.

Уайлд подбежал к самой кромке воды и подавал сигнал оттуда. Хоу открыл коробку с драгоценным печеньем и принялся всем раздавать. Но разве сейчас время, чтобы есть? Даже такое невероятное лакомство не могло сравниться с восторгом этого момента.

Маклин вернулся в хижину, посадил Блэкборо к себе на

плечи и отнес к камням, возле которых неистово сигналил Уайлд, чтобы парень тоже мог насладиться этим чудесным моментом.

Корабль подошел еще на несколько сотен ярдов и остановился. Стоявшие на берегу увидели, как на воду спускают шлюпку. В нее забрались четыре человека, крепкая фигура последнего из них была им до боли знакома — Шеклтон! Всех охватило настоящее ликование. На самом деле радость тех, кто находился на берегу, была настолько сильной, что многие даже начали истерически хихикать.

Через несколько минут шлюпка подошла достаточно близко, чтобы можно было услышать Шеклтона.

— Вы все в порядке? — закричал он.

— Все в порядке, — ответили ему с берега.

Уайлд показал шлюпке безопасный проход между камней, но из-за льда, окружавшего берег, невозможно было причалить к земле, поэтому шлюпка осталась ждать на некотором удалении от берега.

Уайлд уговаривал Шеклтона выйти на берег и посмотреть, как они обустроили хижину, в которой жили эти долгие четыре месяца. Но Шеклтон, радостно улыбаясь и чувствуя явное облегчение, все еще был заметно напряжен и хотел лишь одного — поскорее уплыть. Он отклонил предложение Уайлда и призвал всех как можно быстрее сесть в шлюпку.

Долго уговаривать никого не пришлось, все по одному перепрыгивали с камней в шлюпку, совершенно забыв о множестве личных вещей, которые всего час назад были для них едва ли не самыми необходимыми.

Команду переправляли на «Елчо» двумя партиями.

Все это время Уорсли пристально наблюдал за происходящим с борта корабля. Позже он написал: «Два часа десять минут. Все в порядке! Наконец-то! Два часа пятнадцать минут. Полный вперед!»

Маклин написал: «Я остался на палубе, чтобы посмотреть, как вдалеке растворяется остров Элефант… Все еще видно, как на холме развевается моя [куртка] — не сомневаюсь, что она будет развеваться там к удивлению чаек и пингвинов до тех пор, пока одна из наших знакомых [бурь] не разорвет ее в клочья».

От автора

Я никогда не смогу в достаточной степени выразить свою признательность всем тем, кто внес свой вклад в это дело. Но хочу перечислить здесь всех, кому особенно благодарен: Уильяму Бэйквеллу из Дьюкса, штат Мичиган; Чарльзу Фергюссону из Чаппакуа, штат Нью-Йорк; Марджори и Джеймсу Фишер из Нортгемптона, Англия (они соавторы книги «Шеклтон и Антарктика» и любезно предоставили мне огромное количество материалов, собранных во время их собственного тщательного исследования жизни Шеклтона); Чарльзу Грину из Халла, Англия; капитану Лайонелу Гринстриту из Бриксхема, Англия — в первую очередь за то, что он потратил так много часов на работу со мной и любезно разрешил использовать два очень подробных дневника, а позже отвечал на многие мои вопросы в письмах; Эвелин Харви из Нью-Йорка за терпеливую критику и советы; Уолтеру Хоу из Лондона, Англия; доктору Леонарду Хасси из Чорливуда, Хартфордшир, Англия, за то, что предоставил много интересной информации как лично, так и в письмах; Джоан Огл-Исаак из Лондона, которая потратила не одну неделю на совместные поиски нужных мне сведений; доктору Реджинальду Джеймсу из Кейптауна, Южная Африка; Альфреду Керру из Илфорда, Эссекс, Англия; Джеймсу Марру из Суррея, Англия, любезно предоставившему мне дневник Фрэнка Уорсли, который тот вел во время путешествия на шлюпке «Кэйрд», за что я ему особенно благодарен; доктору Джеймсу Макелрою из Аберистуита, Уэльс; Эдне О'Брайен из Скарборо, штат Нью-Йорк; Морису Рагсдейлу из Чаппакуа, штат Нью-Йорк, который прочитал рукопись и дал мне несколько мудрых советов; Сесиль Шеклтон, ныне покойной, которая перед смертью любезно предоставила мне дневник своего отца и многие из его личных бумаг.

Благодарю Институт полярных исследований Скотта в Кембридже, который предоставил мне доступ к следующим рукописям:

1. Дневник Фрэнка Уорсли, который он вел на «Эндьюранс», 1914–1916 гг. (S.P.R.I. ms296).

2. Дневник (бортовой журнал) Фрэнка Уорсли, который он вел на «Джеймсе Кэйрде», апрель — май 1916 г. (S.P.R.I. ms 297).

3. Дневники Реджинальда Джеймса (S.P.R.I. ms 370).

4. Книга учета Томаса Орд-Лиса, которую он вел во время экспедиции «Эндьюранс» (S.P.R.I. ms 293). Машинопись.

Хочу выразить особую благодарность Гарри Кингу и Энн

Сейвор из Института полярных исследований Скотта за многие часы оказанной мне помощи и особый интерес к этому проекту; Арнту Веггеру из норвежской кораблестроительной компании Framnaes в Саннефьорде, а также Ларсу Кристенсену, Андеруду Ларсену, Матиасу Андерсену и многим другим из Саннефьорда, предоставившим мне массу информации о Южной Георгии — светокопии, картинки и все, что было возможно, о самой «Эндьюранс»; сэру Джеймсу Уорди из Кембриджа, Англия.

И наконец, я хотел бы отдельно поблагодарить трех человек, которым особенно признателен: Пола Палмера из Риджфилда, штат Коннектикут — без его энтузиазма, ободрения и помощи эта книга не была бы написана; доктора Александра Маклина из Калтса, Абердиншир, Шотландия, перед которым я в таком огромном долгу, что сложно описать словами. Мало того что он предоставил в мое распоряжение свои дневники и дневники своих товарищей по экспедиции, он еще и подготовил для меня подробный доклад о путешествии на шлюпках к острову Элефант. Я благодарен ему за великодушие, объективность, а самое главное, за терпение на протяжении тех долгих месяцев, в течение которых он старательно и подробно отвечал на мои многочисленные вопросы, никогда ничего не упуская. Я просил его о помощи намного чаще и больше, чем имел на то моральное право.

И конечно же, мою жену. Могу сказать только одно: ее вклад в мою работу был намного больше, чем простое проявление чувства долга.

notes

Сноски

1

Кладовщик. *Прим. ред.*

2

Нижняя кормовая часть судна в виде жесткой балки или рамы сложной формы; служит опорой гребного вала и руля, защищает руль и гребной винт от ударов. *Прим. ред.*

3

Погонщики собачьих упряжек. *Прим. ред.*

Здесь и далее температура указывается в градусах по шкале Фаренгейта. Для справки: 0 ˚C — температура замерзания воды — равна 32˚ по шкале Фаренгейта; –10 ˚C = 14 ˚F, –20 ˚C = –4 ˚F, –30 ˚C = –22 ˚F. *Прим. ред.*

5

Открытая камера (или коробка) в корпусе струнного музыкального инструмента; служит для усиления звука, улучшения воспроизведения низких частот, придает инструменту определенный тембр звучания, который зависит от формы и размеров резонаторного ящика. *Прим. ред.*

Endurance — выносливость (англ.). *Прим. пер.*

7

Сухопутная миля равна 1,609 км, морская — 1,853 км. *Прим. ред.*

8

Международный геофизический год — период с 1 июля 1957 года по 31 декабря 1958 года (18 месяцев), в течение которого 67 стран на всем земном шаре проводили геофизические наблюдения и исследования по единой программе и методике. *Прим. ред.*

9

Крупная лошадь — тяжеловоз. Сильная, рослая порода из французской провинции Перш, пригодная для грузовых и сельскохозяйственных работ. *Прим. ред.*

10

Вероятно, это перефразированная цитата из мемуаров Эпсли Черри-Гаррарда, сопровождавшего экспедицию Роберта Скотта, которая звучит так: «В области науки и географических исследований мне нужен Скотт, для путешествия полярной зимой — Уилсон, для молниеносного рывка к Полюсу — Амундсен; но, если я окажусь в пасти у дьявола и захочу из нее выбраться, я без колебаний призову Шеклтона. *Прим. ред.*

11

Речь идет об Антарктической экспедиции 1897–1899 годов на судне «Бельжика». Подробнее о ней см.: Хантфорд Р. Покорение Южного полюса. Гонка лидеров. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. *Прим. ред.*

Выносливость (англ). *Прим. ред.*

13

Шхуна-барк; трех-, пяти-, иногда шестимачтовое морское парусное судно с косыми парусами на всех мачтах, кроме носовой (фок-мачты), несущей прямые паруса. *Прим. ред.*

Более двух метров. *Прим. ред.*

15

Несмотря на то что Шеклтон приобрел корабль за 67 тысяч долларов, сегодня верфь Framnaes не стала бы строить подобное судно за менее чем 700 тысяч; по их словам, цена может доходить до миллиона долларов.

16

Приподнятая часть верхней палубы в кормовой части судна. *Прим. ред.*

17

Темное пиво, приготовленное с использованием жженого солода с добавлением карамельного солода и жареного ячменя. *Прим. ред.*

Мелкий рыхлый лед. *Прим. ред.*

19

Прямыми парусами оснащаются большие морские суда — корабли, барки, баркентины, бриги и бригантины. *Прим. ред.*

20

Дуглас Моусон (1882–1958) — австралийский геолог, исследователь Антарктики, автор трудов по геологии и гляциологии. Участник трех антарктических экспедиций, одной из которых в 1907–1909 годах была первая экспедиция Шеклтона, 16 января 1909 года достигшая Южного магнитного полюса на Земле Виктории. *Прим. ред.*

21

Стихотворение американского поэта Генри Лонгфелло. *Прим. ред.*

22

Флаг Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. *Прим. ред.*

23

Гринхарт суринамский, вечнозеленое дерево, достигающее в высоту 30 метров. Одна из самых стойких и прочных пород дерева в тропической зоне Америки. *Прим. ред.*

24

Пеммикан — концентрированный питательный пищевой продукт, обладающий малым весом и объемом при максимальном содержании в нем полезных веществ. Состоит из сушеного на солнце, провяленного оленьего или бизоньего мяса, измельченного в порошок и смешанного с растопленным жиром и соком лесных кислых ягод. Изобретен канадскими индейцами из племени алгонкинцев, употреблявших пеммикан при дальних переходах, военных походах и т. п. С середины XIX века стал известен в Европе и использовался как стандартная пища-концентрат в полярных экспедициях. *Прим. ред.*

25

Один из самых любимых праздников в Шотландии. Языческий праздник, связанный с ритуалами огня и сопровождающийся красочными факельными шествиями. Отмечается еще со времен викингов, совпадает с календарным Новым годом. *Прим. ред.*

26

Американский исследователь Адольфус Грили провел 1881–1884 годы в Арктике. Спасательный корабль не смог до них доплыть, и семнадцать из двадцати четырех членов команды погибли от голода.

27

Имеется в виду Орд-Лис. *Прим. ред.*

28

29 февраля — день святого Освальда — в ряде европейских стран считается единственным днем, когда женщина может сама сделать предложение о браке холостому мужчине. Традиция зародилась в Ирландии в V веке и закрепилась после издания в XIII веке специального закона в Шотландии. Это было связано с тем, что рыцари сотнями погибали в войнах и поединках, из-за чего в Европе стремительно росло число старых дев. В XVII веке схожее постановление было издано и в Англии, но обязательного статуса оно не имело и носило скорее разрешительный характер. *Прим. ред.*

Danger Islets. *Прим. ред.*

Другое название — остров Мордвинова. *Прим. ред.*

Примерно пять километров. *Прим. ред.*

32

Вид дельфинов из рода афалин. *Прим. ред.*

33

Перевод Светланы Лихачевой.

34

Пластины льда преимущественно круглой формы от 30 см до 3 м в диаметре и до 10 см толщиной, с приподнятыми краями вследствие удара льдин одна о другую. Могут формироваться на легкой волне из разных видов льда, а также в условиях большой зыби. Процесс образования чаще всего начинается с тонкой пленки на вершине возбужденной воды (или смазочного льда), которая сбивается в круговую форму. *Прим. ред.*

35

Единица объема и вместимости, мера жидкости в Англии, США и некоторых других странах, равная почти четырем кружкам. Один галлон для жидкости в Великобритании равен 4,546 л, в США — 3,785 л. Один галлон для сыпучих веществ в США равен 4,405 л. *Прим. ред.*

36

Традиционная единица объема в английской системе мер; 1 имперская пинта равна 568,261485 миллилитра, 1 американская пинта — 473,176473 миллилитра. *Прим. ред.*

Косой треугольный парус. *Прим. ред.*

Смоленые снасти стоячего такелажа. *Прим. ред.*

Косой четырехугольный парус. *Прим. ред.*

Instituto de Pesca No. 1 — дословно «Рыболовный институт № 1». *Прим. ред.*